

**საქართველოს პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა  
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ПАРЛАМЕНТА ГРУЗИИ**

**АННА ЭСКУРИ**

# **ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ**

**ТБИЛИСИ 2015**

UDC 821.162.1-94

**Перевод с финского - автора**  
**Авторский вариант, расширенный**  
**Редактор: Алла Киселева**

Книга Анны Эскури (1901 – 1992) – это рассказ о драматичном периоде ее жизни (1919 – 1946гг).

Цель этого повествования – не дать забыть ныне живущим о мрачной главе нашего прошлого и не допустить его повторения.

© Национальная библиотека парламента Грузии  
© Симела Кипшидзе

**ISBN 978-9941-0-8336-5**

Анна Эскури

(Нина Квачадзе)

Анна-Эмилия Эскури родилась 13 мая 1901 г. в г. Оулу на севере Финляндии. В 1919 г. она вышла замуж за Димитрия Бахтина, инженера русско-финской ж\д компании. В том же году Анна (или Нина, как её называл муж после венчания) переехала с ним в Россию, где Димитрий был арестован и сослан на Соловецкие острова.

Оставшись одна с дочкой, в 1936 г. она переехала в Тбилиси вместе со вторым мужем, Андро Квачадзе, который занимал руководящий пост в сфере экономики. Вскоре после приезда его арестовали и расстреляли.

В 1946 г. она вернулась в Тбилиси, где и жила со своей дочкой Ниной Кипшидзе и её семьёй. Долгое время занималась переводами технических текстов со скандинавских языков в Торговой Палате Грузии, преподавала английский, некоторое время вела курс финского языка в Тбилисском Институте Иностранных языков. Несколько раз ездила на родину в гости к своим близким в Финляндию, где и издала в 1985 г. на финском языке книгу о своей жизни «Против течения» - книгу, которая у нее на родине вошла в пятерку лучших книг года.

Предлагаемый читателям текст является авторским переводом с финского, дополненным многими эпизодами и именами. Текст написан от третьего лица, где автор называет себя Мили, по своему второму финскому имени (Анна-Эмилия). В финском тексте она изменила имена двух своих тбилисских друзей по лагерю – в те времена еще не говорили открыто о лагерях. В русском тексте приведены их настоящие имена.

Анна Эскури (Нина Квачадзе) скончалась в Тбилиси 14 марта 1992 г.

\*В книге называет себя Мили

# 1. ПРОЩАНИЕ

Дождливым ноябрьским утром в начале недели двое мужчин в кожаных пальто пересекли сад и появились в доме. Дома были только женщины – Мили и Серафима Петровна. Димитрий не вернулся накануне из города – очевидно, неотложные дела заставили его ночевать в салон-вагоне, служившим ему квартирой на станции Харьков. Мили тоже случалось ночевать там после посещения театра или визита к друзьям, и каждый раз она удивлялась, как сохранился в послевоенной разрухе этот салон-вагон со своими коврами, зеркалами и кожаной мебелью.

Сейчас, когда Димитрия не было дома, нахальное поведение мужчин не предвещало ничего хорошего. Не ожидая приглашения, они вошли в столовую, молча осмотрели комнату, затем сели за стол и на вопросы хозяйки дома ничего не ответили.

Один из них вытащил какую-то бумагу из большого портфеля и протянул ее Мили, но она не сумела прочесть ее, так как бумага была составлена на украинском языке. Мужчины посидели некоторое время молча, куря страшно вонючий табак, и, наконец, сказали, что приступают к работе. Работа началась со шкафа с посудой. Всю посуду вытащили, сахарницу опрокинули на стол, затем начали стучать по ножкам стола и стульев, сняли картины и фотографии со стен и сорвали с них рамы. Все это делали молча, не обращая внимания на протесты ошеломленных женщин. В комнате Серафимы Петровны все перевернули вверх дном; матрасы, подушки стащили на пол и все тщательно перещупали. Старая женщина в негодовании повторяла:

- Кто вам разрешил копать в чужом доме?

Мужчин это, как видно, задело, им не нравились эти вопросы, но они продолжали работать. Открыли старую китайскую шкатулку, отложили в сторону письма и фотографии и запретили их трогать. Взяли любимые ноты Серафимы Петровны, вырезки из газет, все, что она хранила бережно десятками лет, что и в дальнейшем могло бы рассказать о старой культуре.

К счастью, в этой довольно большой шкатулке искусной работы был незамеченный ими тайник, в котором хранились драгоценности. Сердце Мили горестно сжалось, когда из ящика туалетного столика

достали фотографии и письма, которые получала от родных из Финляндии.

Серафима Петровна все спрашивала этих неприятных людей, где находится ее сын, но в ответ получала только неопределенное мычание. Молодой хозяйке вручили бумажку с адресом в Харькове и указанием числа и часа, когда ей надлежало явиться на допрос. Эти товарищи забрали весь свой улов, перевязали веревками книги на финском, немецком, английском и французском языках – как особо важное доказательство виновности? – Взяли свои портфели и ушли.

Свекровь и невестка сидели безмолвно среди всего этого хаоса. Мили казалось, что какая-то неведомая сила вновь разрушила не только ее уютный дом, но и всю с таким трудом налаженную жизнь. В памяти всплыли слова, в сердцах брошенные ей однажды ее двоюродной сестрой: «Будь ты проклята на всю твою жизнь!» Вся родня осуждала Мили, и многие от нее отвернулись, когда она, совсем еще молодая восемнадцатилетняя девушка связала свою жизнь с русским, еще до революции работавшим в русско – финской железнодорожной компании, состоятельным, красивым, образованным человеком, которого в этом северном городе Оулу люди называли графом. Вскоре после женитьбы Дмитрий стал хлопотать о французской визе, но так как виза пришла только на него одного, он решил ехать с женой и матерью через Швецию и Норвегию в Мурманск, находившийся тогда в руках Антанты, и там возобновить свои хлопоты. Серафима Петровна умоляла его не ехать и остаться в Финляндии, но Дмитрий настоял на своем, и вот – Мили видела себя машущей рукой из окна вагона своей родне, которую она покидала, уезжая в Россию вместе с мужем и свекровью. В Мурманске прожили несколько месяцев, и однажды узнали, что он объявлен советским городом. Попытка Дмитрия вывезти семью из Мурманска на норвежском корабле не удалась, сам он был вскоре арестован, и Мили осталась одна со свекровью и новорожденной дочерью без поддержки, без денег, без знания языка, без знакомых. Дмитрия освободили через год, и за этот год Мили многое успела испытать – жили впроголодь, продавая кое-что из своих вещей, мерзли без огня – Мили сушила на себе детские пеленки, обматывая их вокруг тела, тревожилась за Дмитрия. Иногда судьба улыбалась

им и посылала – за внушительную плату, конечно, немного дров, которые Мили сама же и рубила во дворе. Она делала это так «ловко», что однажды двое проходивших мимо матросов остановились у забора и, полюбовавшись этой сценой, со смехом предложили «барыньке» свою помощь, и Мили с удовольствием уступила им непривычное орудие труда. С продуктами было, конечно, трудно, но, к счастью, власти выдали ей карточки на получение пол-литра молока через день. Однажды утром, наблюдавшая за распределением молока женщина-комиссар в кожаном пальто и кожаной фуражке, с сигаретой в зубах, сказала Мили что-то, но что – Мили не поняла, так как плохо еще знала русский язык, но она уже догадалась, что ей отказывают в ее пайке. Она пыталась что-то объяснить, показывала свои бумажки с печатями, но та женщина и вторая, сидевшая рядом с ней, только рассмеялись – очевидно, эти объяснения на ломаном русском языке звучали, действительно, смешно. Мили повернулась и пошла, но в дверях, при мысли о том, что она возвращается домой без молока, она остановилась и неожиданно для самой себя, запустила бутылкой в кожаную женщину. Бутылка пролетела мимо и разбилась вдребезги, ударившись о стену, а Мили убежала и, к счастью, никто не побежал за ней вслед. И это, и многое другое оставило свой горький след в ее памяти, но вот Дмитрий вернулся, и так как он был человек энергичный и деятельный, жизнь семьи стала понемногу налаживаться, они переехали на Украину, где Дмитрий получил хорошую должность, купили маленький дом под Харьковом, в Южном поселке. Через два года Дмитрия забрали снова и на этот раз продержали в тюрьме «всего лишь» несколько месяцев. И вот – третий арест. Очевидно, люди, занимавшиеся выявлением контрреволюционной деятельности, никак не могли решить, являются ли годы его учебы в Швейцарии и Бельгии, а также приветы, которые его друзья присылали ему иногда из-за границы, достаточно серьезным преступлением против молодого государства или нет?

Что же будет с ним теперь? Женщины сидели молча, слез не было.

Когда появились эти «дяди», маленькую Нину отправили на прогулку с няней. Вернувшись и увидев этот погром, девочка испугалась и расплакалась.

-Это что – обыск был? -спросила она. Слово это никогда не упоминалось дома, и Мили спросила у дочки, где она его услышала?

- Соседка сказала: «Не ходите домой, там обыск еще не кончился» - объяснила Нина.

На следующий день бледная, дрожащая молодая женщина вошла в учреждение, куда ей приказано было явиться. Сидевший за огромным письменным столом мужчина в военной форме предложил вошедшей сесть, сам же продолжал читать и писать какие-то бумаги. Делал ли он это умышленно, чтобы добавить напряжения и заставить ее нервничать или же, наоборот, давал ей время успокоиться? Наконец, все бумаги были отложены в сторону, мужчина приветливо улыбнулся и спросил дрожащего перед ним кролика:

-В чем дело?

Мили растерялась – ведь она пришла сюда не по своей воле, какое у нее могло быть дело к этому человеку? Где-то на стене тикали часы, и это знакомое «тик-так» привело ее в чувство.

- Мне сказали явиться – вот бумага ...

И начались вопросы –кто? откуда?, когда? почему? Наконец, когда Мили почувствовала, что она не может больше ни отвечать, ни соображать, ей объявили, что ее муж, оказывается, помимо службы занимался антисоветской деятельностью и сейчас, как особо опасный преступник, он отправлен в Москву. Если она желает иметь более подробные сведения, то она может поехать в Москву и обратиться к Генеральному прокурору товарищу Крыленко.

Вероятно, механическая кукла мыслила бы в эту минуту лучше, чем эта женщина, спускавшаяся по широкой мраморной лестнице к выходу из прокуратуры. У двери стоял молодой военный. Он остановил Мили, преградил ей путь винтовкой и потребовал пропуск. В том состоянии, в котором Мили находилась, она не могла понять, почему ее не выпускают и чего от нее хотят. Когда она входила в эти двери, назвала лишь человека, к которому идет, время свидания и собственную фамилию. Она не поняла слово «пропуск», не знала, что это просто бумажка, на которой кто-то написал свое имя и поставил печать. Но вдруг оцепенение спало с нее, она почувствовала, как кровь ударила ей в лицо, и громко крикнула:

-Пусти меня! Сейчас же!

Молодой человек с винтовкой, наверное, никогда раньше не слышал такой команды. Он уже готов был пропустить Мили, но в последний момент спохватился:

-Никого нельзя выпустать без пропуска, это приказ.

Через несколько мгновений оба справились со своим испугом: женщина испугалась собственного громкого голоса, а парень – неожиданного приказания. Они смотрели друг на друга. Синий взгляд парня был приветливым, ободряющим. Спокойным мягким голосом он объяснил, что надо вернуться к тому человеку, у которого она была, и взять у него пропуск.

Мили подчинилась. Правила были соблюдены.

После получасовой езды на поезде и недолгого пути со станции Мили подошла к калитке своего сада. Был солнечный осенний день. Всю дорогу она думала, как сообщить свекрови эти печальные вести, как смягчить их, но ничего не могла придумать – действительность казалась неумолимой. Поднимаясь по ступенькам на веранду, она прощалась с той Мили, которая жила беззаботно, одевалась красиво, покупала дорогие духи и общалась с милыми и образованными людьми. Прежде всего надо было узнать, что с Дмитрием, в чем его обвиняют. Она никак не могла поверить в то, что Дмитрий был замешан в каких-то контрреволюционных делах, это казалось невозможным. Почему же его взяли прямо из рабочего кабинета? И что с ним будет? В последнее время в газетах появлялись статьи о раскрытии антисоветской деятельности и вредительстве отдельных людей и даже целых групп. Кто-то верил этим сообщениям, кто-то – нет. Кто проклинал вредителей, а кто и радовался, что такие существуют. Мили с детства привыкла верить печатному слову и презирала всякого рода нечестность, в чем бы она не проявлялась. Что касается Дмитрия, то она знала: это ошибка, которая скоро будет исправлена.

Зима 1926-го года была невероятно холодной в Москве. Редкие городские трамваи едва тащились, гремя и лязгая колесами по обледенелым рельсам. Прохожие ходили на пугала, завернутые во все возможное и невозможное – лишь бы уберечься от жестокого мороза. К счастью, на Мили была теплая шуба, валенки, две



пары теплых чулок; шерстяной платок, сложенный в несколько раз, покрывал голову, только глаза оставались свободными под заиндевевшими ресницами.

В Москве жила семья, близкая Серафиме Петровне с давних времен, и в ней сейчас получила Мили и сочувствие, и заботу, которые были ей так нужны в это тяжелое время. И вот начались ее ежедневные хождения в прокуратуру. Рано поутру топала она в своих тяжелых валенках по неосвещенным улицам Москвы, чтобы расписаться в очереди на прием к Генеральному прокурору тов. Крыленко. Она ставила свое имя в конце длинного списка, где стояли уже подписи сотен уставших людей. За этим следовали часы томительного ожидания. Очередь продвигалась медленно, дни шли, мороз все крепчал и крепчал, а Мили все ходила и ходила. Если на улицах вдруг появлялся трамвай, то нечего было и думать попасть в него: люди гроздьями висели на подножках.

Наконец, по истечении двух недель, Мили была допущена в «святая святых», но утешение ее было ничтожным: «Можете ехать домой. Мы сообщим, когда вам надо будет приехать. Разбор дела об антисоветской деятельности вашего мужа только что начали».

Мили старалась убедить человека, сидевшего за письменным столом, в том, что ее муж невиновен, что он не мог быть ни в чем таком замешан. Ответ – только улыбка и легкий смешок.

Не стоило напрасно тратить слова.

Время шло. Украинская зима проявляла уже приметы близкой весны, а о Димитрии не было никаких известий. Ожидание становилось все более тревожным, и неизвестность терзала душу.

-Мама, тебе письмо! – Нина радостно протянула маме конверт. Знакомый красивый почерк.

Дрожащими руками Мили начала распечатывать конверт. На штемпеле было название какого-то незнакомого места в Центральной России, а само письмо было написано на одном из Соловецких островов, куда после тяжелой, полной страданий дороги прибыла группа в несколько сот политзаключенных. Письмо было послано нелегальным путем. Тон его казался спокойным, но содержание говорило о безнадежности, унижениях и трудно переносимых страданиях. Димитрий умолял простить его за то, что он так

необдуманно поступил когда-то, с закрытыми глазами бросился в пропасть, и вот – по его вине трое беззащитных существ оставлены на произвол судьбы. И что только с ними будет теперь? Дмитрий писал, что он дает Мили свободу – пусть поступает так, как сочтет нужным и как пожелает, лишь бы судьба оказалась милостивой ко всем трем.

Письмо было прочитано, тишина окружила их. Сумерки проникли в комнату сквозь ветви старых дубов. Серафима Петровна ушла к себе, слышен был ее тихий плач. Мили долго боролась со слезами, но, наконец, они полились горячим потоком. Слезы принесли ей облегчение, и постепенно она успокоилась. Надо жить, надо примириться, надо привыкнуть – ведь рядом с ней ребенок и такая же беспомощная старая женщина.

## 2. АНДРЕЙ, ФАМИЛИЮ КОТОРОГО НЕ СРАЗУ ПОНЯЛА.

Весна цвела во всей своей красе. Нина приносила маме и бабушке темные душистые фиалки и букетики других весенних цветов. Фруктовые сады в розово-белых нарядах благоухали в ярком солнечном свете.

Колесо судьбы вертелось и вертелось. Мили старалась найти работу, но все было напрасно. Наконец, к большой своей радости, она нашла пару уроков немецкого языка и применила также свое скромное умение шить. Хотя плата за этот труд была невысокой, денег все же хватало, и даже можно было позволить себе держать домработницу – ведь свекровь и слышать не хотела о том, чтобы обойтись без нее.

Мили имела кое-какие украшения, и, то они, а то какая-нибудь старинная тарелка или ваза переходили в чужие руки за очень небольшую плату. Трудно было расставаться с этими вещами, с каждой из которых было связано какое-нибудь дорогое воспоминание, и унижительно было также заниматься такой коммерцией. Помимо этих каждодневных забот, Мили угнетало и то, что, как она ни старалась, она ничего не могла узнать о судьбе Димитрия. Много было ею послано в Москву заявлений с просьбой сообщить что-нибудь о муже, но так как никакого ответа на эти письма не было, Мили решила сама поехать в Москву.

Очереди в прокуратуру были такими же длинными, как и зимой, и такие же уставшие, без улыбки стояли в них люди. Больше всего здесь было старых женщин и мужчин и совсем молодых еще людей, школьников. Правда, очередь выглядела более опрятной, так как весь ворох зимней одежды был сброшен до будущих морозов. Долгое стояние в очереди, наконец, кончилось, и Мили получила разрешение подойти к столу, за которым сидел прежний прокурор. Он сказал, что помнит дело, по которому она пришла, но, к сожалению, ничем не может ей помочь. Мили просила сообщить ей хотя бы адрес мужа, чтобы написать ему и сообщить о семье. Категорическое: «Нет. Писать нельзя. Приговор гласит – строгая изоляция.»

Все время, пока Мили стояла в очереди, она повторяла себе, что надо принять спокойно все, что бы ей ни пришлось услышать, и ни в коем случае не показывать свою слабость. Но тут она не выдержала и расплакалась – стоило ли дальше продолжать этот разговор? Она встала и направилась к дверям, но тут услышала за спиной голос: «Вы молодая, красивая, устраивайте свою жизнь, как можете. Я не советовал бы вам горевать и ожидать – это все напрасно. Поезжайте домой, позаботьтесь о своем ребенке, подумайте обо всем, воспитайте свою дочь в духе нашей страны, чтобы она стала настоящей советской гражданкой.»

Мили остановилась и взглянула на человека, который произнес эти жестокие слова. К своему удивлению, она увидела, что выражение его лица не было жестоким, ни даже холодным. В этом взгляде был намек на сочувствие и даже жалость, но все это не облегчило ее душевной боли. Как ей хотелось в этот момент оказаться в доме, поплакать – и от собственной слабости, и от чувства безнадежности, охватившего ее!

Начало лета было в самом цвету. Его роскошь не давала по ночам покоя ни соловьям, ни молодежи – и те и другие распевали до самого утра. Ночь наполнялась запахом цветущих садов, а у Мили на душе лежала каменная тяжесть, не давали покоя чувство одиночества и страх за будущее своего ребенка, беззащитной, избалованной старой женщины и свое.

Соседи относились к Мили с добротой и сочувствием, навещали ее, угощали свежим, горячим печеньем, делая это с такой душой, что ни Серафима Петровна, ни Мили не могли отказаться, чтобы не обидеть их. Самой близкой стала семья, хозяйка которой, немка, была замужем за украинским инженером. Обычно, по воскресеньям в их большой уютный дом с красивым садом съезжались гости из города и оставались на весь день. Молодая дочь этой семьи приходила тогда за Мили и Серафимой Петровной, с радушием приглашая их, и, хотя Серафима Петровна иногда отказывалась от приглашения, но уговаривала Мили идти, и та шла со своей маленькой дочкой. Ниночка пользовалась там большой любовью, она умела себя вести и была живым и хорошеньким ребенком. Однажды, в воскресенье соседи опять пригласили их к себе, сказали, что гостей будет мало, и очень просили, чтобы и Серафима Петровна непременно пришла.

Среди приглашенных был человек, которого Мили не встречала здесь раньше. Он был, как будто, южанин, во всяком случае, ни на русского, ни на украинца он не походил. Нового гостя представили Мили. Он поздоровался, поклонившись, и поцеловал руку ей и Серафиме Петровне. Его фамилия была настолько непривычна ее слуху, что она и тут не смогла определить его национальность. Приветливый взгляд зеленых глаз под черными ресницами притягивал к себе, а слегка седоватые волосы только подчеркивали его молодость. Мили услышала его имя – Андро. Совсем обычное имя. Ясно, что он не мог быть магометанином из Средней Азии.

За обеденным столом она узнала, что этот человек – грузин и что он член коммунистической партии. Это немного насторожило Мили, так как до сего времени она не была лично знакома ни с одним коммунистом. О Грузии она знала очень мало, разве только то, что страна эта находится в Кавказских горах, что там занимаются овцеводством и виноделием и что светлой женщине появляться в Грузии опасно, так как ее обязательно похитят и увезут в горы.

К удивлению Мили, свекровь ее не чуждалась этого нового человека, оживленно беседовала с ним и, казалось, совершенно забыла то, что, по ее мнению, все большевики были малообразованы, невоспитаны, плохо одеты и плохо умыты. Андро оказался полной противоположностью тому образу, что она создала себе. Он был одет в хороший летний костюм, прекрасно на нем сидевший, был отлично выбрит, а самым впечатляющим было то, что целовать руку даме было для него, как видно, вполне естественным. Позже Мили заметила, что Андро легко и непринужденно разговаривал с любым человеком – был ли это ребенок, бывший князь или начальник по работе. Серафима Петровна с удовольствием беседовала с этим необычным коммунистом, и как-то незаметно для самой себя, начала рассказывать ему о своей жизни, о рано умершем отце, Петре Игумнове, сделавшем для Петербургской консерватории гораздо больше, чем для сохранения собственного имения, об учебе в Дворянском сиротском институте и даже о том, что она была произведена в статс-дамы императрицы, супруги Александра-3. Она рассказала, что при дворе была знакома с грузинским князем N\*, хранителем царских драгоценностей. Оказалось, что Андро близко знал некоторых родственников этой семьи. Серафима Петровна

уже рассказывала Мили о том, что она была выслана по приказу императрицы во Владивосток и, оставив маленького Димитрия на попечение близкой ей семьи, пересекла всю Россию на почтовых лошадях, переодетая в мужское платье и с бумагами штабс-капитана, выполняющего секретное поручение – и то, и другое должно было оградить ее от излишнего любопытства и опасностей пути. Мили всегда считала, что история жизни Серафимы Петровны достойна отдельного романа. Сейчас впервые услышала от свекрови об одном интересном случае, происшедшем с нею во Владивостоке, когда она с приятельницей ехала по городу на извозчике, беседуя с ней по-французски о разных серьезных и не столь серьезных делах и затем обратила внимание своей спутницы на то, каким красавцем был их возница. Помогая дамам сойти, тот неожиданно обратился к ним на прекрасном французском языке: «Mesdames, будьте осторожны, не говорите так свободно обо всем, Владивосток – город ссыльных, здесь каждый кучер может знать французский, - и представился – князь Дадешкелиани, удаленный, как и вы, от двора.»

Мили поздравляла себя с тем, что она успела спросить Андрея, сколько у него овец и посещал ли он школу. Она с интересом слушала его рассказы о Грузии и узнала много нового для себя об этой прежде совершенно незнакомой ей стране.

После обеда маленькое общество перешло в сад, где были расставлены удобные скамейки, была песочница для детей, качели и площадка для игры в крокет. Андро предложил Мили поиграть в крокет, а когда стало темнеть, хозяин дома зажег цветные фонарики, спрятанные в листве деревьев. Серафима Петровна осталась в комнате, и скоро оттуда донеслись тихие звуки рояля, которые добавили еще больше очарования этому чудному вечеру. Казалось, в этой стране не было никаких переворотов – все было так уютно и по-домашнему, не было ни забот, ни горя. Мили вдруг вспомнила, что в этой дачной местности, совсем рядом с ними, находилась роскошная вилла, принадлежавшая когда-то Сержу Борману, владельцу нескольких кондитерских фабрик. После революции Борман уехал куда-то за границу, а дача его стала приютом для бездомных детей от трехлетнего возраста и старше, почти совершеннолетних. Истории этих детей были похожи одна на другую – одни потеряли родителей во время первой мировой войны, другие – во время гражданской, а

некоторые и позже, в последующие беспокойные годы.

В тот вечер, когда Андро появился в жизни этих трех женщин – Мили, ее свекрови и дочери, настроение было каким-то особенным. Серафима Петровна была очень довольна проведенным вечером, и «господин Андро» предстал перед ней настоящим джентльменом. Дома она с удовольствием заметила: «Как хорошо, еще что-то осталось от прежнего.» Андро же позже признался, что это вечер нарушил его покой, и простое знакомство вскоре перешло в теплую дружбу. Он уже знал многое о Мили. Хозяйка дома, где они встретились, рассказала о ее муже и о том, где он находится сейчас. Такие сведения могли отпугнуть кого угодно, а Андро занимал тогда высокую партийную должность в Харькове. Но он был влюблен и ни на что не обращал внимания. После того вечера встречи стали довольно частыми. Встречались по воскресеньям у соседей, иногда ходили все вместе в театр или катались на машине, что было по тем временам большой редкостью, так как машин в Харькове было еще очень мало.

Из Тбилиси приехал на гастроли грузинский театр. Режиссер его Коте Марджанишвили был приятелем и соседом Андро по Тбилиси. Он пригласил Мили на первое представление своего театра в Харькове. Пьеса шла, конечно, на грузинском языке, и несмотря на то, что язык не был понятен ни украинцам, ни русским, представление захватило зрителей. Эта пьеса – «Уриэль Акоста» произвела большое впечатление на Мили, а после спектакля Андро пригласил своего друга, Мили и еще одну общую знакомую на ужин в ресторане, расположенном в саду театра. Оживленный разговор, теплый летний вечер, хороший оркестр и отлично выбранные блюда заставили забыть о времени: оркестранты уже начали складывать свои инструменты, официанты нетерпеливо поглядывали на гостей, которые не торопились прерывать беседу. После этого, так приятно проведенного вечера, Мили обвиняла себя в том, что она, наверное, поступила неправильно по отношению к Димитрию, свекрови и маленькой дочери. А по отношению к самой себе?

У выхода из ресторана их ждала машина. Сперва отвезли гостя, потом обеих дам, расставаясь, решили, что в следующее воскресенье Андро приедет играть в крокет, который он, оказывается, обожает. Спустя несколько лет он признался Мили, что никогда раньше не

играл в крокет и даже не имел представления, как в него играют.

Великолепный «Бьюик» стал часто появляться в этой дачной местности, являясь предметом разговоров соседей. Забавно было, что шофер Андро, грузин, начал, как будто, ухаживать за домработницей Мили, бывшей монашкой, и это давало повод ко многим веселым шуткам.

Серафима Петровна и Мили уже много раз посылали в Москву заявления с просьбой сообщить им, где находится Димитрий, что с ним. Ответы были неясными – иногда им сообщали, что никаких писем от него не следует ожидать, и это можно было понять, как весть о том, что его уже нет в живых, а иногда им отвечали, что он строго наказан и переписка запрещена. Но однажды пришло страшное известие: Димитрий умер. Отчасти, мать и жена уже подозревали самое худшее, но все же слабая надежда на то, что он жив, не угасала. Горькая весть положила конец всем их надеждам. Человек принимает все, что посылает ему судьба, и никуда от этого не деться. Мили еще не было тридцати лет, но она уже многому успела в жизни научиться. А того, что ей еще предстояло пережить, она, конечно, не могла предвидеть. Сейчас же она поняла одно – все изменилось, все было ясно. Неизвестности теперь уже не было. Она стала решительней, уверенней в себе, стала смелее.

Андро просил Мили стать его женой, и она согласилась. Она не сомневалась, потому что знала: она любит и любима. Но этот брак не являлся союзом только двух людей – ведь у нее была дочь и свекровь, которую она с самого начала их совместной жизни в Оулу называла по-немецки «Мутер». «Мутер» была очень деликатной и сдержанной, с ней всегда было очень легко, даже во время нужды, она умела многого не замечать. Мили очень любила и уважала ее, но теперь, наверное, не вполне сознавала, какой удар она наносит старой женщине своим решением.

-Мутер, я выхожу замуж, я согласилась ...

Наверное, Серафима Петровна уже о чем-то догадывалась, может быть, даже была уверена в том, что рано и поздно услышит эти слова, и все же они острыми стрелами вонзились в ее больное сердце. Она молчала. Слезы медленно капали на ее безвольные руки, сложенные на коленях.

-Мутер, дорогая Мутер, ну скажите хоть что-нибудь, посоветуйте,



я сделаю все, только не молчите!-слезы Мили смешались со слезами Серафимы Петровны.

-Дорогое дитя, ты должна поступать так, как считаешь лучшим. Ты молодая, у тебя не хватит сил остаться одной. Андро хороший человек, он тебя любит, надеюсь, вы будете счастливы, и у Нины будет отец. – Серафима Петровна вышла из комнаты с новой тяжестью на душе.

Через некоторое время в саду показался Андро. Он легко взбежал на веранду, заглянул в кухню, крикнул монашке: «Здравствуй, Марфа, что нового?» - и вошел в столовую, где стол был уже накрыт, красиво, как и всегда. Старинные обеденные приборы выглядели празднично на белоснежной скатерти. Всеми владело чувство какой-то скрытой торжественности.

Серафима Петровна обыкновенно перед трапезой сидела некоторое время молча, как будто молилась про себя или думала о чем-то важном и не спешила приступить к еде. Членам семьи это было знакомо, и Андро тоже это заметил и уважал традиции семьи. Он принес с собой хороший грузинский коньяк – любимый напиток Серафимы Петровны. Налив всем золотистого ароматного нектара, он поднял свою рюмку, собираясь что-то сказать, но Серафима Петровна опередила его:

-Я знаю все. Я люблю Мили, она впечатлительная, у нее доброе сердце. Я очень хочу, чтобы вы были счастливы – и моя маленькая, моя золотая крошка ... – голос ее задрожал. Мгновенье она держала рюмку в руках, а затем поднесла ее к губам. Андро встал из-за стола, с глубоким поклоном поцеловал руку Серафимы Петровны, сделал знак Мили. Мили встала и поцеловала другую руку. Торжественность этой минуты, которую каждый пережил по-своему, нарушила Марфа, которая вошла с подносом и подошла, как всегда, к Серафиме Петровне, а затем к гостю.

### 3. ДВЕ СВЕКРОВИ.

Зимой, в Рождественские дни, ждали мать Андро из Тбилиси.

Ми́ли знала уже, что Федосия Бебуришвили происходила из дворянской семьи, имевшей большие поместья в Западной Грузии и успевшей ко времени знакомства Федосии с Эпиме Квачадзе, будущим отцом Андро, растерять все свои богатства. Андро рассказывал Ми́ли историю этого знакомства, происшедшего на храмовом празднике, когда молодой и сильный Эпиме остановил мчавшихся во весь опор лошадей, увлекающих за собой коляску с насмерть перепуганной молоденькой красавицей Федосией. Неудивительно, что такое романтическое знакомство завершилось венчанием в церкви, и спустя недолгое время молодая семья переехала в Баку, где отец Андро получил ответственную и хорошо оплачиваемую должность в нефтяной компании Нобеля и где они прожили более десяти лет. Ми́ли много думала о предстоящей встрече. Как сложатся ее отношения с женщиной, которую она никогда не видела и которая внезапно, волею судьбы, стала ей такой близкой? Она готовила обед, и волнение, а также напряжение ее все росли. Андро уехал на вокзал, Нина оставалась у бабушки, Ми́ли была одна и сама должна была решать, что сказать и как держать себя, когда появится вторая свекровь. Все эти годы, пока она жила с Серафимой Петровной, она относилась к ней, как к родной матери, любила ее искренне и даже подумать не могла о том, что кто-то станет ей таким же родным человеком.

Вошел Андро, и вместе с ним – высокая стройная женщина, одетая во все черное. Она подошла к Ми́ли, обняла и поцеловала ее, как давно знакомую и близкую. Ми́ли же как будто окаменела, и даже улыбка вежливости – и та не появилась на ее губах. Новоиспеченная невестка не нашла тогда ни одного ласкового слова, чтобы приветствовать новую свекровь. Но впереди еще много времени, и им предстояло еще сблизиться, хотя в этот зимний день в столице Украины никто не мог предположить, что эта красивая властная женщина проживет больше ста лет, переживет всех своих детей и своим волевым характером будет влиять на судьбы многих близких ей людей. В тот момент о далеком будущем не думали, а Ми́ли

мечтала лишь о том, чтобы выйти под каким-нибудь предлогом из комнаты и побыть хоть минуточку одной. К счастью, зазвонил телефон, она поспешила ответить и за это короткое время успела отвести второй свекрови определенное место в своей душе, но совсем отдельно от своей дорогой Мутер.

За столом Андро вел разговор на русском языке, и Мили заметила, что она не вполне свободно владела им. Она похвалила приготовленный Мили обед, но Мили сочла эту похвалу простой вежливостью, так как ей самой все казалось невкусным.

Привезенные из Грузии гостинцы были обильны. Впервые в жизни Мили попробовала настоящее деревенское вино, и оно действительно показалось ей божественным напитком. Старый овечий сыр был особенно вкусен с кукурузными лепешками-мчади.

Одна вещь вызывала особенное ее беспокойство: новая свекровь пожелала познакомиться с Серафимой Петровной и взглянуть на дом Мили. Как выполнить это ее упорное желание, не обидев Серафиму Петровну? Слово «дом» было сейчас для Мили расплывчатым - то ли это там, где дочь и Мутер, то ли здесь, где муж Андро? Очень часто возвращалась она вечером к себе «домой», в свою комнату, где стояла детская кроватка Нины. В новом доме она еще не чувствовала себя хозяйкой и никаких перестановок не делала, хотя ей иногда казалось, что некоторые вещи надо бы переставить, и сам Андро просил, чтобы она устроила все так, как ей нравится. Новая свекровь почувствовала себя сразу настоящей хозяйкой и сказала, что пищу будет готовить она. Мили рада была отделаться от лишних хлопот, к тому же она представления не имела о грузинской кухне. Приготовление обеда и так казалось ей трудным делом, а все это множество привезенных свекровью трав со своими разнообразными запахами не только удивляло ее, но даже как-то пугало. Прямо – таки колдовство! Все новые блюда казались Мили аппетитными на вид, она пробовала, и, действительно, оказывалось очень вкусным.

Первая встреча двух свекровей прошла гладко. Светский разговор крутился вокруг малозначительных предметов.

Нина догадывалась, что в их жизни произошла какая-то перемена. Она посерьезнела и ни на шаг не отходила от бабушки.

Скрытое напряжение, которое Мили ощущала все то время, пока свекровь гостила у них, спало только после ее отъезда в Тбилиси.

Мили как будто стало легче дышать. Андро, конечно, замечал это, но ни о чем не спрашивал – ему и так все было ясно. По отношению к Серафиме Петровне он, как и прежде, был исключительно внимателен.

Зима была скудной. Нину перевезли в город, и она стала жить с матерью и новым отцом. Андро получал в своем учреждении два обеда, которых хватало на троих.

В сельском хозяйстве страны зарождалась колхозная система и роды эти были трудными. Тот клочок земли, который крестьянин получил после Октябрьской революции, у него теперь отбирали и объявляли общим. Землепашцу трудно было уразуметь, что все это делалось для его блага, ради его будущей сытой жизни. А пока что сытой жизни не было ни у крестьян, ни у горожан. Полки в магазинах были пусты. На базаре не было ни продавцов, ни покупателей. Если же где-то появлялось что-нибудь съестное, то платить за это надо было огромные деньги.

Мили тайком от Андро старалась продать что-то из своей одежды, но торговля шла у нее плохо. Вещи ее, хотя и красивые, мало кому были в пору. На базаре этот небольшой доход превращался в картошку, капусту, и лишь изредка удавалось купить мясо или сало.

По воскресеньям ездили к Серафиме Петровне. От пайка Андро отделяли ей немного сахара, масла, забирали с собой и то, что могли раздобыть на базаре. Нина всю неделю с нетерпением ждала воскресной встречи с бабушкой, а та очень скучала без Нины, без своего «маленького воробышка», как она ее называла.

Мили была в переписке со своим старшим братом Джоном, много лет уже жившим в Америке. По всей вероятности, и туда дошли слухи о том, что Страна Советов переживает трудные времена, вести о неурожайных годах, засухе в волжских степях, ураганах, заморозках и саботажах. Однажды, к большому своему удивлению, Мили получила извещение о посылке, которая пришла на ее имя из Америки. Это была посылка от Джона, посланная через Красный Крест. Она была такой огромной, что Мили с трудом дотащила ее домой. В ней был молочный порошок и готовые порошки для печенья, чай, сахар, большая банка ветчины, шерстяное платье, теплые чулки, ботинки для Нины, красивый шерстяной костюм для Мили, а для Андро – теплый пуловер. Разве можно было представить

себе лет десять назад, какую радость доставят Серафиме Петровне теплые чулки и кофе?

Однако, общая радость вскоре приобрела какой-то кислый привкус. Начальник Андро упрекнул его, сказав, что члену партии, занимающему ответственную должность, неудобно получать подарки из капиталистической страны. Андро рассказал об этом Мили, стараясь все смягчить, но она все же рассердилась на то, что какой-то, по ее мнению, болван мог такое невинное дело превратить чуть ли не в преступление.

В этот новый период своей жизни Мили была счастлива, хотя условия, в которых эта жизнь проходила, становились все тяжелее. Она любила Андро всей душой и чувствовала взаимность. Все в ней нравилось Андро – то, как она одевалась, причесывалась, ее иностранный акцент – все. Любые знаки внимания с ее стороны доставляли ему удовольствие – даже стакан воды, полученный из ее красивых рук. Ег озеленные глаза тогда искрились неподдельным счастьем.

Когда-то, еще школьницей, Мили получила от своей подружки подарок – маленькую золотую лягушку с изумрудными глазами. Увидев ее, Андро как-то пошутил: «Мы с тобой тоже две зеленоглазые теплокровные лягушки, причем самые счастливые в мире.»

Своим деликатным и осторожным поведением Андро нашел дорогу к сердцу Нины, и совершенно естественно, без всякого принуждения она стала называть его отцом.

Но все же спокойствие и счастье семьи казалось неполным. Серафима Петровна начала стареть и быстро слабеть. Мили знал, какая тяжесть лежит у нее на душе, хотя ее дорогая Мутер никогда не говорила об этом, и ей было стыдно за свое счастье. То же самое чувствовал и Андро. Как-то он сказал Мили:

- В присутствии Серафимы Петровны я чувствую себя преступником. Неужели я виноват в том, что так безумно счастлив, разве это грех?

## 4. ВПЕРВЫЕ НА КАВКАЗЕ

Летом Андро повез Мили и Нину в Грузию. Почти четырехсуточная дорога поездом в старом пульмановском вагоне проходила весело и приятно. Вагон- ресторан сверкал зеркалами и светильниками, привлекал удобными кожаными сиденьями. Широкие окна блестели чистотой, повара дореволюционного времени готовили безукоризненно, официанты обслуживали отлично. Однако, все это так живо напоминало Мили ее прежнюю жизнь, что грустные мысли поневоле овладели ею, но Нина и Андро не давали возможности долго думать о печальных вещах.

Поезд шел через Баку. На одной из маленьких станций Мили купила прекрасную, большую, ароматную дыню и положила золотистый плод, свой любимый деликатес, на столик. Андро спал, и Мили ожидала его пробуждения, предвкушая удовольствие, которое все трое получают от дыни. Наконец, Андро открыл глаза, потянул носом воздух, приподнялся и, увидев дыню, схватил ее, ни слова не говоря, и выбросил в окно – Мили даже «ах» не успела сказать. Совершив этот невероятный поступок, Андро взглянул на растерянную Мили, засмеялся, попросил у нее прощения и сказал, что он не выносит запаха дыни, задыхается от него. Мили приняла его объяснения и извинения, хотя еще некоторое время потихоньку дулась на мужа – уж очень хотелось попробовать этот изумительный плод!

В Баку поезд стоял несколько часов, и Андро предложил Мили пройтись по его улицам. Мили показалось, что она попала в город из сказок Шехерезады. Пестрые ковры висели на красивых балконах, у дверей маленьких лавчонок стояли их владельцы и громкими голосами приглашали мадам, мадмуазель и мусье зайти в лавку, посмотреть самые красивые в мире ковры, выпить самый вкусный в мире чай, попробовать самые лучшие в мире сладости – шербет, рахат-лукум и орехи, сваренные в меду. Это все было, действительно, как в сказке – можно было любоваться, наслаждаться запахом всех этих яств, попробовать их и даже взять с собой.

Кошачьими шагами тихо ступали какие-то привидения в черном с закрытыми лицами. Это, наверное, были женщины, так

как смуглые кудрявые дети с глазами, как черносливы, сцеплялись своими маленькими ручками за длинную черную одежду.

Пестрый, невероятно огромный мешок качался на спине верблюда то вправо, то влево, в такт его ленивой походке. Крепкие веревки, сплетенные из верблюжьей шерсти, не давали мешку упасть. Погонщик в чалме и в одеянии, напоминавшем Мили ночную рубашку, вел верблюда за недоуздок. По узким улочкам, запутанным, как в лабиринте, Андро вел жену и дочь – но куда? Все дальше и дальше в сказку. Наконец, остановились у двери, выполненной в восточном стиле с красивыми металлическими украшениями, привлекающими взор. Арабская надпись над нею еще сильнее давала почувствовать, что ты на Востоке. Андро вошел первым в комнату, где стояло несколько небольших столов. На одном столе кипел огромный, начищенный до золотого блеска самовар. За столом сидел мужчина в чалме, с длинной белой бородой, орлиным носом и густыми черными бровями.

- Салям Алейкум! – приветствовал его Андро. Старик взглянул на него.

-Салям Алейкум! – ответил он, и в следующее мгновение он был уже на коленях перед Андро.

Мили была безмерно удивлена, даже напугана. Андро заговорил со стариком на певучем мягком языке и помог ему подняться. Старик встал, запер входные двери чайханы и с глубоким поклоном, держа правую руку на сердце, пригласил гостей к столу. Когда все уселись, он вышел в соседнее помещение и с кем-то возбужденно заговорил. Вскоре оттуда понеслись приятные запахи приготавливаемой пищи.

Дружба Андро с этим человеком началась еще во время кровавых столкновений между мусульманами и армянами в Баку, когда Андро спас его, незнакомого ему человека, укрыл его в своем доме, где он жил с родителями.

Как по мановению волшебной палочки, стол был уставлен душистыми восточными деликатесами. Ароматный, необыкновенно вкусный чай подавали в специальных маленьких стаканчиках. Вина, конечно, не было. Хозяин и так совершил уже большой грех, позволив женщине с открытым лицом и оголенными руками сидеть за столом в чайхане.

До Тбилиси нужно было ехать еще целые сутки. Пассажиры понемногу сменились. Слышна была разноязычная речь, громкая, возбужденная, будто все о чем-то спорили. Русская речь слышалась очень редко.

Ближайшие родственники и друзья Андро собрались на вокзале. Цветов принесли больше, чем можно было унести. С большой радостью Мили и Нина уселись в фэтон, запряженный двумя лошадьми, которые быстро бежали по мощенным камнем улицам. Небольшой, уютный и приветливый Тбилиси с цветущими садами, храмами и древними руинами поразил Мили своей живописностью.

Родные и друзья Андро приняли приезжих ласково, сердечно. Нина сразу приобрела двух новых друзей: сыновья младшей сестры Андро – Отар и Вахтанг подходили ей по возрасту и чувствовали себя рыцарями рядом с этой светловолосой девочкой, которую им представили, как их двоюродную сестру. Мили очень быстро привыкла к обстановке, ко всему окружающему, которое так резко отличалось от всего, что она видела в жизни. Дни ее были заполнены встречами с друзьями и родными Андро, новыми знакомствами, совместными прогулками, и короткое время отдыха пролетело слишком быстро. С грустью простилась она с городом, так тепло принявшим ее, обещая всем вернуться и не подозревая даже, при каких обстоятельствах произойдет это ее возвращение.



## 5. В МОСКВУ

По возвращении в Харьков началась обычная будничная жизнь. Как –то Андро пришел к обеду, сияя от радости.

- Послушай, - сказал он, - я нашел тебе подходящую работу, сразу после обеда пойдем знакомиться с твоим шефом.

Мири онемела от удивления. Когда же смогла что-то сказать, начала отнекиваться, приводила всякие доводы, но Андро ничего не хотел слушать.

- Неужели тебе не обидно заниматься одним только домашним хозяйством? Ты же умная женщина, знаешь языки, ты можешь делать все, что угодно. Мой товарищ очень нуждается в человеке, который знает немецкий – его учреждение получило много технической литературы, но некому переводить.

- Но я же ничего не понимаю в технике, только стыдно будет, когда увидят, что я ничего не могу!

Но Андро настаивал, и вечером Мири пошла с ним к его товарищу. И так – работа, первый раз в жизни. Было очень нелегко, особенно вначале, но помогали хорошие технические словари, а добрые благожелательные инженеры объясняли то, что ей было непонятно. Мири увидела, что она может справляться с такой серьезной работой, и это было для нее открытием. В характере Мири появилась новая черта – а может быть, она и раньше была в ней заложена, но за ненужностью где-то глубоко в ней дремала – это была уверенность в своих силах, и до какой-то степени она сама оценила свое качество.

В конечном итоге, она была очень довольна, и теперь каждый месяц могла отделять Серафиме Петровне часть своей зарплаты и покупать Нине необходимые вещи.

Несколько лет прожили на Украине счастливо, и без ропота примирилась со всеми неудобствами молодого государства. Начатое в Баку и незавершенное из-за подпольной работы и революции техническое образование пригодились теперь Андро – он был назначен председателем комитета по организации планирования и строительства тракторного завода в Харькове. Теперь он бывал очень занят на работе, но это не отражалось на его и Мири

семейной жизни. Мили нравилось, что Андро с присущей ему энергией и оптимизмом сумел заинтересовать людей новым делом. Радость совместной жизни и хорошее настроение не нарушалось даже тем, что условия жизни никак не становились лучше, скорее, наоборот – картошку на базаре приходилось покупать по штукам и почти «контрабандой» - но за обедом все шутили и смеялись, ели картошку, сваренную «в мундире», а отсутствием аппетита никто не страдал. Деликатесы вспоминали редко, все трое были довольны тем, что есть.

По-другому оценивала отсутствие деликатесов Серафима Петровна. Она не могла понять, почему вновь наступила кризисная ситуация, ведь были же и при большевиках лучшие времена! Не вникая в причины новых проблем, она считала, что тут в чем-то виноват Андро, который не может, как следует, заботиться о семье. Ведь мог же Димитрий во всякое время обеспечить их всем необходимым! Андро старался как можно подробнее и лучше объяснить ей причины этих временных затруднений, говорил, что надо все перетерпеть, пока люди не увидят и не поймут, что через колхозы страна может достичь процветания; она же считала, что такие мероприятия приведут лишь к тому, что крестьянин станет опять крепостным, но под новым названием – колхозник.

- Хотела бы ты жить в Москве? – спросил однажды Андро у Мили. Она не знала, почему Андро обратился к ней с таким вопросом, но у нее мелькнула мысль, что это было бы замечательно! Московские театры, музеи, выставки, о которых она столько слышала! Мили ничего не ответила, но по выражению ее лица Андро понял все.

- Вопрос решен, - сказал он, - меня посылают на учебу в Москву, в недавно созданную Промышленную Академию. Здесь, в Харькове, тоже есть такая Академия, но учеба в ней идет на украинском языке.

Итак, Андро уехал в Москву и, сдав необходимые экзамены, поступил на третий курс строительного факультета Промышленной Академии имени Сталина. Эта Академия была создана в связи с первым пятилетним планом развития промышленности, когда, начав строить заводы и электростанции в разных районах страны, столкнулись с важной проблемой – нехваткой специалистов одновременно квалифицированных и политически надежных. Те коммунисты, которые долгое время руководили промышленностью

и строительством, оказывались недостаточно компетентными в некоторых технических вопросах и не могли самостоятельно их решать. Академия давала за четыре года необходимые технические знания и умение авторитетно руководить. В этом учебном заведении проходило курс около пятисот человек. Все они были членами партии, отрекомендованными ею на учебу. Эти студенты были уже не юноши, в большинстве своем семейные люди, в возрасте немногим старше тридцати. В то время невозможно было предвидеть, что многие из этих полезных проверенных людей будут при последующих «чистках» партии вычеркнуты не только из ее рядов, но и из жизни вообще.

В семье Андро и Мили все планировали, как совершить переезд в Москву. Решили, что Серафима Петровна поедет с ними, а монашка должна будет найти себе новое место. Невозможно было оставить Серафиму Петровну одну с этой женщиной, которой не вполне доверяли, да и как обошлась бы бабушка без своего любимого «воробышка»!

В одно воскресенье, когда Андро был уже в Москве, Мили и Нина поехали к Серафиме Петровне. Все, что им предстояло, Мили рассказала, просила согласиться на переезд, предложила продать дом или просто запереть его и вернуться на лето. Серафима Петровна не отвечала – казалось, она не понимала Мили или подозревала что-то нехорошее. За вечерним чаем Мили вновь заговорила о переезде и сказала, что Андро очень просил ее не отказываться и поехать с ними. Серафима Петровна и тут не дала определенного ответа, но при расставании в понедельник утром она была в хорошем настроении и сказала, что сделает так, как предлагает Андро. С легким сердцем Мили и Нина вернулись в город.

Когда в следующий раз они приехали к Серафиме Петровне, она так изменилась, что ее трудно было узнать. Выражение ее лица было суровым и голос враждебным. Нина с ужасом смотрела на свою любимую бабушку. Как буря, вырвались у той обидные слова, не заслуженные ни Андро, ни Мили:

- Не позволю тебе продавать этот дом! Ты обманываешь меня! Ты жаждешь моих драгоценностей! Этот мужлан морочит тебе голову своими большевистскими аферами и своей подлостью!

Марфа стояла в дверях кухни и водянистыми глазами следила

за Серафимой Петровной. В этом взгляде было что-то необъяснимо страшное.

Милю и Нину пытались успокоить старую женщину, но у обеих было тяжело на душе. Мили сказала, что она ничего не возьмет, кроме собственной одежды, и просила Серафиму Петровну еще раз все обдумать и не отказываться так резко. Дорогой Нина потихоньку утирала слезы – чем могла Мили утешить ее? Ей казалось, что она лучше, чем ребенок, понимала перемену, произошедшую с ее первой старенькой свекровью, с ее дорогой Мутер. Андро, вернувшись из Москвы, пытался уговорить ее изменить свое решение, делая это совсем своей мягкостью и деликатностью, но все было напрасно. Как каменное изваяние, как немая, она даже не отвечала на просьбы. И вот – Мили уехала с мужем и дочерью в Москву, оставив ее на попечение женщины-иезуитки, имевшей большое влияние на беспомощную старую женщину, наговаривающей, как выяснилось позже, на Мили и Андро и прибравшей постепенно к рукам и дом и драгоценности хозяйки.

Старая Москва, выдавшая много роскоши и горя, приняла теперь троих новых обитателей. Истинные москвичи никогда не могли согласиться с тем, что какой-либо другой город может сравниться с Москвой. Мили гуляла по старым улицам, любовалась орнаментами, украшавшими старые боярские терема. Даже местами облупившиеся и потрескавшиеся, они были красивы и, казалось, вышли из старинных народных сказок. Яркие солнечные дни, позолоченные купола церквей напоминали о том, что это действительно город «сорока сороков». Со всех концов страны приезжали в Москву люди – кто учиться, кто работать, а кто и просто от нечего делать. Оставленные владельцами многоэтажные особняки с великолепными подъездами превращались теперь в различные комиссариаты и учреждения. Огромные квартиры стали заселяться многими семьями – каждой семье по комнате. Прежние хозяева и жильцы исчезали кто куда – кто в Париж, кто в другие европейские города, кто на окраину собственной страны, кто в вечность – то ли по собственному желанию, то ли с помощью своего ближнего. Многие попали в лагеря для заключенных, и,

надо сказать, эти места пребывания разрастались, как грибы после дождя – страна с обширными просторами, болотами, тайгой, тундрой, бесконечными песчаными пустынями заполняла теперь эти безлюдные места бесплатной рабочей силой – заключенными и насильно переселенными людьми.

Пятилетний план был создан, промышленность надо было развивать, система колхозов и совхозов только создавалась. Результаты этой работы далеко не всех радовали или вдохновляли – люди, работавшие в этой системе чувствовали принудительность труда, что увеличивало тяжесть его как моральную, так и физическую. Непривычные к сельскому труду руки горожан быстро уставали, еда была скудной, почти непригодной, люди часто болели, смертность была высока, но человеческая жизнь в те времена не слишком дорого стоила – ушел человек, кто-то заплакал или не заплакал – вот и все. В то время Мили не могла представить себе свое будущее, не знала, что ее ждет впереди – радость или горе, но она была счастлива и ей казалось, что у нее есть все, чтобы быть счастливой. Но иногда мучительные мысли тревожили ее, она чувствовала себя виноватой перед Димитрием за свое счастье. Нина никогда не говорила об отце, но по некоторым ее словам Мили догадывалась, что она о нем думает, что он живет в ее воспоминаниях. В семье, вообще, никогда не касались этого вопроса, но каждый по-своему переживал его, по-другому, конечно, и быть не могло. Иногда, после весело проведенного у друзей вечера, Мили долго не могла уснуть, ее беспокоили мысли о Серафиме Петровне, которая осталась совсем одна, и даже ее любимая внучка – и та далеко от нее. Мили пыталась утешить себя тем, что свекрови остался и дом, и много ценных вещей – какое это было слабое утешение! Она часто писала Серафиме Петровне, и Нина посылала бабушке свои теплые письма, но все они оставались без ответа, да и доходили ли они до нее? Позже, однако, переписка наладилась, и Мили стала посылать свекрови посылки, отделяя часть от прекрасного по тем временам пайка, который получали все студенты Промакадемии.

Новое окружение захватило Мили. Она была общительной, веселой по характеру, оптимистически смотрела на жизнь и скоро была окружена новыми знакомыми и друзьями. Чаше других встречались с грузинской супружеской парой – Николаем Кипиани

и Маро Сванидзе. Николай, или просто Коля, как звали его близкие, был другом детства Андро еще по Баку и учился с ним в одной гимназии. Он происходил из княжеской семьи, был единственным наследником большого имения, где делали знаменитое Кипиановское вино, которое и по сей день известно под названием «Хванчкара». Квартира Маро и Коли, большая и удобная, находилась напротив Кремлевской больницы на улице Грановского. Они предложили Андро и Мили жить у них до получения своей квартиры.

В то время квартирный кризис в столице был почти непреодолим. В гостинице можно было оставаться всего несколько дней, а Промакадемия могла предоставить жилье своим студентам не раньше, чем через полгода. Коля и Маро уступили своим друзьям одну комнату. В том же самом доме, в том же подъезде жили Буденый, Ворошилов, Молотов и другие высокопоставленные лица.

Маро была на несколько лет старше Мили. Она родилась в Тбилиси, но уже много лет работала в Москве, в Кремле, личным секретарем Абея Энукидзе. Маро и Коля радушно приняли гостей. Оба они любили грузинскую кухню, но приготовление грузинских блюд требуют много времени и умения, а у Маро не было ни того ни другого. Мили уже кое-что умела, а времени у нее было более, чем достаточно. Эта большая семья собиралась за общим столом, все ели с аппетитом и хвалили приготовленные Мили блюда, приправляя их и веселым разговором.

Часто бывало, что в прихожей появлялись вдруг приезжие из Грузии, слышались радостные приветствия, смех. Приезжие распаковывали свои корзины, пакеты, и на столе в кухне появлялись кувшины и бочонки с вином, хачапури, копченая осетрина или кабаньей окорок, фрукты, орехи, чурчхелы. За столом Андро был постоянным тамадой. Он умел хорошо говорить, и каждый из сидящих за столом получал удовольствие и от прекрасного вина, и от приятных слов, сказанных в его адрес. Пили, танцевали и веселились весь вечер.

В семье Коли и Маро жил молодой человек, сын сестры Маро. Мальчик остался без матери, когда ему было года два, он даже не помнил ее, и Маро заменила ему мать, растила и воспитывала его, и он был нежно любим как ею, так и Колей. Сейчас Яков, или Яша Джугашвили, был студентом Института путей сообщения. Он

продолжал жить у своей тети Маро. Красивый, с классическими чертами лица, большими темными глазами и очень добрым взглядом из-под густых темных ресниц, он сразу же располагал к себе. Иногда же казалось, будто тучи находили на его лучистые глаза..

Отцом Яши был Иосиф Джугашвили – Сталин, и, живя уже полгода в одной квартире с Яшей, Мили не могла бы сказать, встречался ли он с ним. Яша не носил вторую фамилию отца, и Мили даже как-то спросила Андро, знают ли в институте, чей он сын? Даже Андро не мог на это ответить с уверенностью. Ясно было одно – он никогда не пользовался именем своего знаменитого отца. Маро говорила, что Яша очень похож на отца в молодости, только сын был намного выше ростом. Он любил спорт, особенно футбол, но сам играл только в студенческих командах. Андро тоже был большим любителем футбола, и они с Яшей не пропускали ни одной игры. Так горячо они болели за футбол, что Яша вернулся однажды домой со стадиона, кажется, после матча с басками, в сорочке с одним рукавом; Мили удалось кое-как починить эту сорочку и, хотя та и носила следы большого боя, Яша продолжал ее носить.

Андро и Яша имели еще одно общее увлечение – шахматы. Когда они оба бывали свободны, то часами могли сидеть за шахматной доской, а если игра оставалась неоконченной, то никому не разрешалось трогать или переставлять фигуры. Их частые беседы то на русском, то на грузинском языке, как видно, доставляли большое удовольствие им обоим.

Комната Яши была обставлена очень скромно. Простая железная кровать, письменный стол, говорящий о его вкусах и занятиях. Никаких предметов роскоши, он этого не любил. Гардероб его был предельно скромным, и в этом он также походил на отца. На полках книжного шкафа помещалась техническая, историческая и научная литература, были книги грузинских и русских классиков, поэма «Витязь в тигровой шкуре». Она была переплетена в кожу, украшена серебряным орнаментом, и Мили часто любовалась этой красотой, но читать не могла, а только восхищалась изящным шрифтом, каждая буква которого казалась ей похожей то на листок, то на бабочку, то на цветок. Иллюстрации в легких пастельных тонах, выполненные в восточном стиле, были изумительно красивы. Яша с удовольствием рассказывал Мили об авторе «Витязя», о древней культуре своего

народа, о поэме, восхвалявшей любовь и красоту.

На письменном столе Яши стоял в старинной рамке портрет молодой красивой женщины – его матери. Портрета отца не было.

Как-то Яша заболел и слег с высокой температурой. В один из дней его болезни случилось так, что он остался дома один – Мили вышла за покупками, Нина была в школе, остальные – на работе. Вернувшись домой, Мили уже вставила ключ в замок, как дверь вдруг распахнулась, и она оказалась лицом к лицу со Сталиным, который, очевидно, пришел один, без провожатых, навестить сына. Так как встреча была очень неожиданной, оба немного растерялись и одновременно сказали: «Простите». Мили, конечно, узнала этого человека и посмотрела ему вслед, в спину в серой шинели. Был еще один печальный случай, когда Мили опять увидела Сталина – это было на похоронах его второй жены Надежды Аллилуевой.

Надежда училась в Промакадемии, как Андро, но на другом факультете. Маро и она были близкими друзьями, но редко имели возможность встречаться. Надежда была приветлива, приятна в общении с людьми, очень скромна и никогда ни в чем не пользовалась своим высоким положением. Красивая, со слегка волнистыми каштановыми волосами, отливающими медным блеском, забранными на затылке в пучок, приятным цветом лица, она никогда не употребляла косметики.

Андро и Надежда были членами партбюро Академии, и общие дела содействовали их дружбе, а близость Андро с Маро и Яшей еще больше закрепляла эти дружеские отношения. И Андро, и Надежда были образованными людьми и хорошо разбирались во всех делах, касающихся как строительства, так и культуры молодого государства.

Какая это могла быть дружба? Надежда не могла иметь душевных друзей, и хотя она очень любила Маро, она о многом не позволяла себе говорить с ней. Разве можно было этой женщине, жене такого человека, открыть кому-нибудь свою душу? Кремлевские стены высокие и за этими стенами бывали запрятаны многие женские судьбы и многие тайны, и судьбы эти были чаще жестокими, реже – ласковыми. Принудительные знакомства с женами высокопоставленных лиц не располагали к дружеским беседам. Надежда уже привыкла к завистливым взглядам,



неискренним улыбкам, но испытала отвращение к лести, которую ей приходилось терпеть.

Дети ее и Сталина росли очень изолировано от других детей. Хотя в школу они и ходили, это была школа для детей привилегированных работников.

Маро обещала Мили, что как-нибудь поведет ее в Кремль, ворота которого были всегда закрыты и тщательно охранялись. Гражданам Советского Союза было запрещено туда входить. Маро, предъявив свой пропуск, провела Мили через Спасские ворота. Сердце Мили усиленно билось – то ли от страха, думала она, то ли от волнения, что она находится в этом историческом месте. Красивое ясное утро усиливало торжественность настроения. Но церкви и дворцы были заперты, а у дверей стояла вооруженная охрана. Оставалось только восхищаться внешней стороной этого исторического великолепия. Царь-пушка, Царь-колокол ... Пушка ни разу не стреляла, а колокол ни разу не подал голоса. Эти старые немые предметы – все, что Мили видела, оживили воспоминания о событиях, прочитанных ею в книгах или рассказанных Серафимой Петровной.

Мили и Маро – одинокие пешеходы – ходили по огромной территории Кремля. Несколько раз к ним подходил кто-нибудь из охраны и спрашивал, кто они такие и что тут делают. Маро показывала маленькую красную книжечку, которая действовала, как в сказке «Сезам, откройся!». Стражи брали под козырек, и женщины продолжали свою прогулку.

-Посмотри на этот дом, он тебе что-нибудь напоминает? – спросила Маро.

-Конечно, это совсем боярский теремок с картин Билибина, - ответила Мили. Глаза ее навсегда запечатлели в памяти образ этого терема с резными украшениями, выкрашенного в зеленый цвет. Около двадцати ступеней вели к деревянной двери, сохранившей всю свою красоту на восхищение будущих поколений. Какой-то неизвестный зодчий, не получивший академического образования, оставил это чудо свидетельством своего таланта.

-Хотела бы ты жить в этом тереме? Ведь внутри там так же красиво, как и снаружи, - спросила Маро.

-Нет, не хотела бы. Я чувствовала бы себя там страшно одинокой. Кому я могла бы рассказать о своих радостях и печалях, о своих

мыслях? Единственными гостями были бы привидения, которые вооруженная охрана не могла бы схватить. Это просто ужасно, - ответила Мили, почувствовав, как дрожь пробежала по спине.

-А знаешь ли ты, кто здесь живет? – спросила Маро и сама же ответила – Сталин, Надежда, их дети и обслуживающий персонал, конечно, с поваром – грузином.

Мили почувствовала себя уставшей, ей сразу захотелось уйти, какой-то неясный внутренний голос беспокоил ее. Ведь она находилась в недозволенном месте. Ноги, хотя и уставшие от долгой прогулки, заторопились- лишь бы скорее увести ее отсюда.

-Куда ты так спешишь? Не беги, - уговаривала ее Маро, - здесь у стен – и то глаза есть, кто-то может подумать, что мы не имеем разрешения ... Остановись – ка, мы должны спокойно пройти в те же ворота, через которые вошли, иначе охрана начнет звонить из одного конца в другой!

Когда они вышли на Красную площадь, Мили вздохнула с облегчением. Она радовалась людям, спешащим кто куда, а когда стоя голубей у ее ног поднялась в воздух, она проследив за ними глазами, почувствовала, как тяжесть спала с ее плеч. Но зеленый терем со всеми своими украшениями не выходил у нее из головы и иногда даже снился во сне. Она просыпалась с тревожным ощущением, как бы с предчувствием чего-то плохого... Ничего не случилось, и она все реже вспоминала этот эпизод, хотя зеленый дом остался в ее памяти, как яркий фотографический снимок среди многих других воспоминаний.

## 6. НА НОВОЙ КВАРТИРЕ

Большой пятиэтажный дом гостиничного типа производил отталкивающее впечатление. По обе стороны длинных, плохо освещенных коридоров тянулись двери, расположенные очень близко друг к другу. Можно было себе представить, что тем, кто за ними находился, жилось не очень-то спокойно. Вероятно, покой и домашний уют не слишком высоко ценились здесь.

Мири вошла в свою квартиру, которая состояла из двух комнат, и с этого момента должна была называться ее домом. Больше всего ей сейчас хотелось плакать. Напротив ее дверей была кухня – общая, конечно. Огромный стол стоял перед окном, каждая хозяйка имела свою двухконфорную газовую плиту, под которой был шкафчик для кухонной посуды. Их было всего десять, по числу хозяек. Была в этой кухне и плита с духовкой. Под кранами с горячей и холодной водой находилась маленькая раковина, сток которой был вечно засорен, и грязная вода застаивалась в ней. Здесь царили запахи не слишком аппетитной пищи, кислой капусты, лука, чеснока и недоброкачественного растительного масла.

Перевезенные из Харькова вещи помещались в этих двух комнатах. Кое-как разместили самое необходимое. В одной комнате поставили диван, письменный стол и маленький хохломской работы столик. Теплый уют придавал комнате грузинский, ручной работы ковер, который повесили на стену. Некоторые декоративные вещи: настольный светильник и абажур на лампе в потолке – работа самой Мири – говорили об умелой женской руке. Гости шутили обычно, что здесь на тридцати метрах площади есть и гостиная, и спальня, и рабочий кабинет. Какие роскошные слова для такого тесного помещения! Общие любимцы – овчарка и кошка, переехавшие в Москву вместе со всей семьей, чувствовали себя однако вполне уютно.

Рядом в комнате, дверь которой выходила в коридор, стояла кровать Нины, полки для книг, шкаф, отделяющий прихожую часть комнаты от умывальной. В шкафу с одной стороны помещалась посуда, с другой теснилась одежда. Перед окном поместили небольшой обеденный стол и несколько стульев. Когда Мири

осмотрелась вокруг, она вдруг подумала: «А как бы мы устроили здесь Серафиму Петровну?»»

За этим маленьким обеденным столом часто собирались друзья и с удовольствием отдавали должное приготовленным Мили блюдам. Мили старалась привыкнуть к неудобствам. Необходимый «комфорт»: ванная, которая всегда была в неисправности, и какое-то тесное помещение, наверное, предназначавшееся для домашней стирки, находилось в конце длинного коридора. Самым тяжелым для нее оказался первый день, когда нужно было познакомиться со всеми хозяйками, имевшими свою плиту на кухне. Мили смело вошла на кухню и приветствовала находившихся там женщин. Кто нехотя ответил, а кто, вообще, промолчал. Очевидно, новая хозяйка на кухне пришлась не ко двору. Мили сразу почувствовала, что ее внешность стала предметом тщательного изучения. К счастью, проникнуть внутрь ее головы и прочитать ее мысли они были не в состоянии. Когда Мили вышла, ей вслед понеслось жужжание, как из потревоженного пчельника, куда попало что-то постороннее. Постепенно голоса стали более оживленными:

- Слишком худая, слишком высокая, а волосы – что за стрижка! И вообще, как высушенная селедка!

- Мне все же кажется, что лицо у нее приятное и ноги маленькие и красивые, - неуверенно произнес чей-то голос.

Разногласия стали всеохватывающими, и женщины, уже не стесняясь, говорили громко. Никто не считался с тем, слышит ли их Мили в своей комнате или нет, Мили казалось даже, что они хотели быть услышанными. Теперь она знала, что она здесь – белая ворона, и ее, не стесняясь, можно и клевать, и щипать – причин для этого было много:

- Сразу видно, что она не наша ... я совершенно точно знаю, что она родилась в капиталистической стране и говорит на иностранных языках ..., кто ее знает, из какой она семьи ..., она ненадежная ..., я скажу своему, пусть сообщит, куда следует ...

Мили была подавлена – она никак не ожидала такого. Что она сделала? Почему женщины, которые ее совсем не знали, держали себя так враждебно, будто оберегали себя от злого врага?

Но вдруг, так же неожиданно для Мили, положение ее среди них резко изменилось. В Академии издавалась ежемесячная стенгазета,

и Мили, без ее ведома, выбрали членом редколлегии. Когда Андро принес эту новость, Мили поразилась – как это можно? – ведь она не член партии, иностранка, и к тому же, презируемая женами студентов Промакадемии! Она только теперь рассказала Андро, как ее встретили на кухне, и он пожурил ее за то, что она до сих пор молчала.

- Ну что ж, тем лучше – не я выставлял твою кандидатуру, просто в редколлегии должна быть женщина, жена студента, а мои товарищи бывали у нас дома, и они знают, что ты владеешь русским, что умеешь рисовать. К тому же, я был членом партии еще до революции, а после революции занимал ответственные должности. Прими предложение. Зарплаты получать не будешь, но эта работа будет в твою пользу.

Мили сомневалась в своих возможностях, однако, довольно быстро освоилась с новым делом. Она и студентка по имени Вера были единственными женщинами в редколлегии. Они быстро сдружились, было интересно работать вместе, Мили и рисовала, и писала, и стенная газета издавалась успешно.

Кухонный климат как-то потеплел, уже не чувствовалось такой резкой оппозиции, и, хотя иногда кто-то да клюнет или укусит, на Мили это уже не действовало. Все с удивлением смотрели, как эта «белоручка» хорошо готовила, пекла и не отказывалась научить этому других.

Шли недели, сменялись времени года, и Андро со своим оптимизмом видел будущее ясным и солнечным. В то время в Москве жизнь, казалось, стала как-то налаживаться. На прилавках стало появляться больше бытовых товаров, открывались новые продуктовые магазины, в которых можно было кое-что купить. Все студенты Промакадемии получали специальный паек из распределителя, находящегося в здании общежития. После полуголодного существования на Украине было очень приятно получить свежую рыбу, мясо, много других продуктов, а сверх того, на каждого студента полагалось по карточке шесть килограммов конфет в месяц! Мили, конечно, не брала столько, тем более, что недалеко от них, там же, на Покровке, находилась кондитерская, где, помимо аппетитных булочек и пирожных, можно было купить чудесные конфеты, ничуть не хуже тех, что выдавались в

Промакадемии. «Мишки» на севере и на юге, «Грильяж», подобно которому Мили не пробовала ни до, ни после, маленькие, величиной с копеечную монету, но толстенные конфеты под названием «Китайская смесь», с обеих сторон которых виднелся цветной рисунок – букетик цветов, бабочка или просто цветные шарики. Любимыми кофетами Нины были «Умки», в форме маленьких яичек. Они стоили семьдесят копеек за сто грамм, что по тем временам было совсем недорого. Часто перед уходом в школу Нина просила у мамы денег на маленький пакетик конфет, говоря, что они помогают ей лучше думать на уроках. До дома она их, конечно, не доносила, угощая своих подружек в школе. Мили и Андро вспоминали иногда, как, в Харькове, задержавшись допоздна на работе – а это был обычный стиль работы в те времена, Андро возвращался домой с несколькими картошками в кармане, купленными у какой-нибудь бабушки в подъезде, трясущейся от страха, что ее «поймают», так как подобная торговля была запрещена как подрывающая основы экономики молодого государства. В Москве же, в то время, когда Андро учился в Академии, жить было все же легче. Даже кофе Мили покупала свободно в специальном магазине недалеко от общежития. Этот замечательный магазин был открыт еще в дореволюционные времена, и кофе в нем продавался прекрасный, хотя стоил он, конечно, недешево, как это бывало и раньше. Все эти булочки, конфеты и кофе радовали покупателей всего лишь несколько лет, а затем вновь исчезли и надолго. Хотя труд в колхозной системе стал превращаться из откровенно принудительного во «вроде как бы» добровольный, результаты его были пока весьма скудными. В деревнях была в работе, в основном, только четвероногая рабочая сила и плечевая энергия человека. Еще раньше, в самом начале коллективизации, посылали членов партии в деревню агитировать за счастливое будущее и уговаривать непокорных. Андро тоже был послан Хрущевым в Уманский район, один из самых богатых районов Украины, и, поручая ему выполнить план хлебозаготовок, Хрущев сказал Андро так: «Откажешься – положишь свой партийный билет», - что в то время означало: «Поставишь крест на своей жизни». Андро уехал и сразу же прислал Мили в Харьков телеграмму: « Пришли черных сухарей». Мили засушила сухарей из полагающегося ей по карточкам хлеба и выслала ему. К счастью,

Андро недолго пробыл на хлебозаготовках – у него началось обострение болезни почек, и оба они – и Андро, и Мили, как это ни противоестественно, были рады этой болезни, позволившей ему вернуться. По приезде он рассказал Мили о тех ужасных условиях, в которых жили люди в этом богатейшем районе, и вспомнил, как однажды, увидев детей, катающихся на санях с горки, под которой лежало огромное бревно, сказал им, чтобы были осторожны и не сломали себе зубы, на что те ему ответили по-украински: «А на что нам зубы? Жевать – то ими все равно нечего!»

Нередки бывали случаи, когда сам агитатор, веруя в светлое будущее и несомненную пользу колхозной системы, погибал от коварного удара лопатой по голове или пули из старого ружья. Андро не ждал уже многого от этого обобщественного труда, но все же бодрость, оптимизм и добродушие не изменяли ему. Андро, по самой природе своей, по своему жизнелюбивому характеру считал, что жизнь непременно изменится к лучшему, и он смог убедить в этом и свою жену. Мили думала иногда, что первый ее муж тоже был уверен в том, что наступит счастливое завтра, правда, представляя его себе несколько иначе, чем Андро. Но разве кто-нибудь из них мог предвидеть свою собственную судьбу?

Проводимые вместе выходные дни и вечера еще больше сблизили друзей и, помимо Маро с Колей и Яши, у Андро и Мили появились и новые друзья. Уже многие знали Мили, уважали и любили ее не только как жену хорошего товарища, но и за ее собственные качества. Многонациональное общество собиралось иногда в их скромной квартире – были грузины, русские, украинцы, евреи. Часто приходил Серго Квачадзе – двоюродный брат Андро, и Мили с мужем иногда навещали его в его холостяцкой квартире.

Москва готовилась встречать пятнадцатую годовщину Октябрьской революции. Улицы были украшены гирляндами разноцветных огней, тысячами лозунгов с щедрыми обещаниями, которые так легко проникают в души людей, ничего хорошего в жизни не видавших, красными флагами – все это создавало праздничное, приподнятое настроение. Хозяйки, каждая по своим возможностям и умению, хлопотали у своих плит в общественных кухнях, все были заняты, словесной перепалки – и той не было. Пирожки были испечены и праздничная еда приготовлена.

Каждый год 6-го ноября в Большом театре открывался праздничный митинг. Сталин поздравлял свой народ с великим дорогим праздником. Уверенным голосом говорил о прекрасном будущем советского народа, о будущем, которое ждет всех трудящихся мира, идущих по пути Маркса-Энгельса-Ленина. Он говорил, что дорога эта трудна, и народ должен знать, что ему предстоит немалая борьба, чтобы удержать свои завоевания, и что капитализм стоит на краю собственной гибели.

Речи с таким содержанием повторялись из года в год, и в них почти ничего не менялось, если не считать людей, которые их произносили и людей, которые слушали.

Андро вернулся из Большого театра после торжественного вечера. Ему было о чем рассказать Милю – о речах, о концерте, о знакомых. Главы правительства, члены Политбюро – все находились в своей ложе. Жены и другие члены семей высокопоставленных лиц сидели в первых рядах на заранее приготовленных местах. Андро сидел недалеко от Маро, Коли и Яши. В перерывах они вместе прогуливались по великолепному фойе. К ним присоединилась и Надежда. Она была в необычно хорошем настроении, весела, разговорчива, красивая прическа еще больше подчеркивала правильные черты ее лица. Андро заметил, что многие взгляды останавливались на ней.

Прощаясь после концерта, Маро и Коля напомнили Андро, что завтра они ждут всю его семью к обеду ровно к пяти часам – домашняя работница не любит, когда гости опаздывают.

Седьмого числа встали рано и быстро позавтракали. Андро спешил в Академию, чтобы позаботиться о порядке на параде, Нина отправлялась в школу, где у детей были свои мероприятия. Все было расписано. Милю было неприятно оставаться дома одной: это значило, что хочешь – не хочешь, а придется иметь какой-то контакт с соседями. Андро уже выходил, когда зазвонил телефон. Это была Маро, и Андро показалось, что голос у нее какой-то странный.

- Ты что заболела?

Миля заметила, что выражение лица Андро изменилось, словно он чего-то испугался:

- Что случилось? Она ведь была вчера такая веселая и казалась такой счастливой!



В трубке слышались только рыдания.

-Она ... говори же!

Андро повесил трубку. Мили стояла рядом и ждала.

-Ну что ты молчишь? Что-нибудь плохое случилось?

-Да. Вчера ночью умерла Надежда. Больше ничего не знаю.

Потом пойдем к Маро, узнаем, как порвалась нить жизни этой молодой, здоровой, жизнелюбивой женщины. Что?... Кто?...

Андро ушел – нужно было выполнить свой долг. Страшно было подумать, что все это недолго останется в тайне, что эта весть, как вихрь, скоро пролетит не только по родной стране, но и по всей планете неразгаданной загадкой ...

Андро, Мили и Нина с трудом пробирались через праздничную толпу в центре Москвы. Торжественно накрытый стол ждал у Маро дома. Домработница приготовила все, как ей было сказано вчера. Все собрались вначале в комнате у Яши. Нина нашла какую-то интересную книгу и свернулась клубочком на диване в столовой. Дверь Яшиной комнаты закрыли. Так трудно было нарушить молчание – как будто направляешь острый луч света в мягкую темноту. Надежда ушла из жизни, и сердце разрывалось при мысли об этой милой и обаятельной женщине, живой еще вчера вечером. Маро оплакивала женщину, которая была второй женой ее бывшего зятя. Коля принес какое-то успокоительное, минуты шли, но какой разной длины бывают эти минуты! Наконец, Маро рассказала то, что она узнала сегодня утром от жен некоторых своих высокопоставленных соседей и от экономки сталинской дачи, которая тоже была ее соседкой.

6-го числа после концерта Сталин, Надежда, Ворошилов и Буденный с женами, Орджоникидзе со своей Зиной, Енукидзе, одинокий холостяк, и еще некоторые поехали к Ворошилову на дачу. Все гости были в прекрасном настроении. Все были молоды, энергичны не только в исполнении своих высоких государственных обязанностей, но и с удовольствием предавались веселью. После праздничного ужина и звона хрустальных бокалов с шампанским начались танцы. Сталин никогда не танцевал и не любил, когда другие танцевали с его женой. В такие моменты он выглядел замкнувшимся в себе, густые брови сходились на переносице, он молчал и энергично сосал трубку.

Надежда танцевала с Ворошиловым, глаза ее блестели, она наслаждалась этими редкими моментами, когда можно было шутить, веселиться и слушать приятные слова, которые ей говорили во время танца. Когда музыка смолкла, она весело подошла к Сталину и слегка наклонилась к нему, как будто что-то хотела сказать, но он опередил ее и сказал ей несколько слов, которые присутствующие не расслышали или сделали вид, что не слышат. Оживленное лицо Надежды моментально изменилось, тонкая рука поднялась к губам, как будто желая заглушить крик, но крик не раздался, а раздались быстрые шаги, открылась и тут же закрылась входная дверь, и машина, стоявшая у веранды, набрала скорость.

В комнате стояла мертвая тишина. Никто не пошевелился и никто не последовал за убегающей женщиной. Мрачный, почти превратившийся в каменное изваяние человек сжимал в своей руке трубку и взгляд его был направлен куда-то вдаль. Вряд ли нашелся бы сейчас такой смельчак, который посмел бы обратить этот взгляд на что-нибудь другое или разбить это каменное молчание.

Сталин встал, прошел несколько шагов до дверей и остановился. Голосом без всякой интонации он сказал:

-Не ищите меня, не звоните по телефону, меня нет нигде. – Дверь с шумом закрылась. Удивленные часовые не успели ничего сообразить, как он уже сел в машину и захлопнул дверцу. «В Кремль». – это было единственное, что они услышали. Сталин уехал один без единого телохранителя – такого с ним раньше не случалось. Во всех своих поездках он был чрезвычайно осторожен.

У ворот Кремля часовой услышал вопрос:

-Аллилуева приехала? – Затем машина с невероятной скоростью развернулась, и Сталин уехал к себе на дачу. Примерно за полчаса до этого туда приехала Надежда Сергеевна. Не говоря ни слова ни часовым, ни прислуге, она как молния пробежала в свою комнату, в дверях дав приказание экономке не беспокоить ее, ей хочется спать.

Часовые и прислуга не успели придти в себя от удивления, когда вторая машина остановилась у входа. Без шинели, без шапки, не приветствуя никого, Сталин поднялся по лестнице так стремительно, что если бы часовой не был таким шустрым и не распахнул бы молниеносно дверь, она, наверное, слетела бы с петель. Слышно было, как замок в дверях Надежды защелкнулся. Никто не

осмелился подойти к этой двери. Все были объятаы страхом и, как бы ища поддержку друг у друга, весь обслуживающий персонал и часовые собрались вместе в отдаленной комнате. Никто не знал, что делается у Надежды, никто не вымолвил ни слова, никто не мог сказать, сколько прошло времени – мало или вечность. Наконец, услышали шум отъезжающей машины – Сталин уехал один, без провожатых.

Постепенно, по одному, все заняли свои служебные места. Никому в голову не приходила мысль подойти к дверям хозяйки. У каждого на душе было тревожно, но никто не осмелился произнести ни слова. Наконец, экономка, которая не в силах была уже скрывать свое беспокойство, постучала в дверь комнаты Надежды Сергеевны. Сперва тихо, потом громче, потом очень громко, но ответа все не было. В ужасе от этой тишины, экономка побежала к начальнику караула. Тот сидел с мрачным выражением, но, увидев эту испуганную женщину и услышав ее путанные слова, бросился наверх. Постучал в дверь сперва слегка, а потом стал барабанить изо всех сил. Никакого ответа. Он выломал дверь и вместе с перепуганной экономкой вошел в спальню. На кровати в праздничном платье лежала Надежда Аллилуева – мертвая. Маленький пистолет лежал на полу рядом с кроватью.

Убийство? Самоубийство?

Рано утром с дачи Сталина позвонили в Кремль. Сталин сам не подошел к телефону. Через коменданта ему сообщили, что Надежда Сергеевна тяжело, опасно больна. Сталин приказал вызвать врача из Кремлевской больницы, но сам на дачу не приехал.

Маро узнала про эту трагедию рано утром 7-го числа, и внутри Кремля об этом уже говорили.

Праздничный обед превратился в поминальный, только еле слышный звук ножей и вилок нарушал тишину. Есть не хотелось. Нина, которая не знала о том, что случилось, одна ела с аппетитом.

Прошло несколько дней, прежде чем распространилось это печальное известие. В газетах было помещено короткое сообщение о том, что Надежда Аллилуева скончалась в Кремлевской больнице. Причина смерти – острый приступ аппендицита. Под сообщением были подписи нескольких знаменитых врачей. Ни одного слова скорби или сожаления.

Андро попросил разрешения написать некролог от имени товарищей по Академии, но и в этом было отказано. Из Кремля пришло распоряжение организовать похороны из Академии. Песональная ответственность за организацию похорон была возложена на Андро. Это была тяжелая обязанность, но отказаться было невозможно. Приказ был передан устно. Был создан комитет по организации похорон, но это никак не облегчало душевной тяжести Андро. Ни один из членов этого комитета не осмелился дать ему какой-либо совет, не осмелился даже подойти к нему, как человек к человеку. Эти похороны требовали особой деликатности, чувства меры. Андро не мог спать по ночам, а днем, где бы он ни находился, его окружали знакомые и незнакомые, желавшие узнать какие-либо подробности – газетное сообщение никого не удовлетворяло. Панихида была устроена в старом здании бывшего Пассажа на Красной площади. В этот просторный зал можно было бы поместить огромное количество людей, но на этот раз он был почти пуст. Белый гроб стоял на белом постаменте, украшенном белыми и светлорозовыми гвоздиками. Была слышна тихая траурная музыка, но откуда она доносилась – нельзя было понять. Мили стояла близко от гроба и видела красивое лицо покойной, на которое впервые была наложена косметика. Это лицо было спокойным, волосы красиво причесаны, лоб, который при жизни Надежды всегда был открыт, сейчас прикрывался волосами, волнами спадающими на шею и плечи. Напудренные руки были сложены на груди, и в тонких пальцах был букет гвоздик. Мили вспомнила свою любимую детскую сказку про Спящую Красавицу и ей казалось, что сейчас должно произойти чудо – войдет принц, поцелует Надежду и она проснется. Андро стоял рядом с Мили, тут же стояли Маро, Коля, Яша, были еще два-три педагога из Промакадемии, несколько однокурсников и несколько человек незнакомых. Печальная музыка наполняла тишину, слезы невольно наполняли глаза, сердце сжимали тиски и, как будто, костяные руки душили горло. Дома Андро предупредил жену, что плакать нельзя, и если она не уверена, что сможет сдержаться, ей лучше остаться дома. Трудной была эта борьба со слезами, Мили старалась о чем-то думать – о том, что она не была даже лично знакома с Надеждой, один раз встретились с ней у Маро и пару раз в Академии на каком-то торжественном

вечере. «Стоит ли горевать из-за почти незнакомого человека, ведь она же мне никто», - старалась думать Мили, но слезы все текли и текли, и она смахивала их со щек, и то же самое делала и Маро, но она ведь была подругой Надежды!

Тишину вдруг нарушили быстрые энергичные шаги. Рядом с постаментом остановился Сталин, с ним Ворошилов, Буденный, Молотов и кто-то еще. Мили стояла за спиной Сталина и видела его профиль. Взгляд его был прикован к каменному полу и ни разу не поднялся к покойной. Ни один нерв на его лице не дрогнул. Каменные монументы, которые были воздвигнуты в его честь еще при жизни, были более живыми, чем Сталин, стоящий у гроба своей жены. Было ли действительно холодно в зале или этот холод исходил от человека, за которым стояла Мили? Или это был порыв ветра с вечных ледяных гор Кавказа, посланный, как прощальный привет с родины этой женщины, которая находилась уже в другом мире? Может быть, время остановилось, а может быть, оно летело с космической быстротой – никто не думал о времени, никто никуда не спешил. Возможно ли проникнуть в темницу чувств и мыслей этого большого человека? Может быть, в эти мгновения его охватило чувство сожаления и вечным камнем легло на его душу? А может быть, в этой душе была пустота, может быть, то, что называется сердцем, было заморожено навеки? Ворошилов что-то шепнул Сталину. Сталин вздрогнул, как будто его вывели из глубокого сна. Всего один шаг – и он оказался у самого постамента. Он просунул руку до локтя за серебряную подставку гроба и с силой притянул к себе, так что присутствующие вздрогнули, кто-то вскрикнул, гроб стал косо на своем постаменте. Мгновение – и Владыка приподнялся на цыпочки, поцеловал свою жену и, как ураганный ветер, удалился из помещения, вслед за ним – его правительство. Из оставшихся в зале никто не подошел к гробу, так он и стоял косо - серебряная ножка на самом краю постамента. Тихая музыка продолжала играть, будто стараясь облегчить тяжесть находившимся в этом зале, но напрасно – ведь тут же стоял гроб, где вечным сном спала молодая красивая женщина, жена, мать.

Невозможно было дольше оставаться в этом трагическом месте, где душу охватывали вопросы, загадки, полный хаос чувств, образовывая заколдованный круг. Уйти, уйти скорее. Андро,

наконец, жестом пригласил всех выйти; те, которые пришли с ним, теперь уходили, смотря только перед собой. Маро подошла к покойной, поцеловала в щеку и в руку, Яша подошел к ногам усопшей, поклонился глубоко, и все вместе вышли из зала. Только Андро еще некоторое время оставался там. Мили ждала его на улице, было холодно, туманно. Наконец, появился Андро, закрыл на ключ огромные двери и передал ключ коменданту Кремля. По дороге домой Мили не могла избавиться от мысли, что там, в этом холодном огромном зале лежит совсем одна, всеми покинутая, все потерявшая женщина.

На следующий день состоялись похороны, и хотя об этом не сообщалось, все улицы, ведущие на Красную площадь, были перекрыты солдатами и конной милицией. Гроб, покрытый черным бархатом, был установлен на катафалке. Собрались немногие знакомые, друзья, члены Политбюро со своими женами, три-четыре человека из Промакадемии; посторонних не было. Катафалк тронулся, за ним двинулись провожатые, траурной музыки не было, с двух сторон шествия следовала конная милиция. Окна и двери в домах также как и магазины вдоль всего пути до кладбища были закрыты, у окон никого не было видно, у ворот и подъездов стояла милиция.

Длинной была дорога от Красной площади до Новодевичьего кладбища. Ноябрьское небо нависало над кортежем серое, мрачное, морозящий дождь старался проникнуть за воротник. Мили частенько смахивала со щек то ли слезу, то ли небесную влагу. Удивительно – хотя процессия не была многочисленной при отправлении с Красной площади и стражи с двух сторон следили за тем, чтобы посторонние не присоединялись бы к ней, Мили, которая шла с мужем недалеко от катафалка, оказалась вдруг в самом конце шествия. Видно было, что народа прибавилось – но как? и когда? Приближаясь к кладбищу, все заспешили и чуть ли не бегом стали продвигаться вперед. Мили даже потеряла Андро из виду; она тоже побежала вместе с другими и у ворот кладбища вновь увидела его с несколькими товарищами из Академии и крепко схватила его за руку, боясь снова его потерять. Когда подошли к открытой могиле, вокруг почти никого не осталось. Где были все члены правительства? Похоронная церемония уже закончилась, но ее, собственно, и не было. Сталин не провожал

свою жену в этот последний путь, детей тоже не было. Яша, Маро, Коля, Андро и Мили и еще несколько товарищей стояли у могилы, куда рабочие забрасывали землю. Они торопились, им, как видно, надоел дождь. Наконец, на могиле образовался холмик из комьев мокрой земли, рабочие стали набрасывать на него венки и цветы, временно лежавшие на чужих могилах, но Андро прекратил эту работу. Он, не скупясь, раздал деньги промокшим могильщикам, те остались довольны и кто-то даже сказал: «Выпьем за упокой».

Между тем, морозящий дождь сменился снегопадом. Андро и его товарищи старались расправить мокрые цветы и венки неизвестно от кого и кому – на них не было ни одной ленты. Наконец, работа была закончена. Несколько человек стояли у могилы, которая постепенно покрывалась белым, чистым снегом. Теперь уже никто не стеснялся своих слез, в тишине все вытирали глаза. Когда эта небольшая группа покидала кладбище, ворота были уже закрыты, но монах – сторож достал связку ключей, открыл ворота и спросил:

-Кого же это хоронили? Странные похороны, мне еще не доводилось таких видеть.

- Одну женщину, товарища, друга, - ответил Андро.

-Удивляюсь, - сказал монах, - был приказ запереть ворота сразу же после церемонии, но ведь церемонии-то не было, не было ни музыки, ни речей.

Домой пришли замерзшие, мокрые, с тяжестью на сердце. Андро открыл бутылку красного вина, налил два стакана, отломил кусочек хлеба, обмакнул в вино и положил на тарелку; то же сделала и Мили.

-За упокой твоей чистой души, Надежда, - сказал Андро. Вино было выпито, такая же памятная минута была, конечно, и у Маро дома, и вряд ли где-нибудь еще.

Однажды летом Андро и Мили поехали на могилу Надежды. Могила была красиво оформлена белым мрамором. Три ступеньки спускались на небольшую площадку, на которой стоял невысокий мраморный обелиск с замечательно выполненным бюстом Надежды; красивая рука поддерживала склоненный на нее подбородок. На обелиске золотыми буквами было написано: «Надежда Сергеевна Аллилуева» - и больше ничего. Но самым красивым, трогательным на этой могиле была ветка бронзовой розы, которая как бы случайно упала на мраморные ступени.

## 7. НЕОЖИДААННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Андро защитил свой дипломный проект и получил оценку «отлично». Тогда же, в 1934 году, сразу по окончании Академии он был назначен старшим консультантом по строительству заводов и фабрик в только что созданном Министерстве легкой промышленности. Должность была ответственная, эти заводы и фабрики строились по всему Советскому Союзу; обсуждения проектов с архитекторами, инженерами, экономистами, финансистами иногда затягивались до поздней ночи.

Семья получила новую квартиру в центре города. Еще раньше, в пору учебы в Промакадемии, Андро привез из Грузии в Москву своего маленького родственника, четырехлетнего Симонико Бебуришвили . Мальчик родился в селе Лихаури в Западной Грузии и был сыном двоюродного брата Федосии, матери Андро. Брак Оли и Михако, родителей Симонико, устроила сама же Федосия, которая устраивала обычно судьбы своих близких на свое усмотрение. К счастью, этот брак, несмотря на очень большую разницу в возрасте супругов, не был все же несчастлив, так как они обладали сходными характерами, основными чертами которых были доброта и мягкость. Андро и Мили, а также все другие дети Федосии со своими собственными детьми почти каждое лето гостили в большом доме Бебуришвили, выстроенном на месте старого обветшалого помещичьего дома, огромного, окруженного великолепными угодьями, от которых после революции остался все же обширный и живописный участок. Новый дом, правда, был , в основном, предназначен для летнего проживания, зимой там жили только Михако с Олей и детьми. В доме был всего один камин, и тот скорее декоративный – заглянув в него, можно было увидеть голубое небо, а во время дождя нужно было лезть на крышу и закрывать трубу заслонкой. Хорошо было отдыхать летом в этом доме! По участку возле дома протекали две речушки, на одной стояла совсем маленькая мельница, почти игрушечная, и так приятно было, проснувшись ночью, прислушиваться к ее мерному постукиванию. Над домом протягивала ветви большая груша, и тяжелые спелые плоды, срываясь с веток, с глухим шумом ударялись о крышу.



Мили даже испугалась, впервые услышав в ночной тишине этот звук – ей показалось, что кто-то кидает камни на крышу. Хорошо было совершать долгие прогулки по деревне, перелезая через низкие плетенные заборы, любуясь сообразительными плодами на деревьях, вспугивая куриные и утиные выводки по краям нешироких деревенских дорог. Вернувшись, приятно было воздавать должное горячим хачапури, пышущим жаром мчади со свежеприготовленным сыром, испеченным в кеци цыплятам. Утонченным и изнеженным городским гостям казалось вполне естественным, что на столе, как бы сами собой, появляются по нескольку раз в день эти аппетитные яства, и никому не приходило в голову помочь весь день суевающейся у огня, всегда приветливой, улыбающейся и трудолюбивой Оле. Можно было только удивляться ее терпению и кротости, особенно, если учесть, что жила она с семьей в весьма стесненных условиях и все эти «дары» природы, которыми она щедро одаривала других, давались ей только упорным и нелегким трудом. У них с Михако было трое детей, и Симонико был старшим из них. Андро и Мили решили взять мальчика к себе, вырастить его как родного сына, дать ему образование. Симонико был настоящее дитя природы, он удивлялся высоким домам, трамваям, а радио было для него каким-то волшебством. Он страшно радовался, когда слышал по радио народные грузинские песни, словно его родная деревня была совсем рядом. Как ни странно, он очень быстро привык к городской жизни, без труда стал называть Андро папой, а Мили мамой, Нину же воспринял как сестру. Четырехлетний ребенок не мог, конечно, забыть свою родную мать, отца, сестренку, братишку, не мог забыть свой двор и речку, все это было еще очень ярко в его памяти, но он почти никогда об этом не говорил. Симонико как-то очень быстро выучился говорить по-русски, но не забывал и своего родного языка. Андро и Яша говорили с ним по-грузински, кроме того, каждое лето он проводил в Лихаури. Когда в Москву приезжали грузинские гости, он очень радовался и с удовольствием пел вместе с ними – у него был хороший голос и прекрасный слух. Андро и Яша брали его с собой на футбол, а поездки на дачу на «Бьюике» доставляли ему огромное наслаждение. Он сидел рядом с шофером Володей, и разговор у них шел, конечно, о разных машинах. В то время почти не было машин отечественного производства; Симонико хорошо знал

марки всех иностранных машин, которых много было в Москве: «Линкольн», «Мерседес», Паккард» и прочие. В первое время своего житъя в Москве Симонико не понимал, что надо просить разрешения спуститься во двор поиграть с другими детьми, но скоро ему просто отбили к этому охоту. Черноглазый, черноволосый, смуглый, он резко отличался от белобрысых детей во дворе, и его часто дразнили за незнание русского и неправильное применение слов; он возвращался домой обиженный, иногда со слезами в глазах. С Ниной они быстро сдружились и нередко шалили; Мили иногда не знала, плакать ей или смеяться над этими шалостями.

В том же 1934 –ом году Мили стала работать в ВОКС –е референтом Финляндии и Скандинавских стран. Она имела возможность читать зарубежные газеты и журналы и была в курсе новинок западной литературы. Учреждение это располагалось в бывшем особняке русского миллионера-мануфактурщика. Это был настоящий маленький двухэтажный дворец: комнат в нем было, наверное, несколько десятков. Это здание сохранилось до той поры в своем прежнем виде: огромные зеркала в золоченых рамах, великолепный узорчатый паркет. Здесь были залы под разными названиями: Зеркальный, Голубой, Красный. Все эти парадные комнаты находились на первом этаже, а на втором были деловые кабинеты – огромные, с высокими потолками комнаты. Все мельчайшие детали дворца были выполнены с большим вкусом и мастерством. В прежние времена в этих покоях принимали мультимиллионеров России, а потом сюда стали приезжать известные зарубежные писатели, художники, ученые.

Летом 1934 –го года в Москве состоялся Международный конгресс писателей, и у Мили была возможность встретиться в ВОКС –е с такими известными мастерами пера, как Бернард Шоу, Ромен Ролан, Кнут Гамсун, Мартин Андерсен Нексе, Анри Барбюс, Максим Горький. Она работала переводчицей с Гамсуном и Нексе, которые интересовались культурной жизнью страны и задавали много вопросов о том, осталось ли что-нибудь в ней от прежней культуры. Из Финляндии приехала журналистка Элли Топури, она приезжала в Россию не в первый раз, и никаких особенных вопросов она не задавала.

Гамсун, очевидно, не поддался очарованию перемен,

происходящих в Советском Союзе, и по возвращению в Норвегию опубликовал в газете статью весьма критического характера, которая надолго охладила отношения между ним и советской общественностью.

Но тут уж ничего нельзя было сделать, сердцу, как говорится, не прикажешь.

Жизнь Мили в этот период текла ровно и вполне счастливо. Когда через многие годы она вспоминала время, прожитое в Москве, ей казалось, что в этом городе всегда стояла солнечная погода. Оптимизм Андро, его ровный характер сглаживали все шероховатости. Дома он всегда бывал в хорошем настроении, на работе со всеми находил общий язык, его любили и уважали. Дети росли дружно, Симонико начал ходить в школу, он уже хорошо говорил по-русски и ,надо сказать, поговорить он любил. Мили с удовольствием шла каждое утро на работу, ее окружали интеллигентные, милые люди, получившие образование еще до революции, слышна была речь на многих языках: немецком, английском, итальянском, французском , реже – датском или финском. Новое советское поколение вырастало, молодежь прокладывала дорогу в новую культурную жизнь, но надо сказать, что в общей массе эта культура пока что слабо проявлялась.

На 4-ое декабря был назначен большой вечер в ВОЛС –е. Все было подготовлено заранее. Женщины хотели выглядеть особенно нарядными. Мили заказала себе новое платье из шифона салатового цвета. Андро одобрил этот длинный вечерний туалет, но спросил с улыбкой:

-Неужели нет других цветов, кроме зеленого? Костюм твой для улицы зеленый, рабочее платье – зеленое, а блузки – сплошная зелень! Даже трудно назвать все эти оттенки зеленого. Но скажу тебе правду: зеленый – это твой цвет, цвет твоих глаз, моя зеленая симфония! – Андро подхватил Мили на руки и поставил на стол, отошел на несколько шагов и попросил свою жену покрутиться, чтобы показать туфельки из серебряной парчи.

-Но первый вальс все же мой, - добавил он, спуская ее на пол, и поставил пластинку. Как они были счастливы оба, танцуя этот вальс! На звуки музыки прибежали дети из соседней комнаты.

-Какая ты красивая! – вскричала Нина. Симонико долго смотрел на Мили большими черными глазами и потом сказал:

-Ты совсем как царица Тамара.

К назначенному часу подъехала машина. Все трое, влюбленные в маму, поехали провожать ее к маленькому дворцу. Андро сказал Мили, чтобы она позвонила ему, когда за ней надо будет заехать.

Ужин в ВОКС-е был великолепный. Парадно сервированный стол, старинные бокалы, искрящиеся светом хрустальные люстры, изысканные блюда, приготовленные превосходными поварами, чудесные грузинские вина – все это поддерживало праздничное приподнятое настроение. После ужина перешли в большой Зеркальный зал, где должен был состояться концерт. На таких приемах обычно выступали знаменитые музыканты и певцы. В тот вечер играл Эмиль Гилельс, Козловский очаровал всех своим непревзойденным тенором.

Концерт еще не окончился, когда к Мили с обеспокоенным видом подошел один из организаторов вечера, сел с ней рядом и тихо сказал:

-Танцев не будет, надо постараться закончить вечер быстро и как можно более деликатно.

-Но что случилось? – спросила Мили.

-В Смольном убит Киров, но ни одного слова о случившемся, ведите себя спокойно. Машины, чтобы отвезти гостей, уже вызваны.

Трудно сказать, насколько Мили удалось скрыть свой испуг – или это было какое-то жуткое предчувствие? Почему убит человек, который, казалось, пользовался доверием и симпатией народа?

Невзирая на всю свою деликатность, с какой сотрудники старались проводить гостей, те выглядели очень удивленными. Почему такая спешность? – все ожидали танцев после концерта. И Мили ждала этого момента – ей так хотелось потанцевать на блестящем зеркальном паркете!

Наконец, все гости разъехались. Мили сказала, что ее ждет машина, но она не могла сразу уйти, так как надо было получить еще кое-какие распоряжения. Андро сидел в машине, он выглядел встревоженным, но Мили не спрашивала его о причине тревоги – она ее знала. До дому доехали молча.

Кто мог совершить такое наглое убийство среди белого дня, в хорошо охраняемом месте – и почему? Наверняка, этот человек был сумасшедшим- только сумасшедший мог совершить такое! Так

думала не только Мили, но и многие, когда узнавали об этом. Когда маленький снежный ком скатывается вниз по снежному склону, он все растет и растет, пока не превратится в лавину, все сметающую и уничтожающую на своем пути. Николаев – это очень удобная фамилия, в России, наверное, каждый десятый – Николаев, но можно было бы назвать и другую фамилию – Иванов, их еще больше; одним словом, убийца должен был иметь фамилию. «Николаев», конечно, откровенно признался как в политическом убийстве, так и в том, что он состоит членом террористической организации и назвал фамилии других ее членов. Снежный шар покатился. Газеты были полны именами людей известных и неизвестных, знакомых и незнакомых, и все они при знавали себя участниками тайной организации, которая занималась вредительством, шпионажем и прочими антигосударственными действиями.

В учреждении, где работала Мили, люди как-то сразу изменились – приветливые прежде они стали мрачными и избегали всяких разговоров. Однажды утром в ВОКС –е появился новый человек, который коротко объявил, что он – директор.

Новый директор захотел познакомиться с каждым сотрудником персонально и в алфавитном порядке стал вызывать всех по одному к себе в кабинет. Некоторые оставались там мучительно долгое время, по возвращении к рабочему месту выражение лица каждого было неузнаваемо, вопросов не задавали и старались даже не смотреть друг на друга.

Пришла очередь и Мили войти в знакомый кабинет, куда она входила столько раз, не испытывая ни малейшего страха или волнения. За огромным старинным письменным столом сидел полноватый крупный мужчина и, казалось, был так поглощен своей работой, что даже не заметил, как в комнату вошел вызванный им человек, женщина. Товарищ директор был целиком углублен в чтение какого-то документа, лежащего у него на столе. Мили остановилась посреди комнаты, не зная подойти ли ей ближе или, может быть, лучше уйти. Она постояла в недоумении, перебирая свои пальцы, а потом спросила:

- Может быть, я пришла в неудобное время? Я получила распоряжение явиться.

-А! Я и не заметил. Так много дел, и все требуют особого

внимания и прежде всего правдивости от всех.

Мили все стояла, ей не предложили сесть.

- Ну вот... Да, а как фамилия? – взгляд человека снова обратился к бумагам, которые были у него в руках. Казалось, он не умеет читать – по складам читал он грузинскую фамилию.

- Вот как, оказывается, грузинка, а по виду не скажешь.

- Нет, я не грузинка, я финка.

- Финка?! – притворное удивление заставило человека вскочить на ноги. Все данные о Мили были давно уже прочтены им и тщательно изучены; на столе у него лежало большое количество одинаковых папок с делами всех сотрудников. Товарищ директор был плохим актером: изумление и даже как будто испуг были разыграны им в виде такой смешной пародии, что Мили с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться.

- А чем же эта национальность неподходящая, ведь в Советском Союзе все национальности в одинаковом почете? – Мили сама удивилась, как спокойно она произнесла эти слова, но это тоже было притворством – в глубине ее финской души поднималась буря.

- Здесь я задаю вопросы, а вы должны отвечать. Не будем зря тратить время – скажите, где ваш первый муж, за которого вы вышли замуж в Финляндии?

- Умер. – Мили больше не улыбалась, она поняла, что конец диалога будет неприятным.

- Ах, умер! Ну что ж, все ясно: вы неподходящий человек для такой работы. Идите получите расчет, мы честный народ, никому не остаемся должны. Там же получите ваши бумаги, и с завтрашнего дня вы свободны.

Мили вышла молча, не захлопнула дверь, а закрыла ее спокойно. Как видно, испытания, которые выпадали на ее долю раньше, не смогли в достаточной мере закалить ее характер: как ни боролась она с собой, слезы текли по ее щекам. Снова, как это бывало с ней в детстве, когда ее несправедливо обижали, комок встал у нее в горле и мешал ей дышать. Тактичные сослуживцы не стали ее ни о чем спрашивать и делали вид, будто не замечают ее настроения. Они догадывались, конечно, о том, что случилось, и Мили знала, что они сочувствуют ей, но сейчас ей все было безразлично. Получив деньги и свои бумаги, она, не простившись ни с кем, добежала

до остановки автобуса. Домой, домой, скорее скрыться от чужих глаз, поплакать в одиночестве. Только Андро, вернувшись вечером домой с работы, смог со своим обычным спокойствием и любовью утешить свою жену.

1936 –ой год был уже на пороге. Друзья – Маро, Коля, Яша, нарком легкой промышленности Николай Гордеевич со своей женой и Андро с Мили решили встречать Новый год на даче в Крылатском. Дача была большая, комнат хватало для того, чтобы разместить всех гостей. Экономка должна была приготовить новогодний ужин, она была хорошей хозяйкой и готовила отлично. Детей отправили на дачу уже за несколько дней до Нового года, чтобы они могли вволю покататься на санках, лыжах и поиграть в снегу.

В тот день Андро задержался на даче допоздна. Мили ждала его и нервничала – как бы не опоздать поднять бокал за Новый, 1936 –ой год и пожелать всем счастья, а самые лучшие пожелания нужны были в этом году больше, чем когда-либо раньше – общая тревога таилась у всех на душе.

Наконец, появился Андро. Он быстро переоделся, машина ждала внизу. Снег шел весь день и весь вечер, кое-где намело большие сугробы, казалось, что у стекла порхают маленькие белые бабочки и тают, ударившись о него. Вся дорога за городом была занесена снегом, свет фонарей пятнами расплывался на белом снегу. Ехать надо было очень осторожно, и Мили все чаще посматривала на часы. Стрелки честно выполняли свою работу – было уже двенадцать. Три человека в машине пожелали друг другу счастья, но настроение у них было не Новгодним. Наконец, доехали. Опоздавших пожурили, и пробки от шампанского, хоть и с опозданием, взлетели к потолку. Не расходились до самого утра. Нина танцевала с Яшей, и он перебирал пальцами ее длинные светлые косы; ее глаза блестели звездами. Она была уже на пороге ранней юности, Мили смотрела на нее, вдохновенно танцевавшую свои первые взрослые танцы, и ей вдруг показалось, что действительность отступила куда-то, и она увидела себя в таком же возрасте, такую же беззаботную и счастливую. Но ведь и сегодня она счастлива, и жизнь будет так же продолжаться – должна же Фортуна, наконец, согласиться, что Мили дорого заплатила за это счастье – или же узлы на нити ее

жизни уже невозможно распутать?

Один из первых дней Нового года уже клонился к вечеру. Мили долго ждала Андро с готовым обедом и время от времени снова его разогревала, она и сама еще не обедала. Наконец, знакомый звук ключа в замке, Мили побежала в прихожую и хотела уже побранить мужа за опоздание, но напряженное, незнакомое выражение его лица остановило ее.

- Что случилось? – Андро не отвечал, он прошел в комнату, сел на диван, а потом так же молча пересел к столу, и мысли его начали постепенно выливаться в слова, которые Мили слушала со все возрастающей тревогой:

- Берия, этот мерзавец, получил уже очень большую власть и одной ногой перебрался в Кремль. Сегодня он вызвал меня к себе для разговора с глазу на глаз – якобы посоветоваться и сказал со своей ехидной улыбкой:

-Послушай Андро, что я тебе скажу. Я уже и со Сталиным об этом говорил, он не против. Ведь у нас на Кавказе имеются огромные богатства; запасы разного сырья, множество минеральных источников, которые мы не имеем возможности использовать, так как у нас нет стекольных заводов, нет бутылок; то же самое с вином. Мы могли бы заключить торговые договора с заграницей – грузинские вина и коньяки ничуть не хуже французских, а что касается боржомской воды, то только некомпетентные люди могли бы сравнить эту воду с «Виши». А шелк, шерсть, табак! Нам нужны заводы, заводы и еще раз заводы! Ты, Андро, как раз тот человек, который нам нужен. Ты должен организовать на Кавказе трест заводского строительства, крупный трест, который будет строить заводы и фабрики в Грузии, Армении и Азербайджане. Все эти республики тебе знакомы, ты даже говоришь на всех этих языках. Здесь и авторитет, и умение на твоей стороне. Ну, что скажешь? – и он, прищурившись, смотрел на Андро сквозь пенсне.

А что мог ему ответить Андро, если дело было уже решено? На другой день его вызвали в Кремль и вручили бумагу с резолюцией Сталина. Андро был подавлен, он слишком хорошо знал Берия, с которым учился вместе в Баку. Берия был родом из небогатой семьи, и карман его часто бывал пуст, как у многих



других студентов, приехавших учиться в Баку из Грузии. И вот одноклассник Андро, Лаврентий Берия, стал часто появляться в его семье за обеденным столом. В Баку, считавшимся тогда самым богатым в мире нефтедобывающим центром, процветали как свои, кавказские, так и иностранные миллионеры; шикарные особняки, дворцы, большие торговые дома, полные как европейских, так и восточных товаров – все это придавало особый оттенок этому городу на берегу Каспия, круглый год купавшемуся в роскоши и запахе нефти. Но эта восточная роскошь не являлась единственной достопримечательностью Баку, был и другой Баку, под названием «Черный город». В свою первую поездку на Кавказ Мили видела эти кварталы, которые, по словам Андро, почти не изменились с дореволюционных времен. Одноэтажные бараки «Черного города» и маленькие хибарки были когда-то выбелены известью, но с годами почернели, из-под земли просачивалось «черное золото», которое накладывало свой отпечаток на весь этот город: жирный туман покрывал все своей черной пленкой, кожа рабочих приобретала особый оттенок, даже после бани остававшимся неизменным. Кругом дышала пустыня, и горячий ветер гонял с места на место тучи песка. Не было ни одного дерева, ни одного куста, и ни один пучок зеленой травы не пробивался сквозь черный песок. Дети играли у порогов своих бедных жилищ и у лужиц, пуская щепки по их маслянистой поверхности. «Черный город» жил тогда своей жизнью, но у рабочих-нефтянников была, наверное, как и у всех людей, надежда на лучшее «завтра». Лидеры подпольной организации указывали рабочим путь к счастливой жизни. Учащаяся бакинская молодежь примкнула к рабочему движению. Андро и Лаврентий, несмотря на свою молодость, принимали активное участие в этой работе. Андро замечал, что иногда поведение Лаврентия было каким-то непонятным, а время от времени кто-то из членов подпольной организации оказывался арестованным. Андро стал опасаться Берия, подозревая в нем предателя, однако, не будучи полностью уверенным, никому не рассказывал о своих подозрениях. Он стал избегать общества Лаврентия, их отношения уже не были прежними, Андро перестал приглашать его к себе домой, но так как тот приходил и без приглашения, он удалялся в свою комнату, ссылаясь на занятость и усталость.

Прежнее знакомство и даже дружба с человеком, который с невероятной быстротой поднимался к вершине власти по партийной и служебной лестнице, не сулило Андро ничего хорошего. Он должен был отправиться в Тбилиси уже через несколько дней, и Берия, который теперь путешествовал только в своем салон-вагоне, предложил ему поехать вместе с ним. Андро отказался, приведя какую-то причину, что-то по семейным обстоятельствам. Мили с детьми оставалась до конца учебного года в Москве, не хотелось переводить их в другую школу и, вообще, в другой город в самой середине года. Андро подозревал в этом новом назначении какой-то хитрый подвох со стороны Берия.

- У этого негодяя, явно, свои планы в отношении меня, но он так хитро сумел доложить все Сталину, что тот заинтересовался его предложением. Пока я в Москве, его руки не дотянутся до меня, он это знает и старается заполучить меня в Тбилиси. – Андро говорил возбужденно и шагал взад и вперед по комнате. Мили укладывала вещи мужа в чемодан, и туда же, вперемижку с одеждой, капали ее горькие слезы. Провожать Андро пришли Коля, Маро, Яша и несколько ближайших друзей. Хотя все старались шутить и смеяться, настроение у всех было подавленным.

Мили очень скучала по Андро, тревога не покидала ее. Письма приходили часто, и в них не было ничего, что заставило бы ее подозревать плохое. Они были ласковыми, полными любви, Андро с нетерпением ждал конца учебного года, мечтал о том, чтобы вся семья была бы снова вместе.

Маро в последнее время стала очень нервной и раздражительной, и не удивительно – ведь она знала больше, чем многие другие: за время ее работы она встречалась с людьми высокопоставленными, известными, уважала их, считала преданными патриотами своей родины, своего дела, а теперь они объявлялись изменниками и обвинялись в государственных преступлениях. Такое невозможно было понять, вопрос этот постоянно мучил ее, но она должна была молчать об этом и, помимо исполнения своих каждодневных обязанностей, должна была также с приятной улыбкой появляться на спектаклях в Большом театре. Серебряные нити появились в ее красивых волосах, и находились такие люди среди ее знакомых, которые ехидно спрашивали друг друга, какие это заботы заставили

поседеть Маро Сванидзе?

До окончательного своего переезда в Тбилиси Андро еще дважды приезжал в Москву. Его обычно веселое настроение как-то померкло, он рассказывал неприятные новости. В полуночной тишине машина останавливается у чьего-либо подъезда, и сердце стучит в такт поднимающимся шагам. Где они остановятся? У чьей двери? У какого соседа раздастся звонок? Чувство ли виновности обостряло слух, барабанило в сердце, не давая спать? Нет. За дверями, куда звонили эти люди, жили друзья, знакомые, жизнь которых была, казалось, на виду, как на рентгеновском снимке. Почему же их тогда увозили среди ночи, запирая как преступников? В Грузии, Армении, Азербайджане поспешно убирали лучших в области науки, искусства и литературы. Если арестованный был членом партии, судьба его была заранее предreshена, и если даже у него хватало сил физических и моральных выдержать допрос, доказывая свою невиновность, ему, полуживому, выносили смертный приговор или, что еще страшнее, посылали в лагерь сроком на двадцать – двадцать пять лет. Этой весной, как и каждый год, природа пробуждалась в солнечных лучах, но для одних это цветение весны оказалось последним в жизни, для других, кто не был еще схвачен, оно проходило незамеченным.

Переезд в Тбилиси не радовал Милю. Андро объяснил эту перемену как временную; его должны были вызвать обратно в Москву после того, как он наладит порученное ему дело. Даже московская квартира оставалась за ним, и из обстановки перевезли в Тбилиси только самое необходимое. В Тбилиси хорошие мебельные мастера, и можно будет заказать все, что понадобится. Итак, Москва – не прощай, а до свидания.

Квартира в Тбилиси была еще не совсем готова, ее надстраивали над вторым этажом старого, основательно построенного когда-то дома в центре города на улице Кирова. Лето в Тбилиси было жарким, душным, и все, кто мог, старались выехать на дачу. Андро снял летнюю квартиру в расположенном по Военно-Грузинской дороге старом селе Ананури, известном своей крепостью и церквями в ней. Хозяин дома, где остановились, был сторожем этих церквей. Арагви несла свои воды по каменистому руслу, и светлые брызги летели навстречу солнечным лучам. В тишине синей ночи шум бегущей

реки пробуждал в памяти Мили шум далекого северного водопада Мерикоски, к бормотанию которого она так часто прислушивалась в детстве. Быстро проходило лето. Мили, Нино и Симонико ходили в крепость, рассматривали сохранившиеся фрески, на которые сырость оказывала свое губительное влияние, поблекла одежда святых, помутнела позолота, сырой холод и полумрак действовали угнетающе, и они спешили выйти на яркий солнечный свет. Андро мог приезжать только по воскресеньям, и эти радостные дни семья проводила вместе. Мили не готовила в тот день, так как обедать ездили в Пасанаури, ели зажаренную на вертеле форель и знаменитые хинкали. Мили заметила, что Андро очень изменился, его прежняя жизнерадостность исчезла, а если он и бывал весел, то эта веселость была притворной. Андро говорил, что квартира уже готова, что она красиво отделана и имеет все удобства, и с особым удовольствием подчеркнул, что кухня большая, со многими шкафами, и наверняка понравится Мили. Нине была приготовлена голубая комната, а Симонико поселится в кабинете отца, где специально для него поставлен маленький письменный стол.

Осень спешила украсить склоны гор вокруг Ананури ярко-желтыми и красными красками, ночи становились прохладными, недалеко было то время, когда зашумит ветер в ущельях и тучи совсем неожиданно пошлют на землю первый снег.

Радостным был переезд на новую квартиру. В Тбилиси было по-осеннему тепло и солнечно, и Мили казалось, что ни зимние ветры, ни холод не смогут проникнуть в ее уютный новый дом. Тбилисская осень особенно чувствуется на базаре, и Мили любовалась пестрым и душистым изобилием фруктов и овощей, не виденным ею ранее богатством даров природы, горами зеленых арбузов, желтых дынь.

-Красивая мадам, подходите, выбирайте, купите самый сладкий, а другой возьмите «пеш-кеш»! – черноглазый деревенский парень держал в одной руке арбуз, а в другой дыню. Лукавая улыбка открывала белый ряд зубов; рядом другой курчавый продавец приглашал госпожу попробовать его персики. Большая плетеная корзина была полна розовощеких, покрытых пушком плодов. Мили остановилась, любуясь этой красотой, а парень уже клал на весы самые лучшие. Она хотела взять только килограмм или два, но он все добавлял и говорил, что все остальное –«пеш-кеш». В двух

шагах стояла старушка и звала Мили:

-Внучка, иди купи груши, они сладкие, как мед. У Мили корзина была уже полна, но старушка так ласково звала, что она не могла пройти мимо, и действительно груши оказались изумительными. Корзина старушки была, наверное, одного с ней возраста и успела перетаскать на базар сотни килограммов груш и других фруктов.

Придя домой, Мили разобрала фрукты – что для еды, что для варенья. Какое наслаждение было хлопотать в своей новой, чистой, просторной кухне, полной ароматных запахов спелых фруктов. Андро, возвращаясь домой с работы и видя жену такой счастливой, в приятных хлопотах, сам на какое-то время оставлял свои грустные мысли, и его зеленые глаза сияли прежним счастьем.

Жаркие дни сменялись прохладными приятными вечерами. Иногда приходили друзья или сестры Андро со своими мужьями, они жили совсем близко.

Проходила осень, и гости появлялись все реже. Почему, неужели все так заняты? – думала Мили, но ни о чем не спрашивала. Андро решил отпраздновать новоселье и пригласить близких родственников и нескольких друзей. Праздник назначили на 7-ое ноября, так как в этот день все свободны и у всех праздничное настроение. Каждый год 6-го числа проходило торжественное собрание в Доме правительства, и Андро тоже должен был присутствовать на этом собрании, но он обещал жене придти домой, как можно раньше и помочь с праздничными приготовлениями.

Мили начала готовиться к празднику рано утром 6-го числа. Уже наступил вечер, а Андро все не появлялся. Мили позвонила ему на работу, и дежурный сотрудник ответил, что Андро давно ушел. Что же случилось? Андро всегда был верен своему слову, а в случае чего-либо непредвиденного звонил домой, чтобы Мили не волновалась. Часы тикали как-то особенно громко и это тиканье стало раздражать Мили. Она отнесла часы в комнату дочери. Девочка спала, но через некоторое время она появилась с часами на кухне и спросила:

-Где папа, почему его нет? Уже двенадцать часов, он же обещал придти вовремя.

-Не знаю, иди спать и возьми часы с собой, - ответила Мили.

-Они так ужасно тикают! Что с ними случилось?

-Ну иди же, - повторила Мили, - часы тикают так же, как и всегда, наверное, это твои нервы не в порядке, раз ты все замечаешь.

-Разве только мои? А твои? – Нина ушла, но часы оставила в кухне на столе. Было уже половина первого, когда раздался звонок в дверь. Почему звонок? – ведь у Андро есть ключи. Мили испугалась и медлила открывать, но звонок зазвенел снова. Ей казалось, что сердце ее вот-вот выскочит из груди, и рука ее невольно поднялась к сердцу – может, это поможет, не даст ему выскочить?

-Кто там? – Она не узнала собственного голоса.

-Открой же, это я.

Открыв дверь, она испугалась еще больше – человека не было видно из-за огромного букета цветов.

-Хватит тебе? – спросил Андро, рассыпая вокруг нее белые хризантемы. Мили как будто проглотила язык, хотя и приготовилась встретить Андро не очень ласковыми словами.

-Ты разве не рада, что получила так много чудесных цветов?

Мили казалось, что она провалилась в какую-то яму, где опереться не на что. Но это странное чувство быстро исчезло. Андро стоял перед ней живой и здоровый, а хризантемы лежали на полу. Значит, все же это правда, и Мили засмеялась, обняла его и поцеловала в обе щеки.

- Где ты среди ночи нашел столько цветов? Я уже думала ...

-Раньше времени ничего думать не надо. Расставь-ка лучше эти цветы, и пусть все будущие дни будут такими же счастливыми, как этот.

Мили заполнила все вазы цветами. а оставшиеся пришлось поставить в ведро и отнести на балкон.

7-го ноября гости собрались за праздничным столом. Ближайший друг детства Андро не пришел, и никто не спросил, где Леонид, почему его нет и где его жена Аня? Все хвалили приготовленное Мили угощенье – сациви из индейки, салаты, пирожки, десерт. Все присутствующие, конечно, заметили, что они слишком много об этом говорят, но это была та соломинка, за которую они могли ухватиться. После обеда поставили пластинку, и Андро с Мили начали танец, приглашая и других. Это тоже была какая-то мера защиты от непонятной угрозы, так как, танцуя, можно было не разговаривать.

Довольно быстро все нашли какие-то причины, по которым они должны были поскорее вернуться домой. Выходили не все вместе, как бывает после весело проведенного вечера, а по одному или парами – муж с женой, как-то особенно тихо спускались по лестнице, бесшумно закрывали двери.

Дети были удивлены – почему все так быстро разошлись? Почему танцевали так мало? Почему не ели? Почему так мало ели? Почему много осталось вина и почему мама и папа выглядят такими уставшими? – ведь они всегда любили после ухода гостей сесть за стол, чтобы еще раз попробовать вкусные блюда и выпить пару бокалов вина за счастье всей семьи.

Через пару дней Андро, придя с работы, сказал, что Маро Сванидзе приехала в Тбилиси в отпуск, и что ее сестра очень больна и состояние ее безнадежно. В тот же день Маро позвонила и сказала, что жизнь сестры оборвалась. Мили и Андро были на похоронах. Маро очень изменилась, казалось, что какой-то кошмар опутал ее жизнь. Уже многие ее сослуживцы исчезли бесследно, шептались о врагах народа, троцкистах, шпионах, но самой большой тяжестью, которая давила на душу Маро, была женитьба Яши на женщине много старше него, бывшей уже несколько раз замужем и имеющей сомнительную репутацию. Кроме того, еще подозревали, что она является тайным сотрудником НКВД, и в ее обществе все чувствовали себя стесненно. Мили знала эту женщину еще по Харькову, она была тогда женой некоего Бессарабова, занимавшего большую должность в тамошнем НКВД. Маро считала, что с помощью Яши эта женщина рассчитывала найти прямую дорогу к Сталину, но она просчиталась! Сталин не хотел даже видеть жену своего сына. Отношения между отцом и сыном никогда не были особенно близкими, а теперь они совершенно прервались. Маро призналась Мили, что она всем этим очень удручена.

## 8. Ноябрь, перевернувший счастливую жизнь.

Ноябрь 1936 –го года был теплым и солнечным. Обычно по воскресеньям вся семья выезжала за город. Вокруг Тбилиси было много красивых маленьких местечек с уютными ресторанчиками, где подавали вкусные блюда и хорошее деревенское вино. В один из субботних дней Андро попросил своего шофера Вану приехать к нему к десяти часам в воскресенье, вместе позавтракать дома и отправиться за город. Еще не было девяти часов, когда раздался звонок в дверь. Мили накинула халат и пошла открывать, немного недовольная тем, что Вану приехал так рано. Открыв дверь, она увидела троих незнакомых мужчин в гражданской одежде. Один из них спросил Андро. Мили удивилась – если пришли по делу, то почему так рано и в воскресное утро? Она сухо ответила, что Андро еще спит, и сказала чтобы посетители пришли через час. Мужчины сказали: «Хорошо, придем через час». И действительно , пришли ровно через час. Без приглашения вошли в квартиру и прошли через столовую в спальню к Андро, который еще лежал в постели. Один из них дал Андро прочесть какую-то бумагу и велел ему встать и одеться. Мили, Нине и Симонико было приказано сесть на другую кровать не вставать с места. Овчарка, любимица семьи, нервничала, и ее заставили привязать. Это существо, чувствовавшее себя хозяином дома, было единственным, кого «гости» боялись. Мили пришла в ужас, когда один из пришедших начал рыться в ящиках письменного стола. Как можно так нахально, бесцеремонно копаться в чужих вещах? И тут она вспомнила, что такое уже было в ее жизни, в Харькове. Неужели нужно привыкнуть к этому и все безропотно переносить?

Вану пришел, как было условлено, но его тоже усадили и грубым тоном приказали не двигаться. Пришел также и портной, который принес новое пальто Андро, и он получил тот же приказ, что и Вану. Эти двое сидели, будто их стукнули по голове дубинкой. Книги из книжного шкафа были вытащены и в беспорядке брошены на пол. С какой любовью и вниманием Андро и Мили расставляли их когда-то на полках! Страшно было видеть их разбросанными



по полу. Двое занимались перетряхиванием каждой книги, искали неизвестно что, с некоторых книг срывали даже обложки, и они лежали беспомощными на полу, будто просили о пощаде. В сторону откладывались книги на немецком и финском языках. Из русских попали в эту стопку книги Плеханова и Мартова, которые они отшвыривали от себя с особой яростью, как будто в руки им попадала зараза. И полное собрание сочинений Есенина тоже оказалось в этой куче, а вместе с ним и «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского и много других книг. Красивый осенний день 12 ноября клонился к вечеру. Непрошенные гости выполняли свою работу добросовестно и с большим воодушевлением. Но Нина запротестовала, когда начали обшаривать ящики ее письменного стола. Один из мужчин, который был, по всей видимости, главным, приказал ей сидеть на месте и добавил, что в ее возрасте она должна знать, что несет ответственность за свои слова и поступки. Жалкие люди! Неужели они не понимали, какой гадкой работой зарабатывают себе на хлеб насущный! В ванной комнате они вывернули корзину с грязным бельем, перетряхнули каждую вещь в отдельности, а в кухне даже мусорное ведро стало предметом их внимания.

Наконец, работа была окончена, стопка книг перевязана веревкой. Письма, полученные от родных их Финляндии и от брата из Америки, фотографии и открытки, которые Мили бережно перевозила с собой из города в город, попали в руки этих людей, как в пасть дикого зверя. Мили ощущала физическую боль в сердце, наблюдая за тем, как все это тонуло в их ужасном мешке. Один из них, очевидно, заметивший выражение ее лица, сказал даже как бы сочувственно:

-Не стоит горевать из-за каких-то бумаг, будет и похуже.

Вся мебель, все предметы домашнего обихода и даже вещи личного пользования были переписаны, и Мили строго предупредили, что она не имеет права ничего выносить из дома, так как это – государственная собственность! Но и это еще не было бедой, впереди было «кое-что и похуже». Главный вынул из своего портфеля еще одну бумагу и протянул ее Андро – это был ордер на арест.

-Наденьте-те пиджак, опорожните карманы, положите туда чистый платок, возьмите полотенце, мыло и зубную щетку – больше

ничего вам не нужно.

-Андро, почему ты должен идти с ними? Ты же не сделал ничего плохого! Как это можно невинного человека вот так увести из собственного дома?! – Мили вцепилась в отворот его пиджака, но Андро бережно снял ее руки, поцеловал пальцы своей жены и покрыл ее лицо поцелуями.

-Я ничего нечестного не делал, моя совесть чиста. Я ни в чем не виноват, и ты должна быть спокойна за меня. – Он поцеловал своих детей и направился к дверям. Портной уже ушел, а Ваню приказали отвезти своего бывшего хозяина по адресу, который ему укажут по дороге. Мили сидела на развалинах своего дома. Жизнь остановилась. Этот удар был сильнее, если вообще такое возможно, чем тот, который обрушился на нее почти десять лет назад в Харькове. Неужели она еще жива, или это уже смерть, конец? Неужели смерть вот так, спокойно, безболезненно. без ощущения страха переносит тебя в иной мир? Даже не чувствуешь тяжести своего тела, все только воздух, пустое пространство, мрак.

-Мама, какие у тебя холодные руки, и ты совсем холодная – это был голос Нины. Она держала руки матери в своих, целовала их и пыталась согреть. Девочка приготовила чай, накрыла на стол и всем своим существом старалась вернуть мать к жизни. Казалось, мать и дочь поменялись ролями. Ты должна поесть, жизнь не кончилась, ведь Симонико голодный, и я тоже. - Мили пришла в себя и теперь почувствовала невероятную тяжесть своего тела и своего сердца, как бы стиснутого щупальцами какого-то чудовища. Она посмотрела вокруг. Неужели это то место, которое она называла своим домом? Что за страшный смерч или землетрясение разрушили его?

Но жизнь продолжалась, и после каждой бессонной ночи наступало безрадостное утро. Не скоро заставила себя Мили убрать следы этого разрушения, но постепенно она начала сознавать, что именно теперь она должна быть сильной, ведь все, что ожидает ее, она должна будет перенести одна, поддержки уже не будет. Если кто и посочувствует ей в душе, то показать это не осмелится.

И вот началось ежедневное хождение в НКВД к маленькому окошку, где после долгого стояния в очереди ей говорили: «Следователь не принимает.Что хотите? Пищу передать? Это не дом отдыха! Чистое белье? – когда получите разрешение!»

Через крохотное окошко смотрели злые глаза и раздавался крик : «Следующий!» А «следующих» хватало – с самого раннего утра до позднего вечера стояли все «следующие», и их с каждым днем становилось все больше и больше, Это были женщины, которые хотели узнать о судьбе своих мужей, матери и отцы, дочери и сыновья которых были заперты за железными воротами, были даже бабушки, одетые во все черное, повязанные черными платками, которые умоляли, стоя у окошка: «Генацвале, скажи, где мой внук?» - были дети, испуганными глазами смотревшие на всех, но не осмеливавшиеся даже подходить к окошку. Все это повторялось изо дня в день, никому ничего не сообщали, из всех окошек отвечали : «Ждите!» и все ждали с утра до вечера и с вечера до утра.

У Мили в семье не было никаких доходов, зато расходы были . Так же как и в те прежние дни она смотрела вокруг себя и думала, что бы продать, и не вспоминала, что не имела на это права. Жизнь требовала свое, и Мили выносила из дома любимые вещи и получала за них гроши.

После ухода Андро она с большой любовью и вниманием ухаживала за хризантемами, и они долго держались, но затем начали увядать, и с болью в сердце она должна была по утрам убирать одну из них. Мили надеялась, что сумеет сохранить эти дорогие ей цветы до возвращения Андро, но пришел день, когда ей пришлось расстаться с последним увядшим цветком. Она держала его в руках, не в силах выбросить его, и ей казалось, что она отрывала кусок от своего сердца. Неужели надо отказаться от надежды? Предвещает ли этот ушедший из жизни цветок конец всему? А чему же конец? – все заботы, все обязанности несла она теперь на своих плечах и прекрасно понимала, что помощи ждать неоткуда. Ежедневная жизнь требовала сил, душевного напряжения и денег. Надо было платить за квартиру, за коммунальные услуги, и хлеб должен был быть на столе каждое утро. Все, что она могла еще продать, ничего не стоило. Надо было найти работу. Хорошо было бы устроится в школу, преподавать английский или немецкий язык. Однажды утром она отправилась в школу, где училась Нина и Симонико, эта школа была на очень хорошем счету в городе. Директор принял ее любезно, он даже приходился дальним родственником Андро; он предложил ей сесть и, решив, очевидно, что она пришла узнать об

успехах детей, очень их похвалил. Но эти теплые слова на сей раз не дошли до сердца матери, так как в мыслях ее было что-то более важное.

-Спасибо, приятно слышать хорошее о своих детях, но не по этому поводу я пришла сейчас. – Мили старалась подбодрить себя, хотя была минута, когда ей хотелось бежать из кабинета директора.

-Тогда по какому же вопросу? – в голосе директора зазвучали другие нотки.

-Я слышала, что в тбилисских школах не хватает преподавателей иностранных языков. Я знаю английский и немецкий. Правда, я никогда не работала педагогом, но могу сказать, что у меня достаточно фундаментальные знания в этих языках, - Мили вспомнила своих высококвалифицированных педагогов в Хельсинки. Похоже было, что директор попал в какую-то неловкую ситуацию – он же должен был что-то ответить.

-Мне очень жаль. Действительно, у нас не хватает педагога английского языка. Уважаемая мадам, поверьте мне, я бы с удовольствием предоставил вам место педагога в нашей школе, но это от меня не зависит. Я ничего не могу для вас сделать. Вы, вероятно, понимаете, почему я должен вам отказать.

Да, Мили, конечно, поняла, но у нее не было сил сразу встать и уйти. Постучали в дверь, и в кабинет почти что вбежали трое мальчиков, держа в руках стенгазету.

-Вот – она готова, хорошо? Посмотрите как мы ее оформили!

Да, действительно, газета была хороша. Портреты Ворошилова, Молотова и Берия были вставлены в рамки, украшенные орнаментом. Директор долго смотрел на эту работу, на которую было потрачено много времени и старания.

-Дорогие дети, лучше, если газета ваша будет без всяких портретов, статьи я тоже должен проверить – вдруг туда вкралась какая-нибудь грамматическая ошибка. Оставьте газету здесь и приходите завтра.

Мальчики вышли, очень разочарованные, Мили тоже направилась к двери. Она уже взялась за ручку двери, когда директор сказал на прощанье:

- Надо быть осторожным, в наше время случается так много неожиданного!

Первая неудачная попытка найти работу не сломила Мили. Она подумала, что в Тбилиси школ много, и что в других не будут знать, кто она такая и почему ищет работу. Как непростительно наивна она была! Первый же вопрос, который ей задавали, был – замужем ли она и где работает муж? Мили щадила себя и даже не отвечала на этот вопрос, а просто поворачивалась и уходила. Ясно было одно – работы ей не найти. Об Андро ей ничего не было известно, кроме того, что он еще жив. Следовательно пару раз принял Мили, участливо разговаривал с ней, даже постарался ее утешить, сказав, что внимательно изучил дело Андро и не нашел в нем ничего, что соответствовало бы выдвинутому против него обвинению. Андро обвиняли по всем параграфам 58-ой статьи, что означало обвинение в террористической деятельности, шпионаже в пользу одной или нескольких капиталистических стран, вредительстве, антисоветской пропаганде, что тогдашнему жаргону называлось «полный джентельменский набор». Мили даже растерялась, услышав, во скольких преступлениях обвинен ее муж. Антисоветская пропаганда – да как это возможно?! Мили готова была дать голову на отсечение, лишь бы доказать невиновность своего мужа, но не она одна – сотни женщин так же были уверены в невиновности своих мужей, братьев, отцов.

Наступил 1937-ой год, и его начало показалось Мили еще более мрачным, чем конец 36-го. Все то, что она с большим страхом смогла вынести из квартиры, было уже продано. На что же жить дальше? Сестры Андро просили простить из зата, что они не навещают ее, а однажды младшая золовка, встретившись с Мили на улице, сказала ей:

-Чем я могу тебе помочь? Мне жаль брата, но теперь случается такое – ты, наверное, понимаешь... Было бы лучше, если бы ты к нам не приходила.

Старшая золовка, известная тбилисская красавица, не запрещала Мили приходить, но и не приглашала ее. Однажды Мили, в предчувствии чего-то худшего, отнесла к ней на хранение свои украшения, несколько антикварных вещей, серебряные ложки и кое-что из одежды, надеясь, что все это сохранится и понадобится, если жизнь еще будет продолжаться.

Два месяца прошло с того дня, как Андро увели из дома, и Мили

пришлось испытать новое тяжкое потрясение. Следователя по делу Андро сменили, и новый следователь велел ей принести чистое белье, мыло и деньги для покупки табака. В назначенный день, еще до рассвета, Мили стояла у окошка, но уже не была первой. Если передачу не успеют принять до двух часов, то окошко захлопнется, и нужно будет ждать еще целую неделю. Нервы напряглись до физической боли, стрелка подходила уже к двум,

и все существо Мили воплотилось в единую мысль – только бы успеть! Она успела, но была последней из тех, кого приняли. Ожидание на этом не закончилось – теперь нужно было ждать, пока тебя вызовут и вернут грязное белье. Наконец, она его получила, а с ним – маленькую записку, в которой Андро сообщал, что он здоров, но что свидание не разрешается до окончания следствия, а следствие проводилось уже вторично. По почерку было видно, что рука его дрожала. Мили читала и перечитывала эти несколько строк, а в сердце или в душе – трудно было определить это место – поднялась жгучая боль. Медленно шла она домой, и сумка, содержание которой она еще не видела, казалась ей невероятно тяжелой. К счастью, детей еще не было дома, она сразу прошла на кухню, чтобы вынуть все из сумки.

Это невозможно! – все это не его, по ошибке ей дали чужое белье, как же это так? Порванные грязные тряпки, рубашка без рукавов – та, что была на нем, когда его взяли? На ней черные, коричневые заскорузлые пятна – нет не может это быть его рубашкой! Трусы и полотенце сплошь в коричневой и черной краске. Не скоро она поняла, что это была за краска – это была засохшая кровь ее любимого Андро.

Новый следователь работал больше месяца, и ни разу не принял Мили. Как-то ей удалось позвонить ему по телефону и сказать, что она получила по ошибке, наверное, чьи-то чужие тряпки вместо белья своего мужа. Мужской голос ответил с усмешкой:

-Будьте уверены, мы здесь не ошибаемся, - и трубку повесили.

Дни шли, надежда угасала, тяжкие мысли терзали душу, головные боли усугубляли страдания. В Тбилиси была ранняя весна, цвели деревья в парках и садах, воздух наполнился чудесным ароматом, но на проспекте Руставели не было видно беззаботно гуляющих людей и в парках никто не сидел на скамейках, как это

обычно бывало в весеннюю пору. Возвращаясь из НКВД, Мили зашла в Александровский сад и присела на скамью. Память буйным потоком выбрасывала на поверхность все пережитое, и хотелось спросить у судьбы – неужели ты еще недостаточно натешилась и можешь сделать жизнь еще тяжелее? Кто-то сел на скамейку рядом с ней. Значит, люди еще ходят в парк? Мили даже не повернула головы.

-Сестричка, что за печаль у тебя на душе? Дай руку, скажу, что есть, что было и будет. Мили обернулась к говорившей, хотя она и так поняла, что рядом с ней сидит цыганка.

-На что мне знать мое прошлое, я его и так хорошо знаю.

Черные цыганские глаза смотрели на нее внимательно.

-Ой, сестричка, дорогая, большая тяжесть у тебя на душе. – Мили с горечью подумала, что сейчас легко гадать, когда у каждой второй женщины на душе тяжесть, и притворилась безразличной.

-Ой, сестричка, дай же руку, скажу, что тебе судьба припасла.

-Не верю я в болтовню цыганок, - с усмешкой ответила Мили. – Если тебе деньги нужны, могу дать немного мелочи, а крупных у меня у самой нет. – Но все же она протянула руку, цыганка долго смотрела на нее, а потом сказала:

-Я бы свою долю бедной цыганки не променяла на твою. Ты много пережила, а еще больше у тебя впереди. Мужчина, может быть, брат – нет, вы не одной крови, это муж твой, он близко от тебя и очень далеко, ты его увидишь и услышишь, но все равно вы будете далеко друг от друга – ой-ой, несчастная женщина, семья твоя разбита, оставишь своих детей, один твоей крови, а второго другая родила, еще я только скажу, что уедешь очень далеко, не хочешь а уедешь, и надолго, а приедешь на знакомое место – испугаешься, а больше я тебе ничего не скажу.

Мили застыла на скамейке, слушая эти слова, потом взяла себя в руки, как бы стряхивая тяжелый сон. Ей хотелось даже посмеяться над цыганкой и бросить ей пренебрежительные слова, но той уже не было рядом, и Мили почувствовала, что не только смех, но даже легкая улыбка не коснулась ее губ.

Больше она не думала об этом так как не была суеверной и не верила в гадания, но все же слова цыганки засели где-то в лабиринтах мозга, а сон, увиденный ею позже, тоже мог предвещать

мрачное будущее.

Миля часто повторяла себе: « Это все неправда, это кошмар, я проснусь, и все будет по- прежнему». Но от действительности не отмахнешься, как от ночного кошмара, как от гадания, от нее никуда не денешься. Мили, наконец сообщили, что следствие закончено, и ей разрешается свидание с мужем. Настали назначенный день и час, и она явилась, куда ей приказано было явиться. Ее все вели и вели по бесконечным коридорам, и ни один человек не попадался ей навстречу. Это была внутренняя тюрьма НКВД для особо важных политических заключенных. Мили становилось жутко, ноги едва слушались ее. Наконец, остановились у какой-то двери, совсем обычной с виду. Провожатый сказал Мили, чтобы она стояла и не двигалась, а сам вошел в дверь и закрыл ее за собой. Мили казалось, что в комнате, куда он вошел, никого нет, потому что оттуда не доносилось ни единого звука. Очень скоро дверь снова открылась, и ей велели войти. Провожатый остался стоять у двери, обитой, очевидно, звуконепроницаемым материалом. Комната оказалась самой обычной, как в любом учреждении, за письменным столом сидел мужчина, а по другую сторону стола, спиной к Мили, сидел другой мужчина, у самых дверей стоял стул, и ей сказали, чтобы она села. Мужчины сидели молча, прошли, наверно, минуты, но Мили казалось, что время застыло. Чтобы прервать это невыносимое молчание, она заговорила сама:

- Мне сказали придти, может быть, я пришла не туда?

Мужчина за столом взглянул на нее:

- Здесь ошибок не бывает, не бойтесь, вы не заблудились.

Второй мужчина, сидевший, сидевший спиной к Мили, даже не пошевелился.

Прежний неприятный хриплый голос продолжал:

- Следствие по делу вашего мужа закончено. Его виновность в антисоветской деятельности доказана. Вот в этих бумагах все доказательства его террористических действий, шпионажа и многого другого. Правда, обвиняемый ни в чем не сознался, и напрасно – этим он облегчил бы свою участь. Нашлись все же честные и порядочные граждане, которые свидетельствовали против него. Дело по обвинению вашего мужа будет передано в Военный Трибунал, где тройка вынесет ему заслуженный приговор,



- завершив свое дело и свою речь, он, глядя на толстую папку с удовлетворением потирал руки, словно говоря, как некогда Пилат: « Я умываю их».

Человек, сидевший спиной к Мили, за все время не произнес ни единого слова, не пошевелился, казалось даже, что это не живой человек, а манекен.

- Меня вызвали сюда на свидание с моим мужем, где я могу его увидеть? – спросила Мили.

- Ну вот сейчас и можете видеть, не двигайтесь с места, говорите.

Человек, сидевший спиной, повернулся. Незнакомое старое лицо, даже не лицо, а маска, без малейшего признака жизни, глаза – как высохший колодец.

- Мили, в этой папке нет ни одного слова правды. Я не сделал ничего такого, за что меня можно наказать. Не теряй надежды, я обязательно вернусь.

Человек за столом вскочил на ноги:

- Я предупреждал – ни одного слова о деле! Еще слово, и я прекращу свидание!

Возможно ли, что этот старый, совершенно седой, страшно худой и бледный человек был ее Андро – ласковый, заботливый, любящий, в глазах которого всегда светился луч радости? У нее в горле застрял комок, который душил ее, она старалась изо всех сил проглотить его, наконец, ей удалось произнести несколько слов, но она не узнала своего голоса:

- Я верю, я знаю, я привыкла во всем доверять тебе ...

И снова тот голос зарычал:

- Если больше не о чем говорить, я прекращу свидание!

Мили начала что-то быстро рассказывать о домашних делах, в страхе, что ее выведут оттуда:

- Все родственники чувствуют себя хорошо, дети получают хорошие отметки, скучают без тебя, все время спрашивают, придешь ли ты завтра или послезавтра. Андро, не бойся ничего, если случится, что тебя вышлют далеко, даже в Сибирь, я буду с тобой, я тебя не оставлю!

Человек за столом рассмеялся, злое выражение лица еще больше подчеркнуло смысл его слов:

- Как же! Не думаю я, что вы пойдете за этим врагом народа. Если вам и предложат, вы сразу же откажетесь.

Андро долго смотрел в глаза Мили, и в его взгляде появилось выражение печали, страдания, безнадежности.

- Моя дорогая, много забот ляжет на твои плечи. Позаботься о детях, постарайся утешить мою старую маму, устрой свою жизнь, как найдешь нужным. Жаль, что судьба принесла нам столько страданий. – Андро хотел еще что-то добавить, но следователь заорал:

- Заткнись! Какая еще судьба? Ты сам себе свил веревку и ты ее получишь! В камеру! – Сейчас же появились двое вооруженных охранников, Андро вытолкали из комнаты, но Мили еще услышала слова: « Я не виноват!»

Тот, кто привел Мили сюда, открыл дверь и направил полуживую женщину в коридор; ей было все равно – куда, лишь бы уйти из этой комнаты.

В начале лета солнце еще не жгло, приятная теплота окутала уставшее тело и согрела похолодевшую душу. Надо было пойти к матери Андро, она ждала, но что же хорошего могла Мили рассказать ей? Не могла же она сказать, как выглядел ее сын, какой он был измученный и постаревший, сколько страдания было у него в глазах! Нет, это невозможно, пусть она одна знает всю правду. Поднимаясь по лестнице, Мили уже придала лицу нужное выражение и приготовила слова:

-Андро немного похудел, улыбался, чуть-чуть побледнел, но он аккуратно одет, хорошо выбрит и пострижен.

- А следователь – какой был?

-Интеллигентный человек, конечно, приветливый, разговаривали свободно, через неделю дело будет в суде, и следователь обещал, что после этого опять разрешат свидание. Ничего плохого. – Мили вспомнила Серафиму Петровну, о которой в последнее время не в состоянии была думать, и с горечью почувствовала, что одинаковое горе, одинаковая судьба породила теперь этих таких далеких друг от друга женщин.

Дети уже были дома. Нина приготовила, как смогла, обед, накрыла на стол и, не подозревая ничего плохого, оба ждали прихода мамы. У Мили раскалывалась голова, есть совсем не

хотелось, но она старалась хоть что-то проглотить, чтобы не огорчить Нину. Симонико пытался угощать маму, чем мог. Время тянулось бесконечно, будто дневные часы умножились так же, как и ночные, бессонные, мучительные. Если ей и удавалось погрузиться в сон, она тут же просыпалась оттого, что ей слышалось, как в замке повернулся ключ. От этой галлюцинации она вскакивала, но все было тихо в темной, как глубокая яма, ночи. В этой кошмарной ночной тишине складывались в ее голове четкие мысли: « Если не удержишь нас, - говорили они, - мы разбежимся и собрать нас ты уже не сможешь, а здравый ум тебе нужен сейчас больше, чем когда-либо, он – единственный твой помощник, твоя опора! Голову выше, расправь плечи и бесстрашно смотри вперед. Кого бояться? Пусть боятся те, кто творят зло!»

Прошло несколько дней. Ничего нового об Андро не было слышно. Как Мили ни старалась подавить в душе страх за его будущее, она предчувствовала что-то еще более ужасное. И вот – зазвонил телефон и знакомый хриплый голос сообщил, что в час дня она должна явиться к нему в рабочий кабинет, у коменданта есть распоряжение, и ее проведут. Мили явилась точно в назначенное время, но ее заставили ждать еще довольно долго. На сей раз следователь был более любезен, предложил ей сесть у стола, и опять она ждала, пока он начнет разговор.

- Я сделал все возможное, чтобы облегчить участь вашего мужа, но все от меня не зависит, я всего лишь следователь. Приговор выносит Военный Трибунал, и по одному делу с вашим мужем восемь человек получили смертный приговор. – Следователь прочел все эти имена, и голос его даже не дрогнул. Среди этих имен были и знакомые, и среди них – Леонид Чантладзе, арестованный за несколько дней до Андро. – Чтобы придать большой вес сказанному, человек повторил, - Военный Трибунал вынес смертный приговор всем этим преступникам. – Он с удивлением посмотрел на женщину, которая так спокойно приняла известие о смертном приговоре ее мужу. Он, конечно, ожидал, что будет истерика, обморок, и даже припас на этот случай стакан воды.

- Можно ли мне видеть мужа до его смерти?

- Вы мужественная женщина, и вы правы – не стоит о нем переживать, он этого не заслужил. Вы красивая, вы сможете легко

устроить свою жизнь.

- Я не получила ответа на свой вопрос, - ответила Мили.

- Да, на самом деле, - усмехнулся следователь, - но видите ли, приговоренные к смерти находятся в особых камерах, и я уже никакого отношения к ним не имею, но могу вам сообщить, что такого разрешения вы не получите. Все эти восемь человек подали прошение Сталину о помиловании, у Сталина мягкое сердце, может случиться, что смертный приговор заменят двадцатью пятью годами заключения в лагерях особого режима. Только вот не могу вам сказать, что лучше.

Да, выдержать двадцать пять лет тюремного режима – невозможно, это Мили хорошо понимала. Человек за столом смотрел на нее с ядовитой ухмылкой.

-Мне можно уйти? – спросила она, вставая со своего стула.

- Конечно, конечно, я ведь хотел вам помочь, приходите, когда нужно, желаю успеха. – Мили уже дошла до дверей, когда услышала этот отвратительный голос снова. – Еще одно дело, чуть-чуть не забыл. Ваша квартира – она слишком большая для вас, есть много достойных людей, которые заслужили жить в ней. Завтра у вас будет сосед. Вам оставляют одну комнату, ту, которая имеет отдельный вход. Протестовать бесполезно, вопрос решен. Запомните, что в эту комнату можете взять только одежду свою и детей, больше ничего. Идите. Всего доброго.

Выйдя на улицу, Мили словно пробудилась от глубокого тяжелого сна.

Смертный приговор – этого не может быть, это неправда, он только по злобе так сказал. Но квартиру отнимут – это наверняка, Мили уже слышала, что у многих отобрали квартиры, и еще более ужасное слышала, что и женщин арестовывают.

Приближаясь к дому, Мили с удивлением увидела знакомое лицо – это была Маро Сванидзе. В порыве радости женщины хотели броситься друг другу в объятия, но воздержались. Мили коротко рассказала о своих печальных новостях, а Маро сказала, что ее уволили с работы и выселили из квартиры. «Я знаю, что меня и здесь в Тбилиси найдут, может, еще и сегодня.» Маро рассказала о своем брате, Александре Сванидзе, члене коммунистической партии с 1903-го года. После революции он занимал ответственные должности,

был наркомфином, а с 1924-го года – торговым представителем в Германии. В 1937-ом году ему было приказано вернуться вместе с семьей в Москву, и на том прекратилось существование этой семьи. Маро похудела и постарела, волосы поседели и выражение лица стало совершенно иным. Мили предложила Маро подняться к ней, но та отказалась, добавив, что за каждым ее шагом следят. Действительно, на другой стороне улицы остановился какой-то человек, который, наклонившись, старался завязать шнурки своих ботинок, но это ему никак не удавалось. Прощаясь с Мили, Маро печально посмотрела на нее и сказала:

- Я надеюсь, что ты переживешь это время удачнее, чем я. Моя участь уже решена. Мы с тобой уже не увидимся, в моей душе ты всегда останешься моей дорогой подругой. – Маро передала Мили и Нине привет от Яши. Он довольно быстро понял, что совершил ужасную ошибку, связав себя с этой женщиной, нечестной, низкой и недостойной его.

Товарищ на другой стороне улицы привел, наконец, свои шнурки в порядок, а подруги разошлись. Судьба распорядилась так, что пути этих двух женщин шли еще какое-то время параллельно, но они уже никогда больше не встречались. Эта последняя их встреча ярко запечатлелась в памяти Мили.

На следующее утро она проснулась рано, дети еще спали, яркое утреннее солнце обещало жаркий день. Мили задернула занавески, чтобы защититься от жары, и тут же вспомнила, что вчерашний человек в НКВД обещал ей новую программу на этот день. Она обвела взглядом потолок и стены, безупречно отделанные прекрасным мастером, все мелочи были тщательно обработаны, как внутренние швы парадного костюма. Она переходила из одной комнаты в другую и ей казалось, что она слышит голос Андро, спрашивающий, довольна ли она, а ему самому все очень нравится. Давно уже она ответила, целуя его в щеку, что ей тоже все нравится, но было бы еще лучше, если бы и у Симонико была своя комната, как у Нины.

Она горько усмехнулась, вспомнив сказку Пушкина о Золотой рыбке, где жадной старухе всего было мало и она хотела еще и еще, пока не потеряла все. Да, глубокая мудрость в этих стихах, но разве Мили все это заслужила?

Начинался ее последний день в этой квартире. Надо было разбудить детей, ведь одной ей не справиться с «переездом». Энергично взялась за работу. Две кровати поставили в бывшем кабинете Андро, надо было перетащить еще и диван, маленький столик из кухни, бывший книжный шкаф, ставший теперь буфетом, три стула и некоторые вещи домашнего обихода. Не осталось времени, чтобы привести все в порядок. Вошли незнакомые люди и начали осматривать квартиру, как свою собственную, не взглянув на Мили, не заговаривая с ней. Между собой они говорили по-армянски, и она не понимала ни единого слова. Один из них протянул ей бумагу, в которой говорилось, что квартира принадлежит теперь ее подателю, заслужившему ее честным трудом на обувной фабрике. Все вещи, которые находились в трех комнатах, на галерее, в кухне и в кладовках, принадлежали теперь хозяевам этой квартиры, и Мили предупредили, чтобы она не протестовала и ничего не трогала.

Новые хозяева так добросовестно выполнили все, что говорилось в бумаге, что присвоили себе даже продукты, заготовленные Мили осенью – варенья, топленое масло и другое. Наконец, глава семьи вошел к Мили в комнату и сказал:

-Вы незаконно вынесли эти вещи из квартиры, сейчас же поставьте их обратно! – и Мили вынуждена была это сделать, оставив только кровать, тахту и книжный шкаф, который новый хозяин не пожелал тащить самостоятельно, а у Мили с детьми не хватило сил его вынести. После этой заключительной операции Мили наглухо закрыла дверь в свой бывший дом и в бывшую жизнь. Теперь трое потерпевших крушение сидели на краю кровати и молчали. Первым заговорил Симонико:

- А как теперь спать будем?

- Нина и я на кровати, а ты на тахте – подходит или нет?

Кое-какие постельные принадлежности все же остались – те, которыми побрезговал «хозяин». Некоторые книги заняли место в углу комнаты на полу, в буфете расставили какую-то посуду. Одежду поместили в большой сундук, который пропутешествовал за свою жизнь с берегов Тихого океана в Финляндию, оттуда в Россию, а затем в Грузию.

Новые жильцы относились враждебно к Мили и детям, но это была не единственная неприятность, которую приходилось

переносить. Дверь их комнаты открывалась прямо в подъезд, не было больше ни кухни, ни ванной, ни туалета. Воду приходилось таскать со двора на третий этаж и во двор же выносить грязную. Наступила осень, надо было думать о том, как жить дальше. Квартира в Москве еще сохранялась за ними, и Мили подумала, что, пожалуй, было бы лучше переехать в Москву. Возможно, найти работу там будет легче, чем в Тбилиси, где судьба пострадавших была известна всем. Она была согласна на любую работу - лишь бы иметь хоть какой-нибудь доход, и в Москве дети могли бы вернуться в свою старую школу. Судьба Андро еще не была решена, надо было ждать пока все выяснится. В самом тяжелом душевном состоянии Мили решила обратиться к Берия, человеку, которого Андро ненавидел. Утопающий и за соломинку хватается, говорят. Но Берия отказал ей в приеме. Тогда Мили подкараулила его, прождав полдня в подъезде своей золовки, которая жила напротив ЦК партии, и когда он выходил из своего учреждения, она, собрав все свое мужество, перебежала дорогу к его машине. Поспешно объяснила, кто она такая, и обратилась к бывшему однокласснику, а теперь врагу своего мужа со словами:

- Помогите ему, ведь вы же знаете его лучше, чем кто-нибудь другой!

Мили получила холодный взгляд через пенсне, и еще более холодным тоном он ответил:

-Потому-то он там и находится.

Андро и все его товарищи по страшной судьбе содержались в одной камере. Нечеловеческие физические страдания, которые они терпели на допросах в течение многих месяцев, были уже позади, а теперь они испытывали новые душевные муки, ожидая уже целый месяц ответа на свое прошение Сталину. Наконец, пришло помилование: смертный приговор им заменили двадцатью пятью годами заключения во вновь построенной по последнему слову тюремной техники Полтавской тюрьме, в политизоляторе. Первые пять лет им запрещалась переписка и получение посылок. После того, как пришло это «помилование», Мили разрешили десятиминутное свидание с мужем, и столько же времени дали и матери на прощание с сыном, и мать поняла, что это последняя их встреча, но Мили казалось, что в будущем она еще встретится с Андро. Он и Мили

стояли друг против друга, между ними были две железные решетки, а по узкому проходу ходил взад и вперед вооруженный охранник. О чем можно было говорить в такой обстановке? В эти последние минуты слова куда-то исчезли, с трудом говорили что-то о совсем ненужных вещах, память ничего не удержала из этого разговора.

И вот – всему конец. Мили почувствовала, что от сердца осталась одна оболочка.

Еще раньше, в ожидании ответа от Сталина, Мили отправила Нину в Москву, а за Симонико приехала его родная мать и увезла его в деревню. Расставаясь, все горько плакали, словно предчувствуя долгую разлуку.

Москва ничего хорошего не обещала; квартиру, которая до сих пор сохранялась, нужно было освободить. Дали трехдневный срок. Кроме того, Мили поставили в известность, что она, вообще, не имеет права жить в Москве. Значит, надо возвращаться в Тбилиси. В то время оба города были ей одинаково неприятны – Москва казалась такой же противной, как и Тбилиси, и Тбилиси – не лучше Москвы. Всюду она чувствовала себя чужой и незащищенной. В то время Серго, двоюродный брат ее мужа, был еще на свободе и жил в Москве, хотя был уже исключен из партии. Он предложил Мили оставить у него Нину и перевезти оставшуюся мебель. И вот опять – упаковка, переезд, перетаскивание вещей. Мили решила по дороге из Москвы в Тбилиси остановиться в Харькове и навестить Серафиму Петровну. Марфа встретила ее враждебно, не хотела даже впускать в дом. Все же Мили увиделась со своей первой свекровью и нашла ее чрезвычайно ослабевшей, видно было, что жить ей осталось недолго. Соседка Роза Филипповна, у которой Мили ночевала эти несколько дней, сказала, что дом Марфа переоформила на свое имя и чувствовала себя в нем полной хозяйкой.

Мили вернулась в Тбилиси. В маленькой комнате без всяких удобств было одиноко и трудно. За Нину она была спокойна, она знала, что Серго позаботится о ней. Он был, как бывают некоторые холостяки, очень аккуратным, даже педантичным человеком, близкие добродушно подшучивали над этой чертой его характера. Даже в это тяжелое время Серго оставался неисправимым оптимистом, он уверял, что этот ураган пронесется, и все выяснится, жизнь вернется в прежнюю колею, все невинно пострадавшие получают свободу и



продолжат начатое ими дело, все будет ясным и справедливым. Он не верил в то, что и его могут арестовать – ведь наверняка какая-то непонятная, немислимая ошибка была причиной того, что не только говорить о прежде известном, уважаемом человеке, но даже называть его фамилию становилось опасным. Так думал Серго. Остался ли он таким же оптимистом, свято верующим в торжество правды и тогда, когда, через несколько месяцев его самого забрали и он, как и миллионы других, стал жертвой этой самой «ошибки»? Квартиру его передали «достойному», вместе с обстановкой его и Мили, а Нина переехала к подруге до окончания школы. Обо всем этом Мили узнала не тогда же, а гораздо позже, так как ее собственная жизнь потерпела еще одно жестокое крушение.

В одно утро, далеко не прекрасное, Мили вызвали в милицию и отобрали паспорт. Человек без паспорта числится в списке неблагонадежных, даже опасных, он не находится под защитой закона и предается анафеме. Теперь совсем уже бессмысленно было искать работу, ей не доверили бы даже подметание улиц. Беспаспортная Мили обратилась в комиссариат внутренних дел с просьбой, чтобы ее принял сам комиссар, и хотя она не надеялась на благоприятный ответ – к ее большой радости, комиссар ее все таки принял. Войдя в кабинет, она с трепетом приблизилась к письменному столу и с удивлением услышала слова: «Садитесь, пожалуйста,» - сказанные нормальным человеческим голосом. Комиссар спросил, по какому делу она пришла. Она немного успокоилась и коротко рассказала о всех своих бедах. Комиссар слушал внимательно и, как Мили казалось, даже сочувственно. Узнав, что у нее отобрали паспорт, он обещал, что ей его вернут, и правда – вернули. Передавая паспорт Мили, он сказал, что было бы лучше, если бы она уехала на год куда-нибудь подальше, в деревню. Он подошел к большой карте Грузии, висевшей на стене его кабинета, карандашом указал какое-то место:

- Вот хотя бы сюда. Это Сванетия, уезжайте сегодня же, это мой добрый совет вам. Никому из близких не пишите, живите спокойно, работу там найдете. Через год вернетесь и увидите, что все будет хорошо.

Совет был дан от доброй души, но Мили не последовала ему и впоследствии горько об этом пожалела. Тогда ей казалось, что она не сможет прожить одна целый год в далеком и чуждом ей горном

селении, не сможет заработать себе на хлеб. Она даже представить себе не могла, что совсем уже близко то время, когда она впервые попробует уготованный ей скудный, горький казенный хлеб и будет есть его долгие тяжкие годы.

## 9. КАЗЕННЫЙ ХЛЕБ

День 18-го октября 1937-го года был жарким. Летнее платье – и то казалось слишком теплым на дневном солнце. С самого утра Мили ходила по своим важным делам. Ей удалось продать кое-что из своей одежды, она отправила деньги Нине в Москву, оставив себе только на однодневное пропитание, но на душе она чувствовала облегчение. Она вспомнила, как ее дорогая тетя Марге, которую она любила как свою родную мать, отвечала ей на вопрос о том, что они будут делать завтра: «Давай доживем этот день до вечера, а у завтрашнего дня будут свои заботы». Возвращаясь домой, Мили остановилась у подъезда старшей сестры Андро. В это время на балконе второго этажа появился ее сын Нодар, мальчик лет десяти, и пригласил тетю подняться к ним. Мили поднялась, золовка встретила ее радушно, сварила кофе, чему та очень обрадовалась, так как давно уже не имела возможности покупать кофе. Сидя за столом, Мили перебирала кольца на своих пальцах и как-то ни о чем особенно не думая, сняла их, сняла наручные часы и брошку с гранатами. Потом ее пальцы непроизвольно открыли замочек золотой цепочки, на которой висела маленькая золотая лягушка с изумрудными глазами. Некоторое время она держала лягушку на ладони, и ей казалось, что изумрудные глаза смотрят на нее с упреком, и она мысленно сказала ей: «Прости, так нужно,» - и положила ее на стол вместе с кольцами, брошкой и часами.

-Если я исчезну, - сказала она золовке, - отдай все это Нине вместе с теми вещами, что я принесла тебе раньше. Золовка обещала все сберечь и произнесла несколько ободряющих слов, которые никак не подействовали на Мили.

После знойного дня наступил душный вечер, один из тех, когда Мили чувствовала себя особенно одинокой. Она выпила чай, но убрать хлеб и сыр со стола поленилась и оставила все на столе. Мысли ее блуждали где-то в прежней ее жизни. Детство казалось таким далеким, словно его никогда и не было. Вспоминались близкие люди в Оулу и Хельсинки и снова с особенной ясностью вспомнилась Ханна, старшая дочь тети Марге, которая, рассердившись на Мили, сказала ей слова проклятия, ею самой, конечно, забытые, но которые

Мили приходилось вспоминать снова и снова.

Послышался осторожный стук в дверь. Соседка с нижнего этажа принесла Мили письмо, которое почтальон оставил ей утром, когда Мили не было дома. Мили поблагодарила и предложила женщине войти. Та, хоть и относилась к Мили доброжелательно, войти отказалась. Мили поняла причину и даже не обиделась, так как знала, что все население Советского Союза было с некоторыми пор разделено на «чистых» и «нечистых», хотя любой, считавший себя самым чистым из чистых, мог, проснувшись утром, обнаружить себя по другую сторону разделительной черты. Письмо было из Америки от старшего брата Джона. Когда Мили открыла конверт, на пол упала маленькая газетная вырезка. Это было объявление о смерти. Мили не хотела верить своим глазам, она читала и перечитывала короткий текст, но слова его от этого не менялись: «Анна Кристина Эскури». Мама, милая мама, которая скончалась уже много месяцев тому назад.

Вырезанное из газеты объявление успело побывать в Америке, и уже оттуда было послано в Грузию. Разве дорога из Финляндии в Грузию не была бы короче? А может быть, сестры и брат Паули не хотели сами нанести ей этот страшный удар? Но горе всегда останется горем, приходит ли известие рано или поздно. В тишине душевной ночи Мили плакала тяжелыми слезами, перечитывая письмо, присланное любимцем матери с другой половины планеты.

Стрелки часов двигались и двигались все глубже в ночь, но Мили не могла уснуть. Окно было открыто, магнолия, росшая перед окном, наполняла комнату запахом своих белоснежных цветов. Цикады исполняли ночные серенады в густой листве. Мили молилась и просила у мамы прощения за всю печаль, которую она ей принесла.

На улице остановилась машина, дверца хлопнула, на лестнице раздались шаги. В дверь постучали так громко, что разбудили бы и мертвого. Напрасно было такое старание – Мили не спала. Она даже не спросила, кто там – все было ясно, надела халат и открыла дверь. Трое мужчин в форме вошли в комнату. Один из них спросил, почему она открыла дверь так свободно, ничего не спрашивая, или, может быть, ждала ночного посетителя? Стоило ли отвечать? Один из троих передал ей бумагу, но она знала ее содержание, не читая.

Трое среди ночи – никакого сомнения нет. Она только взглянула на подпись и число. Подпись была комиссара внутренних дел, а число 12-ое октября. Почему же столько медлили? И снова началось раскапывание в комнате, но теперь это заняло немного времени. В портфель полетело письмо, полученное несколько часов тому назад, письмо от Нины и Симоники. И вдруг один из них увидел открытую книгу на кровати у Мили, он взял ее в руки – словно бы обжегся:

- Разве вы не знаете, что это запрещенная литература? Как она могла сохраниться? Разве при обыске ее не заметили? А может, вы сумели ее спрятать, хранили тайно? Это был томик Есенина, его красивые стихи, любимые стихи Мили. - Томик утонул в портфеле вместе с письмами, такой же крамольный, как и они. В протоколе зафиксировали, что было изъято письмо из Америки и запрещенная книга. Что там еще было написано – Мили не поинтересовалась. Ей приказали одеться. Она попросила мужчин выйти, но это, оказывается, было запрещено. Она в ярости стала одеваться нарочито нагло – пусть смотрят! Но тот, который был главным, приказал двоим удалиться, а сам повернулся к Мили спиной. Когда арестованная заявила, что она одета, он с удивлением взглянул на нее и потом сказал:

- Послушайте, мы вас возедем в тюрьму, а не на выставку мод! Наденьте что-нибудь похуже.

- Хуже у меня нету, это не парадный костюм, или надо кому-нибудь оставить что получше?

Человек усмехнулся, но ничего грубого не сказал.

- У вас есть чемодан? Сложите туда самое необходимое.

- Какой чемодан? Я же не собираюсь никуда уезжать! - Как молния, мелькнули в памяти слова цыганки: «Не хочешь ехать, но уедешь.»

Человек вытащил из-под кровати небольшой чемодан, снял с кровати простыни и сложил в него, из шкафа достал полотенце, носовые платки, что-то еще поискал, но не нашел и спросил:

- Где теплое белье? Здесь только шелковое.

- Другого нету. Он увидел сундук, открыл, покопался в нем и вытащил теплое белье Андро, теплые носки, свитер и положил все в чемодан. Слабая надежда шевельнулась у Мили в сердце:

- Что, поедем к моему мужу?

- Не знаю, все возможно. – Туда же, в чемодан он положил мыло, зубную щетку, ложку и чашку, и туда же попала коробка папирос и спички.

- Заверните хлеб, сыр, сахар и возьмите с собой, - посоветовал он.

- А на что это мне, зачем мне нужна еда? – В этот момент Мили казалось, что ей уже никогда не захочется есть. Но доброжелательный человек завернул все это в бумагу и положил в чемодан. Затем он скрутил тюфяк, одеяло, подушку и перевязал все веревкой.

- Это все вам понадобится, - сказал категорическим тоном и не обратил никакого внимания на протесты Мили. – Неужели вы думаете, что вас везут в отель «Ориант»? Вы меня помянете добрым словом.

Вышли, на дверь наложили печать. В этот момент Мили поблагодарила Бога, что она жила одна и никого не оставляла за запертой дверью. Трое мужчин и Мили сели в машину. Двое их этих людей были армяне, один грузин, и они говорили то по-грузински, то по-армянски. Машина была не в порядке, она трещала и болталась, как ящик с утильсырьем. Сколько времени ехали – Мили не осознавала, это теперь не имело значения. Наконец, драндулет остановился. В ночной тишине Мили слышала, как тяжелые ворота заскрипели на петлях и открылись. Машина опять тронулась с места, и Мили услышала страшный лязг железа, который свидетельствовал о том, что еще одна жертва тщательно упрятана. Машина остановилась на сей раз у каких-то дверей. Мерцающая лампа тускло осветила предохраняющую их железную решетку. В небольшой комнате пахло скверным табаком и затхлостью. За маленьким столом с лежащей на нем большой книгой сидел человек в форме, очевидно, тюремный надзиратель. Несколько женщин стояло в комнате, как будто в очереди.

Провожатый передал человеку за столом бумагу. В большой книге увековечили имя, фамилию и другие данные Мили. Самым отвратительным в этой церемонии было то, что кому-то на память здесь нужно было оставить отпечатки пальцев. Черная смола была такой липкой, что ее никак нельзя было очистить, да и чистить было нечем, кроме собственного носового платка. Все остальные находящиеся в комнате женщины были заняты этим же делом,

сосредоточенно оттирая со своих пальцев то, что с них не сходило. Вдруг дверь, перед которой стояла эта очередь, открылась и оттуда вышла женщина, а мужской голос из комнаты выкрикнул: «Следующая!» Пришла очередь и Мили, и ее сфотографировали в профиль и анфас. Фотограф был в хорошем настроении. Воздух в комнате был ужасающий – смесь перегара, табака и пота. Этот специалист своего дела обещал вместо обоев оклеить комнату фотографиями красивых женщин. Из этого фотосалона нужно было пройти через другие двери в соседнее помещение, где отвратительная, жирная, грязная баба приказывала раздеться донага и производила подробнейший осмотр женского тела. Мили пыталась протестовать, но та заявила, что это бесполезно – она за эту ночь осмотрела сотни женщин и должна осмотреть еще столько же. Она тщательно проверила все белье и долго держала в руках эти шелковые с кружевами вещи, а потом сказала: «Такое приличная женщина, порядочная жена и мать, никогда не наденет.» Из приемной комнаты женщины, прошедшие осмотр и фотографирование, уже исчезли, и на их место пришли новые, испуганные, плачущие. Мили приказали взять вещи и следовать за вахтером. Она попыталась поднять их, но не смогла. Вахтер начал кричать, что здесь никто не будет ей прислуживать, но она не двинулась с места. Он с яростью схватил тюк с постелью, а новоиспеченная узница сама принесла свой чемодан. Отправились. Шли, шли по гулким коридорам, вверх по железным лестницам. Мили не считала этажей. Стены все были одинаково серыми, и такими же серыми были в них железные двери, и перед одной из таких дверей они остановились. Провожатый вручил бумаги другому вооруженному вахтеру, тот отпер железную дверь, которая со скрежетом отворилась, втолкнул туда Мили, бросил за ней чемодан и тюк, и с таким же скрежетом дверь захлопнулась. Ключ несколько раз повернулся в замке.

Мили стояла, не зная что делать, мозги ее словно застыли, в голове не было ни одной ясной мысли. В большой, ярко освещенной комнате находилось около десяти женщин, они сидели на двухъярусных деревянных нарах не группами, а одна – здесь, другая – там. Двое или трое уже, казалось, примирились со своей участью и раскладывали постель, как видно, собираясь лечь спать. Мили все стояла у закрытой железной двери, чувствуя себя неживой.

Какая-то невысокая, хрупкая с виду женщина приблизилась к ней. Воспринимая все окружающее, как нереальность, как сон, Мили увидела перед собой по-восточному красивое лицо, которое, казалось, явилось из сказок «Тысячи и одной ночи» - или это была Суламифь из Библии? Женщина, улыбаясь, что-то говорила приятным грудным голосом, но Мили слушала ее, не понимая.

- Попробуем вместе поднять твой матрас на нары, я уже приготовила себе там постель, а твою положим рядом с моей.

Мили пришла в себя, как бы проснувшись. Они вместе приготовили постель, и женщина назвала себя: «Мария или Маня Паниева».

Общая судьба соединила этих двух женщин – одну, родившуюся на севере, и другую, которая родилась в Персии, в богатой армянской семье. Когда Маня была еще ребенком, семья переехала в Тбилиси, и этот город стал ее родным. Эта внезапно вспыхнувшая дружба сохранилась без единой трещинки на долгие годы.

Не у всех находившихся в комнате женщин была постель или какие-либо другие вещи – многих хватало прямо на улице в легкой летней одежде, не было даже лишнего носового платка, не было ничего, что можно было бы постелить на сплошные голые нары. Количество багажа зависело во многом от того, с каким рвением «блустители закона» исполняли свой долг и сколько человечности оставалось у них в душе.

Дверь снова заскрипела, заскрежетала, и в камеру втолкнули женщину. Вид у нее был очень странный. Испанка, что ли? Ярко накрашенная, с глазами, как-то особенно подведенными, с зачесанными в испанскую прическу волосами, с локоном, приклеенным к щеке, с ярко-красной розой в прическе сбоку. Так не подходила она к этому окружению, и с выражением испуга на накрашенном лице казалось такой нелепой здесь, что несмотря на всю ужасающую обстановку, некоторые женщины даже засмеялись, а другие уставились на нее, как на приведение, а самой растерянной казалась сама новенькая. Охватившую всех тишину внезапно нарушила одна из женщин, которая вскочила с нар и бросилась с плачем обнимать «испанку». Этой «испанкой» оказалась молодая оперная певица Маро Хоперия, только что дебютировавшая в роли Кармен. Ее взяли прямо из артистической уборной и так спешили, что не позволили даже снять грим. Это тоже было, конечно, превышение



власти, хотя и незначительное, но растаптывающее человеческое достоинство – ее вырвали из успеха, цветов, аплодисментов и втокнули в тюремную камеру.

К утру камера была так переполнена, что на нарах едва хватало места для собственного локтя. Уже собралось восемьдесят женщин, но дверь все открывалась, впуская новых и новых. Ранее прибывшие уже поушмели. Новенькая котировалась по своей комплекции – чем она была тоньше, тем быстрее получала место на нарах, а поленькие долго стояли у двери – все делали вид, что не замечают, и ждали пока кто-нибудь другой пригласит их к себе.

Наступило утро, хотя в камере это не было заметно из-за щита на железной решетке, загораживавшего дневной свет.

Дверь открыли, десять человек из новоселов выпустили в коридор и повели в туалет, где за ними крепко заперли железную дверь. Это был «турецкий» туалет, с необходимыми приспособлениями на десять человек. Автоматически спускаемая ледяная вода каждые две минуты с силой хлестала по задкам, и новенькие выскакивали мокрые до пояса, с испуганными лицами. Там же было десять кранов для умывания. Те, у кого были с собой мыло, зубная щетка и полотенце, чувствовали себя богачками. Мыло переходило в общее пользование, край полотенца уступали соседке, но даже самые добрые не уступали зубной щетки. Были, впрочем, и такие, кто все эти вышеупомянутые предметы считали священной собственностью.

Когда утренний туалет был завершен – а это заняло немало времени, так как камер было много и в каждой находилось до ста женщин, принесли «завтрак», состоявший из несъедобного на вид черного хлеба. Дневальная раздавала паек и из огромного алюминиевого бидона разливала ковшом теплую воду под названием «чай». Иногда, в некоторые дни, эта вода оказывалась даже горячей. Собственная кружка считалась роскошью. Казенных кружек не хватало и приходилось пить чай по очереди. Сахар к этому не полагался. В первый день хлеб остался несъеденным и сразу же после завтрака был унесен вахтером. Времена меняются. Через неделю от этого хлеба ни крошки не оставалось. Два раза в день приносили похлебку из ячменной крупы или гороховой шелухи, иногда без всяких жиров, иногда с конопляным маслом, которое у

многих вызывало рвоту. За свой труд дневальная получала гущу со дна бидона и глотала свою награду вместе с упреками в том, что она нечестно раздавала порции, оставляя себе гущу.

Единственной роскошью у женщин здесь был табак, но приобрести его могли далеко не все, а только те, у кого случайно оказались с собой деньги. Табак покупали в тюремном ларьке. Если владелица табака была не скаредной, она делилась им с соседкой. Многие из тех, кто прежде не курил, сейчас начали курить. Разрешелось выкурить только три папиросы в день. Настоящим курильщикам этого, конечно, не хватало, но если бы это было единственным ограничением!

Все заключенные были строго изолированы от внешнего мира. Многие матери оставили своих детей за запертыми дверьми своего дома. «Кармен» оставила троих сыновей, старшему из которых было шесть лет, с больной матерью и слепым отцом. Одна из матерей задыхалась от избытка молока, оно жгло ей грудь, но еще больше ее жег страх за своего четырехмесячного ребенка, оставленного в люльке за запертой и опечатанной дверью ее квартиры. Рьяно исполняющие свои обязанности сотрудники НКВД обещали этой несчастной матери позаботиться о ребенке и устроить его в детский дом. Какое им было дело до ребенка государственных преступников – пусть плачет, пока не умрет!

Скоро в камере, где находилась Мили, собралось сто двадцать женщин, из которых лишь у троих не было детей, и еще у некоторых дети были старше четырнадцати лет.

Таких больших камер в этой огромной тюрьме было много десятков, может быть, сотни, и все были переполнены матерями, женами, дочерьми, сестрами, невестами. Рядом с Мили на нарах сидела девятнадцатилетняя новобрачная, которую вместе с молодым мужем взяли из-за свадебного стола и разлучили с ним, может быть навсегда, у тюремных ворот.

Возможно ли это? Неужели это все действительно случилось с ними? Как это все могло произойти? – такие мысли денно и ночью сверлили мозги несчастных узниц. Время ползло как улитка, и никаких вестей из «свободного мира» не поступало.

На стенах туалета можно было различить нацарапанные имена, попадались даже знакомые. Одна из женщин нашла фамилию своего

мужа. Иногда были написаны целые фразы и, хотя вахтеры старались все тщательно уничтожить, удалось однажды прочесть следующую надпись: « Жены, подписывайтесь подо всем, не давайте себя бить, конец все равно один.»

На допрос вызывали среди ночи, в алфавитном порядке. Одни возвращались довольно быстро, других же держали часами. Были и такие, которые уже не возвращались, и о них не было никаких известий. Некоторые попадали после допроса в больницу и, вернувшись оттуда через неделю или две, были неузнаваемы. Они не произносили ни одного слова, на вопросы не отвечали. С ужасом каждая ожидала своей очереди, ночью никому не спалось, а днем надо было спать тайком, так как дневной сон был запрещен. Нервы не выдерживали, начинались истерические припадки. Из всех заболеваний это было самым заразительным: одна начинала кричать душераздирающим голосом, другая подхватывала, и через мгновение к ним присоединялись десятки и сотни женщин. Стены дрожали.

Кто бы мог подумать, что интеллигентные женщины, воспитанные на стыке древней восточной культуры и западной цивилизации, могли так выть, орать и хохотать! Ужас охватывал тех немногих, кто сумел не поддаться этой страшной вспышке. Трудно было понять, где ты находишься – в сумасшедшем доме или в пещере с дикими зверьми! Вахтеры барабанили в железные двери, но ни один из них не осмеливался войти. Ни толстые каменные стены, ни прочные двери не могли сдержать эту ужасную душевную бурю, вырывающуюся из самой глубины сердец этих исстрадавшихся женщин, дикие вопли переносились из камеры в камеру, и скоро вся огромная пятиэтажная тюрьма выла, орала и бесновалась. Постепенно силы иссякали, и женщины, как скошенная трава падали на тюремные нары, где оставались лежать безвольными, слабыми, не в силах пошевелиться.

Такое извержение не обходилось без последствий. Начальник тюрьмы со своей свитой и с сознанием своего могущества входил в камеру, распространяя запах плохого одеколona в духоте этой женской обители. Дальше порога он, однако, ступить не осмеливался.

- Кто начал этот бунт?

Тишина.

- Вот здесь на стене вам большими буквами ясно написаны правила поведения заключенных. Кто дневальный? Обязанность дневального – прочесть все это вслух и следить за выполнением установленных правил. Дневальный несет ответственность за их нарушение. Кто дневальный?

Никто не отвечал.

- Ну что ж, если дневальный не отвечает, я могу наказать любого,- усмехнувшись, сказал начальник.

- Не надо никого наказывать, я дневальная, - ответила одна из женщин – Анико Цхакая, преподаватель русского языка и литературы в университете.

- Кто начал этот вой? – повторил начальник.

Тишина.

- Дневальная, кто начал?

- Все вместе, - ответила та.

- Отлично! На два дня – полпайка хлеба и кружка воды. В нужник запрещается. Вон в углу параша, выносить будете раз в сутки, по двое, в алфавитном порядке. Дневальной пять суток карцера. – Железная дверь, лязгнув, захлопнулась.

Поздно вечером Анико увели в карцер. Он находился в подвальном этаже, и когда заключенных водили в баню, они видели эти жуткие помещения, а некоторым уже удалось в них побывать. Узкая и низкая дверь, и, если входящий не успевал пригнуться, тут же ударялся лбом. Совершеннейшая тьма не давала разглядеть внутренность этого «кабинета». Мокрые липкие стены и низкий потолок обступали вошедшую со всех сторон, а ноги увязали в какойто вонючей жиже. Таких дверей было много по обеим сторонам узкого коридора, ведущего к бане, и каждая, проходя здесь, чувствовала как от одного их вида подкашиваются колени и волосы встают дыбом на голове. Это хождение в баню являлось еще одной унижительной процедурой, еще одним издевательством над людьми. Тот, кто имел матрац, одеяло, подушку, должен был тащить их с четвертого этажа в подвал и сдавать в дезинфекционную камеру. По выходе из бани получали все это насквозь мокрым и с сильным запахом лизола. Приходилось сушить все собственным телом до следующей бани. Всю одежду и белье также сдавали в дезинфекцию и получали обратно общей кучей, мокрой и вонючей.

Разобрать, что кому принадлежало, было невозможно. Устраивали «аукцион»: кто-нибудь доставал из кучи какую-то вещь и кричал: «Чье это?» Эта предбанная раздевалка была, наверное, после карцера самым холодным помещением в тюрьме. Окна на уровне земли были с решетками, но без стекол, и напоминали злые ощерившиеся рты. Может быть, здесь не хватало женщин – вахтеров, или же это делалось для большего унижения несчастных узниц, но в раздевалке и в бане дежурили вооруженные мужчины. Неужели начальство боялось, что женщины в костюме Евы выскочат через решетку и пойдут разгуливать по тюремной территории? Да и выбраться отсюда могла разве что птица!

В этой тюрьме содержались и уголовники. Когда женщин вели по коридорам в баню и обратно, то через решетчатые окошки в дверях камер уголовники, смеясь, кричали: «Эй, вон липа-контриков ведут!»

Наконец, женщины возвращались в свое «жилище». Как душливый газ, бил в нос запах лизола. Все было залито вонючим раствором, нары были мокрые, по полу растекались лужи. К счастью, площадь свободного пола занимала не более квадратного метра перед самой дверью.

Хождение в баню, допросы, врачебный осмотр – все это были мероприятия ночного порядка. В два или в три часа ночи стук в дверь возвещал о том, что предстоит что-то. Но самым страшным был раздражающий уши звук гудка среди ночи, после чего моментально открывались железные двери и входили вооруженные надзиратели. Обыск. Какие запретные вещи могли оказаться в камере при такой герметизации? Ведь при входе в тюрьму всех уже тщательно обыскали и все «лишнее» отобрали!

Чтобы выдержать эти ночные бдения днем спали по очереди и бодрствующие прикрывали своими спинами спящих.

Место для каждого было строго нормировано: три доски на душу. Чтобы лучше использовать эти три доски, укладывались на бок «валетом», с вытянутыми ногами. Спать на спине никому не удавалось, а согнуть ноги считалось высшим преступлением перед всем обществом. Постепенно приспособились к порядку «сельди в бочке» с той только разницей, что сельди не надо было переворачиваться с боку на бок, а здесь дежурная дважды за ночь

давала команду: «На другой бок!» - живые селедки поворачивались – кто молча, кто с ворчанием, кто охая от болей в суставах, за что получали от соседей замечание за плохое поведение.

- Ты же видишь, что ты заняла у меня полдоски! – и обращаясь ко всему обществу, - посмотрите, какая наглость!

Вызовы на допросы заставляли бодрствовать всех тех, чьи фамилии начинались на дежурную букву. Вопросы на этих «дознаниях» были стандартными, отпечатанными на пронумерованных листах, но каждый следователь мог добавлять и усложнять их, всячески стараясь довести женщину до крайнего смятения, и в таком состоянии нередко давали ответы, в которых при большом желании можно было усмотреть преступление.

Дошла очередь и до Мили. Она шагала по длинному коридору и высокие каблучки ее туфель стучали по цементному полу в такт с ее сердцем. Ей казалось, что она проходила километры и километры. Наконец, конвойный остановился у двери, обитой войлоком и дермантином. Таких дверей было здесь много.

Когда Мили переступила порог этой комнаты, сердце ее рванулось прямо к горлу, в висках стучало, шумело в ушах. Она прижала к ушам ладони, чтобы заглушить этот шум, но он не унимался. За столом сидел мужчина в форме, с виду нормальный человек, каких обычно встречаешь на улице, кто сидит рядом с тобой в театре, уступает тебе место в переполненном автобусе. Мили попыталась подчинить рассудку свои мысли, бьющиеся у нее в голове, как испуганные птицы в силке: «Почему я должна бояться? Нет причины, не надо так напрягать нервы, надо расслабиться, не терять разум!» - уговаривала она себя. Мужчина предложил ей сесть, не отрывая взгляда от бумаг на столе. Мили обвела взглядом комнату – обычный деловой кабинет. Она вздохнула свободней и тут услышала свою фамилию. Следователь смотрел прямо в глаза Мили. Знакомое лицо – это тот, кто доставил ее сюда. Начался допрос.

Когда она ответила на все стандартные вопросы, следователь объявил, что она обвиняется по той же 58-ой статье, что и ее муж, но не по всем ее пунктам.

- Я не могу понять, о чем речь, я никогда не совершала ничего такого, что было бы против советских законов!

- Да, я охотно верю, что сами вы не совершили никакого преступления против Советского Союза и его народа, но вам было известно, что ваш муж причастен к антисоветской деятельности. Как честная гражданка, вы должны были сообщить об этом в НКВД. Если бы вы это сделали, вы бы избавили себя от многих неприятностей, - объяснил ей человек за маленьким столом.

Ярость горячей волной поднялась в Мили. То спокойное состояние, в которое она с трудом привела себя, исчезло, но исчез также и страх. Почти крича, она заявила, что она не знала ничего такого, о чем нужно было куда-то сообщать. Ее муж был безвинно осужден, и какие бы мучения ей не пришлось пережить, она все равно будет уверена в его невиновности!

Следователь записал все это в протокол, предложил Мили папиросу и попросил успокоиться. В голосе его не было никакой угрозы. Он задал еще несколько вопросов, касающихся родины Мили и ее национальности.

- Значит, там красивая природа и белые ночи летом? Как странно, не верится. – Похоже было, что следователь забыл всю важность своего положения. Он взглянул на часы и заметил, что на сей раз довольно, пора спать. Тогда Мили спросила его, скоро ли она вернется домой и когда получит известие о дочери?

- Ничего не могу сказать. Я передаю дело «тройке», которая будет решать, - и добавил, - ваш приговор вам сообщат.

- Какой приговор, я ведь ни в чем не виновата, это невозможно!

- Это возможно, и вы не единственная. – Он нажал какую-то кнопку, дверь открылась и конвойный повел ее обратно по гулкому коридору, а в ушах ее звучало: «Приговор вам сообщат.»

Деликатный диалог между следователем и «государственным преступником» не остался единственным. Вскоре ее вызвали снова и тоже, конечно, ночью. Почти все уже спали. Мили не поняла со сна, кто ее зовет, куда, почему, с вещами или без вещей? Вахтер уже несколько раз окликнул ее, грубо и громко бранясь: «Оглохла, что ли? – кричал он со злобой. Наконец, Мили, перешагивая через лежащих, дошла до двери, но как она очутилась в комнате, где за столом ждал ее сердитого вида человек, она не помнила.

- Ты что думаешь, мне тут из-за тебя до утра не спать?

- Но меня уже допрашивали, зачем же опять?

Сердитый человек рассмеялся:

- Если будешь отвечать правду, то это будет последний допрос, а будешь врать... Там видно будет. Не забывай, что у тебя есть дочь, почти совершеннолетняя. В ее возрасте не очень приятно будет оказаться здесь. От нее мы все равно узнаем правду, лучше отвечай, как надо, чтобы помочь ей.

И началось уже знакомое: « В пользу какой страны? Какое получал вознаграждение? Каким вредительством занимался? – и много других ужасных вопросов. Мили молчала, но ей было страшно. Человек рассвирепел, он кричал, вскакивал со своего места, пил воду, подходил к ней и снова кричал ей прямо в лицо. Мили уже ничего не понимала и не могла думать о том, что ее, возможно, ожидает что-то еще более страшное, чем этот допрос. Наконец, как будто откуда-то издалека, до нее донеслись слова: « Ну иди, иди, сволочь такая! Но ты меня еще узнаешь! Увести ее в камеру!»

Маня ждала возвращения Мили. Она ни о чем не спросила ее и посоветовала уснуть. Ее сердечность согревала душу, но тело сотрясала дрожь, зубы стучали то ли от холода, то ли от пережитого напряжения.

Страшная железная дверь опять загремела и в камеру ввели старую седую женщину. Маня и Мили позвали ее к себе. Новая ночная пришелица была в летнем пальто, шелковая косынка упала ей на плечи. У нее не было с собой никакого имущества, даже полотенца. Женщины поместили ее между собой. Бедняжка была совершенно вне себя., не могла понять, куда она попала, и все время повторяла, что она не может здесь оставаться, так как у нее диабет и она должна питаться строго по часам, а здесь это невозможно, здесь нет часов. Почему же тут так много женщин? Она раньше никогда не видела такого, ее нужно немедленно выпустить отсюда.

Мили и Маня старались успокоить ее, объяснить, где она находится и что ее, возможно, и выпустят, но не очень скоро. Труднее всего было объяснить ей, почему все эти женщины находятся в тюрьме. Неужели все они преступницы, даже Мили и Маня? Что касается ее самой, она ничего такого не сделала, за что ее можно было бы посадить в тюрьму. Она искренне верила, что ее сейчас выпустят. На вопрос, был ли ее муж арестован, она ответила, что он



умер уже давно, но сына арестовали месяц тому назад. Все женщины уже все поняли, только Федосии Самсоновне было неясно.

Ноябрьский дождь стучал по железным щитам на окнах. Капли были тяжелыми, как град, выл ветер и железные щиты гремели, ударяясь о решетки. Никто не спал. В такую ненастную осеннюю ночь все вспоминали свой дом, своих близких. Боль давила грудь – что с детьми? Где они в такую ночь, что с ними? Может быть, они не могут уснуть без поцелуя матери, страдают – почему ушел отец, почему мама оставила их или она говорила неправду, уверяя, что любит своего сына или дочь? Неужели мама не чувствует, что дитя плачет?

Дверь завывала на своих петлях и захлопнулась. Две насквозь мокрые женщины появились в камере.

- Хатуна! Маруня! – закричала одна из обитательниц камеры. Она вскочила со своего места и, перешагивая через других, подбежала к вошедшим, обнимала их и тащила к своему месту.

Новоприбывшие были уже ветеранами. В течение многих месяцев они находились во внутренней тюрьме НКВД, где их постоянно допрашивали. Старшая из них, Хатуна, женщина средних лет, была известной актрисой Тбилисского театра им. Шота Руставели. Она была урожденной княжной Чичинадзе, замужем за членом компартии Георгием Курулашвили. Андро и Мили были знакомы с этой супружеской парой. Мили долго смотрела на Хатуну – знакомая, но как удивительно изменилась! Нет, не это удивительно – удивительно, как она выдержала!

Другая женщина, совсем молодая, Маруня Макашвили, встретила здесь близкую родственницу, Сиран, жену своего деверя, Левана Агиашвили, ректора Тбилисского университета. Женщины с плачем обняли друг друга, хотя прежде не были особенно близки. Попав из внутренней тюрьмы в обычную, Хатуна и Маруня были счастливы. Бывают такие ситуации в жизни, выбравшись из которых живым, можешь сказать: «Я счастлив». Но счастье этих женщин было коротким.

Через несколько ночей вновь заскрежетала дверь, и в камеру вошла маленькая полная женщина в мокром кожаном пальто, черные мокрые волосы падали ей на плечи, черные пронизывающие глаза охватывали своим взглядом всех сразу. Странно, что в этих

глазах не было ни страха, ни вопроса, женщина просто стояла перед закрывшейся дверью, вероятно, ожидая, что кто-то позовет ее и устроит рядом с собой.

Но случилось совершенно неожиданное. Увидев эту женщину, Хатуна закричала как дикий зверь перед смертью и потеряла сознание. Маруня вскочила и, не замечая, куда ступает, бросилась к дверям, глаза ее блестели как у нападающей тигрицы. Новоприбывшая начала колотить в дверь руками и ногами и теперь в ее глазах появился ужас. Она барабанила с такой силой, что железная дверь сотрясалась. Почему ее охватил такой дикий страх?

Охранник открыл дверь, но Маруня уже успела подскочить к женщине и, схватив ее за волосы, начала тянуть ее голову назад. Охранник с трудом вырвал женщину из цепких рук Маруни и, вытолкнув ее в коридор, захлопнул дверь. Никто не понял, что случилось, почему Хатуна потеряла сознание, почему Маруня превратилась в дикого зверя, почему женщину сразу выпустили?

Наконец, Хатуна пришла в себя. Дрожащим голосом она рассказала, что эта ночная «гостья», следовательно, избивала женщин на допросах, делая это со страстью садиста. Она исхлестала обнаженную Хатуну кожаным ремнем, и после этого истекающая кровью, в бессознательном состоянии Хатуна была брошена на пол камеры, где уже находилось несколько женщин, истерзанных той же профессиональной рукой. Некоторые ожидали нового допроса со смертельным страхом в глазах. В общую камеру эта женщина пришла, очевидно, как провокатор, но в своем служебном рвении не рассчитала, что может встретиться здесь со своими жертвами.

Маруня старалась, как могла, утешить подругу, но что можно было сделать? Даже ласковые слова не могли принести облегчения этому истерзанному телу и еще более истерзанной душе.

Вздохи и тихий плач до утра нарушал тишину этой ночи. Более ста женщин переживали за судьбу своей подруги, но у каждой была мысль о том, что то же самое может случиться и с ней. Как это возможно, думала Мили, что честный гражданин теряет и свободу, и доброе имя, и право защищать себя и своих детей, и право называться человеком? Неужели закон не должен защищать его? Неужели можно отнять у человека все, разрушить его семью и развеять ее по ветру, как сухую траву? Даже твое собственное тело не принадлежит

тебе больше, если ты попадешь во власть ничтожества, жаждущего сломить тебя духовно и физически, упивающегося твоими криками, страданиями и твоим унижением!

После этой ночи Хатуну и Маруню увели из камеры и никто не знал – куда. Через неделю или больше стало известно, что Хатуна умерла от побоев. Она не была единственной, чья жизнь так окончилась в тюрьме. В камере с Мили была молодая беременная женщина, грузинка, у которой после того, как ее избили на допросе, начались преждевременные роды. Она скончалась в тюремной больнице. Доходили вести и о других тюремных трагедиях.

Персидская пословица гласит: «Если бы горе дымил, мир бы почернел.» От Альфы до Омеги были пройдены все пункты обвинений, и женщины могли убедиться только в том, что они беспомощны и беззащитны. Обвинения обрушивались лавиной, уничтожая тебя как человека, и не было никакой возможности защититься от них. Жизнь людей в тюрьме стала походить на жизнь летучих мышей: сутки измерялись от ночи до ночи, если что-то должно было случиться, это случалось ночью, дни не считались.

Становились в очередь у железных дверей – конечно, в алфавитном порядке, а что получают – приговор. В коридоре стоял маленький столик, за которым сидел судья при всех своих регалиях. Справа и слева от него стояла вооруженная охрана – надо было быть осторожным, чтобы какая-нибудь бледная, худая, голодная, полуживая женщина вдруг не набросилась на уважаемого судью. На столе лежала кипа маленьких бумажек, похожих на посылочные квитанции. Первые женщины возвращались в камеру через две-три минуты. На немые вопросы ожидающих свою очередь отвечали: «Восемь лет исправительно-трудовых лагерей строгой изоляции.» У Мили на бумажке было написано то же самое. Восемь лет оказались стандартом. Только две или три получили пятилетний срок, но в действительности, эти пять лет превратились в те же восемь. Как ни странно, никто не плакал. На вопрос Мани Мили ответила: «Восемь, Фортуна дала мне по заднице, будем вместе.»

Кто мог бы поверить год или два назад, что человек, ни в чем не повинный, будет наказан и так жестоко!

Постепенно, до невозможности натянутые нервы стали понемногу расслабляться – по крайней мере, уже не нужно было

бояться допросов. А может быть, все это – кем-то придуманная злая шутка, и в один прекрасный день всех выпустят и у ворот скажут: «Извините, пожалуйста, мы ошиблись!» Но этот маленький квиток в руках, это обвинительное заключение было твердой гарантией того, что высшим правосудием дело доведено до конца.

Расслабление нервной системы было временным, но большинство старалось воспользоваться этим, почувствовать хоть какой-то, хоть относительный покой. Мили вспоминала свои последние встречи с Андро. Тогда ей казалось невероятным, что человек, перенесший все ужасы внутренней тюрьмы НКВД, переживший ожидание смертного приговора и, наконец, приговоренный к двадцати пяти годам тюремного заключения, мог выглядеть таким спокойным и давать ей советы недрогнувшим голосом.

Женщины испытывали постоянную тревогу за судьбу своих детей, и мысли как горячие угли жгли душу. Кто будет отвечать за их будущее, неужели они повторят судьбу тех, кто остался сиротами после революции? Об этих, потерявших родителей детях, заботилось государство, о них заботились Надежда Крупская, Мария Ульянова, Макаренко. А кто позаботится о детях, чьи родители «враги народа»? Кто проявит к ним сочувствие? Ведь были случаи, когда сердобольные люди, считавшие своим человеческим долгом помочь этим детям, сами оказывались в тюрьме за сочувствие к «врагам».

Советский Союз – страна огромная, и в голове у Мили возникали цифры, которые складывались в миллионы. Была ли возможность учесть, сколько детей блуждало по стране из детдома в детдом, сколько грудников осталось без матерей и какова их судьба?

Новое напряжение охватило всех. Куда вышлют на восемь лет и когда?

Проходили дни и ночи, старый год сменился новым – жаль, что годы не пролетают по несколько сразу, а тянутся один за другим. Новый 1938-ой год тюремной однообразной жизни дошел до февраля, когда железная дверь в камеру открылась, и сам начальник тюрьмы крикнул в камеру: «Собирай вещи, отправление!» - и дверь захлопнулась со страшным лязгом.

Скудный свет зимнего утра с трудом проникал сквозь решетчатые окна. По ту сторону этих решеток оставалось все то, что больше не принадлежало ни грузинкам, ни армянкам, ни русским, ни еврейкам

и ни одной- единственной финке. Молча собирали женщины свои вещи – у кого что было, у большинства же не было ничего. Летние платья у многих превратились в лохмотья, туфли истрепались. Тем, кто был в одних лохмотьях, давали старую вонючую телогрейку. Жалкий вид, но к нему надо было привыкнуть, а прошло совсем немного времени, и все оказалось под одной ужасной скорлупой.

Свежий воздух раннего февральского утра наполнял затхлые легкие несчастных узниц, он действовал как наркотик, и многие теряли сознание. Мили боролась с головокружением и тошнотой, стараясь не упасть. Вещи погрузили на грузовики, ни у кого не было сил думать о своем имуществе. Да и к чему оно, ведь жизнь кончается. Все ушло – семья, дом, свобода.

Массивные железные ворота тюрьмы со скрежетом открывались. Несколько тысяч изнуренных, спотыкающихся женщин тащились по заснеженному коридору, образованному двумя рядами вооруженной охраны. Длинный ряд грузовиков на улице ожидал своих пассажиров. Конная милиция отгораживала заключенных от толпы, собравшейся около тюрьмы. Слышны были угрожающие окрики, плач детей, слышно было, как из толпы выкрикивали имена – «Тамрико! Маро!» - и много других имен. Ночь была беззвездная, большие снежные хлопья мягко падали, окутывая прозрачной пеленой темную толпу узниц, превращая их в белые дрожащие привидения, стоящие на месте в ожидании новых приказов. Конная милиция была начеку, плетки свистели, и звук их далеко разносился в снежной тишине утра. Кто-то из женщин услышал свое имя, выкрикнутое родным голосом, но не было сил ответить, а если кто и пытался, то тут же чувствовал дуло ружья в спину. Ни в одном языке невозможно найти слова, которые могли бы выразить чувства этих человеческих теней, несчастных, продрогших, которых теперь заталкивали в эти страшные открытые грузовики. Те, кто держались на ногах, могли видеть через головы конной милиции большую толпу собравшихся здесь людей. Там были дети, старики; дети с плачем звали матерей, матери и отцы звали дочерей. Глубокая боль человека, безнадежный зов – все это терялось в снегопаде, окриках стражников, ржаньи лошадей. Мили не знала, что в этой толпе была и ее дочь, которая вместе с другими влезла на перекладыны деревянного забора, окружавшего строения у тюрьмы, чтобы

уберечься от ударов плетей, которыми милиция оттирала толпу от грузовиков. В толпе и в грузовиках бились в истерике, теряли сознание. Это была тайная эвакуация заключенных, но сведения о ней все же проникли сквозь тюремные стены, и близкие пришли к воротам тюрьмы в надежде увидеть своих дорогих и передать им хоть что-то необходимое в этот неизвестный путь. Напрасная надежда! Не пришлось попрощаться, осталась только страшная душевная боль – пройдет ли она когда-нибудь? Будет ли жизнь еще продолжаться?

## 10. В ТЕМНЯКОВСКИХ ЛАГЕРЯХ МОРДОВИИ

Холодное снежное покрывало окутало всех этих женщин, потерявших свое прошлое и ничего не ждущих от будущего. Машины тронулись, и толпа бросилась им вслед. Послышались выстрелы, особенно яростно засвистели плетки. Конная милиция сопровождала грузовики с обеих сторон. Напрасный труд – разве кто-нибудь из этих узниц был в состоянии выпрыгнуть из машины на ходу? А если бы какая-нибудь обезумевшая от горя женщина и сделала бы это, то тут же раздался бы выстрел, и несчастная осталась бы лежать на снегу.

Крики и плач оставшихся родных все отдалялись и скоро ничего не было слышно, кроме грохота грузовиков, гудков и диких окриков охранников. Ехали по незнакомым улицам. Город кончился, машины двигались дальше, увозя свой живой груз – куда? Навстречу какому будущему? И есть ли оно, вообще? Может быть, будущее – это кусочек свинца, полученный в голову в отдаленном, никому не знакомом месте, а затем – общая яма, куда свалят всех вместе с номером от единицы до четырехзначного числа – и тех, кто переживал лишь весну своей жизни, и тех, кто находился в расцвете ее лета, и тех, кого успела уже посеребрить осенняя седина?

Наконец, машины остановились. Что за место? Какой-то заброшенный железнодорожный полустанок и длинный товарный состав на рельсах – значит, куда-то везут. Снова крики охраны, и женщины в алфавитном порядке стали заполнять вагоны. Мили и Маня были «счастливы», что оказались в одном вагоне и с ними Федосия Самсоновна. Она страдала больше всех, диабет терзал ее исхудавшее до изнеможения тело, и ни у кого не было уже лишней крошки хлеба, чтобы уступить ей.

Вагоны были, наконец, загружены, забиты до отказа полуживыми, никому уже не нужными существами. Слышно было, как снаружи на двери накинули железные перекладины, лязгнул замок. «Сейфы» были готовы к отправке. Поезд тронулся.

Жизнь продолжается, если ты очень этого хочешь и если можешь приспособиться к таким условиям жизни, которые при

самых минимальных запросах кажутся совершенно невыносимыми.

Сплошные трехъярусные нары были устроены по обе стороны вагона, предназначенного для перевозки скота. От многолетнего использования в нем сохранялся сильный запах навоза. Холод яростно кусал всех этих не по-зимнему одетых женщин. Посреди вагона находилось какое-то удивительное железное устройство, которое должно было, по-видимому, обогревать его. Там же стоял ящик, наполненный черным песком – каким-то горючим, должно быть, но оно отказывалось гореть и не хотело даже дымить. Невероятная теснота в вагоне давала возможность прижавшимся друг другу пассажирам этого ужасного морозильника хоть немного согреться. Хуже всего приходилось тем, кто должен был спать у самой стенки. Менялись местами, так что всем довелось испытать этот кошмар. Только старые, в возрасте Федосии Самсоновны, имели свое постоянное место. Стены были покрыты льдом. Если бы Мили раньше сказали, что ее волосы могут примерзнуть к стене, она бы не поверила.

Три раза в день приносили в бидонах теплую воду – «чай» и если эта жидкость оказывалась горячей, то все были довольны. До отправки им выдали пятидневный сухой паек, состоящий из черного хлеба, соленой рыбы, жесткой как камень, и крупы под неизвестным названием, очень скоро окрещенной «шрапнелью». От нее, однако, не было никакого проку – даже самые голодные не могли ее разжевать, а воды для варки не было, так же как не было ни огня, ни посуды, в чем ее можно было бы сварить. Хлеб и рыба замерзали, превращаясь в лед, и не было ничего, чем их можно было бы разбить. Те, у кого были крепкие зубы, могли еще кое-как отгрызть хоть что-то, но вскоре женщины придумали другой способ: со стуком разбивали хлеб и рыбу о край железной печки, крошки летели на грязный пол, но подбирались все до последней крупинки, и все отправлялось в рот.

Когда едят соленую рыбу, хоть немного, то хочется пить. Кружки же для питья отбирались сразу после «чаепития», а следующего надо было ожидать часами, иногда и напрасно. Жажда была нестерпимой. Поезд останавливался иногда в каком-нибудь безымянном месте, но не на станции, и охранник, если он еще имел сердце, открывал двери и забрасывал снег прямо в вагон на



пол. Замерзшими руками каждая старалась запихать себе в рот как можно больше снега. Федосия Самсоновна была уже не в состоянии сама собирать снег, для нее собирали его в кружку и маленькими шариками клали на ее пересохший язык.

Пока человек жив, физиология его организма действует, не считаясь с обстоятельствами. Кишечник и почки продолжали, хотя и не нормально, функционировать, но это и было самым ужасным – освобождение организма от шлаков. Никаких приспособлений для этого не было. Перед отправкой из Тбилиси в вагон поставили стопку глиняных тарелок, которые не пришлось использовать по прямому назначению, так как класть в них было нечего, но их стали использовать по-другому. В полу вагона имелось довольно большое отверстие, куда можно было опорожнить использованную тарелку. Если кто был хорошим снайпером, то мог обойтись и без тарелки. Все, что касалось гигиены, даже самой примитивной, осталось далеко позади, где-то в прошлом, может быть, в сказке. Многие заболели то ли простудными, то ли желудочным заболеванием с высокой температурой. Головная боль, от которой Мили страдала и при хорошей жизни, превратилась сейчас в непрерывную муку. Тряска, стук колес, невероятный холод – все усиливало страдания. Бывали минуты, когда она теряла сознание от боли. Маня собрала у некоторых женщин все, что было шерстяного, чтобы закутать ей голову. Вместе с головой, обмотанной шерстяной ветошью, отогревалась и душа Мили от нежной заботы друзей по несчастью. Именно эта теплая забота всех друг о друге и была той поддержкой, которая в течение многих лет помогала женщинам пробиваться сквозь тяжкие испытания к заслуженной и так дорого оплаченной свободе. Многие женщины вернулись домой, из мужчин – почти никто.

Поезд этот не был скорым, он двигался вне расписания, останавливаясь иногда на всю ночь или на весь день среди леса, среди снега, в местах, где не видно было никакого жилья. На станциях поезд не останавливался, наоборот, проскакивал их, набирая скорость.

Где конец этого пути? Где приготовлено место для уставших, больных, скованных холодом женщин? Вряд ли тот, кто видел в пути этот длинный состав, мог догадаться, чем загружены его

вагоны для скота. Состав этот, который вез женщин из Грузии, не был единственным – такие же составы шли и шли из других мест Советского Союза, перевозя свой живой груз в его отдаленные районы. Не все доезжали до места назначения. Скованных смертью и морозом вытаскивали по дороге из вагона и грузили в последний вагон состава, так как весь груз надо было сдать в соответствии со списком.

Безымянные дни и числа сменяли друг друга. Может прошли две недели, а может три – счет им был потерян – но конец все же настал. Охранники открыли двери и окриками заставляли женщин выпрыгивать из вагонов, но чьи ноги могли выдержать такие прыжки? У многих они находились без дела уже полгода, у Мили и у других – четвертый месяц. Женщины вываливались на снег, некоторым их подруги помогали выйти, а были и такие, кого надо было выносить на руках. Старались помочь друг другу – но что можно было сделать – ноги были как парализованные и отказывались слушаться. На свежем воздухе многие теряли сознание, так случилось и с Мили. Выкрикивали по порядку фамилии – это было самое важное, а принадлежала фамилия живой или мертвой – не имело значения. Если живая – становись, а если мертвая – ставили рядом с фамилией крест и все. Дело сделано.

Слава Богу, кажется, немногие остались спать вечным сном на станции под названием Потьма, но и это раздирало сердца живых на куски. В зимних сумерках длинная процессия шатающихся теней с трудом протаптывала в глубоком снегу путь к новым страданиям. Печальное шествие замыкали сани, запряженные быками, тащившими вещи заключенных, и на некоторых санях лежали тела – живые или мертвые – трудно было определить.

В темноте где-то вдали мерцали тусклым светом огоньки. Непонятно было, из какого источника шел этот слабый свет. Однако, эти огоньки были настоящими, и хотя они не обещали никакого утешения измученным женщинам, они все же говорили о том, что путь на Голгофу на этот раз, действительно, подходил к концу. До смерти уставшая процессия остановилась у тяжелых ворот. Здоровые мужчины-охранники с трудом отворили их и трехтысячная толпа женщин очутилась на краю огромной площади, окруженной высокой бревенчатой стеной с колючей проволокой

наверху. Площадь была четырехугольной, судя по четырем высоким вышкам, видневшимся вдоль ограды. На каждой вышке под навесом стоял охранник с ружьем. Для большей надежности площадь была окружена глубоким рвом. Это было, очевидно, необходимо для охраны опасных политических преступников, подобных новоприбывшим женщинам. Все это называлось «лагерный пункт №6»

Пять одинаковых барачных бараков для жилья заключенных стояло на площади. Был здесь барак и побольше – столовая, барак поменьше – больница, еще меньше – складское помещение, баня и прачечная и один барак без окон – как решили заключенные – карцер. Помимо этих построек, ближе к воротам, находился обычный деревянный дом, лестница в несколько ступеней заканчивалась небольшой терраской – это был административный корпус. У самых ворот стояла будка, где постоянно находился часовой. Маня и Мили очутились в одном бараке и могли занять места рядом. В этом лагерном пункте находились уже женщины, привезенные из Москвы и Ленинграда, и тут повезло всем новоприбывшим: товарищи по несчастью затопили кирпичные печки, стоявшие посередине барака. Большим счастьем было войти в помещение, которое встречало тебя чистым, теплым воздухом. Горячий чай, хотя и неопределенного цвета, согревал изнутри, а тепло было так необходимо этим продрогшим женщинам! Не было больше алфавитного порядка, каждая могла выбрать себе соседку по своему желанию. Чувство настоящего блаженства охватило всех женщин, когда они увидели на нарах матрац, наполненный сеном, подушку, две простыни, грубое солдатское одеяло и нижнее белье. Белье было, правда, мужским, но никто не возражал: было безразлично что надеть, лишь бы чистое; к тому же женщины перестали чувствовать себя женщинами, они были только заключенными, а людьми, мужчинами, здесь были только начальник со своими помощниками и вооруженные охранники.

Здесь в бараке по соседству с Мили разместились многие знакомые по тбилисской тюрьме и по «воле» Были и жены тех, кто был осужден вместе с Андро: Анико Макацария – жена Леонида Чантладзе, Амалия – жена Владимира Мдивани, Шура – жена Барсукова, Люба Лункевич – жена юрисконсульта ЦК, коренного тбилисца, Лелета Вирсаладзе, Додо Бибинеишвили, Тамара

Багратиони – жена писателя Мицишвили, Маро Матитаишвили и многие, многие другие устраивались сейчас на новом месте, изможденные, худые, радуясь возможности отдыха – кто знает сколько он продлится? Сразу же по приезде объявили, что надо идти в баню. По сравнению с тбилисской, эта была как преддверие рая! Одна неприятность – воды давали уж очень мало – небольшое ведро на душу и мыло с кусочком сахара. И все же это была баня и не было охранников в ней и одежду не надо было сдавать в вонючую дезинфекцию, она попадала в стирку и возвращалась оттуда чистой. Труднее всего было вымыть голову и, так как ни воды, ни мыла на длинные волосы бы не хватило, тбилисские женщины срезали свои косы, а потом из этих волос многие связали себе тапочки. Удовольствие было войти в чистый барак-столовую, заставленную хорошо вычищенными столами и скамейками. Посуда была также чистой. Здесь можно было даже обойтись без всех тех вещей, которые казались такими необходимыми в тбилисской тюрьме, но и те вещи со временем пригодились. Эту чистоту и тепло поддерживали сами же заключенные женщины; поварами, уборщицами, дровосеками, а также врачами и сестрами в больнице работали они же. Многого не хватало в этой чистой маленькой больнице: кроме внимательного и ласкового ухода можно было получить только согревающий компресс, бутылку с горячей водой, массаж, в крайнем случае – аспирин и какие-то капли от желудка. Посылать в лагерь «врагам народа» лекарство было бы, конечно, чрезмерной расточительностью, которую государство не могло себе позволить.

Федосия Самсоновна по прибытии в лагерь попала прямо в больницу и жить ей оставалось – одни сутки. Когда пришла весть о ее смерти, все, кто находился с ней в одной камере в тюрьме и потом в одном вагоне, горько, как родную, оплакивали ее, хотя и знали заранее, что другого исхода тут быть не могло.

Темным зимним вечером от дверей больницы отправилась бычья упряжка, увозя в последний путь тело покойной Федосии Самсоновны. Колокольчики позвякивали на шее у быков. Гроба не было, Федосия была завернута в простыню. Упряжка скрылась за воротами, темнота и высокие стены скрыли от всех первую усопшую в этом лагере. Провожатых не было, только тихие слезы

катились по щекам и печальные мысли сопровождали покойницу. Спи спокойно, Федосия Окропиридзе!

Каждый вечер в лагере был слышен звон колокола, Большой медный колокол приказывал каждому быть на своем месте. Два раза в день – утром и вечером – заключенных пересчитывали. Тяжело было подниматься в пять часов утра. Все выходили из бараков и становились по шеренгам в четыре ряда, ожидая, пока «счетчик» подойдет к ним. Единственным желанием всех в этот момент было – чтобы счет совпадал со списком, иначе пересчитывание возобновлялось, и женщины оставались на ногах до изнеможения.

Когда снег растаял, на территории лагеря обнажилась странная песчаная пустыня. Удивительно, как в центре России смогли найти такую Сахару! Ни одной зеленой травинки, только песок, песок мелкий, как сахарная пудра, доходящий до щиколотки. При малейшем дуновении ветра он поднимался в воздух, забивался в рот, нос, глаза, под одежду, затруднял дыхание, скрипел на зубах.

Дни проходили в печальных мыслях, однообразно. Единственное, о чем говорили – это о разбитой семье, об оставленных детях, о неизвестной судьбе мужа. Те же мысли не давали покоя и ночью. Слышались иногда разговоры некоторых оптимистов о том, что весть об аресте женщин дойдет до Сталина и он освободит всех. Большинство, конечно, в это не верило. Как мог Сталин не знать об этом, ведь это были не единичные случаи, это пронеслось как эпидемия, охватившая сотни тысяч безвинных женщин! Были и такие, которые начинали сомневаться в честности своих мужей и обвиняли их в преступлении, которое довело семью до таких страданий.

Никакие известия не доходили до женщин с той стороны высокой стены, писем не было, радио не было, читать было нечего и дела тоже никакого не было. Смерть стала частой гостьей в лагере. Покойников вывозили обычно ночью, чтобы заключенные не видели. Бараки на ночь запирались, но из окна было видно печальное шествие и слышен звон колокольчиков в такт медленным бычьим шагам. Услышав этот звон, многие крестились, шептали добрые слова последнего напутствия. После этих печальных проводов сон уходил на всю ночь. Многие страдали бессонницей, и не было никаких средств, чтобы избавиться от нее. Теряли разум. Одна из

самых молодых перестала разговаривать, она все терла и терла пальцами лоб между бровями, пока на этом месте не образовалась рана до самой кости и невозможно было ее остановить. Наконец, ее поместили в отдельную маленькую каморку в больнице и вскоре стало известно, что она тоже умерла.

Мили как и другие часто не спала ночью, то из-за сильной головной боли, то из-за тревожных мыслей. Скоро она придумала себе лекарство от этой изнуряющей бессонницы: она сочиняла сказки и утром рассказывала их своим соседкам по нарам, и вскоре вокруг нее образовался маленький кружок из тех, кто хотел послушать ее.

Труднее всего было сидеть без дела, и когда в один из весенних дней в лагерь прибыла высокая московская комиссия для ознакомления с условиями жизни матерей, жен и сестер «изменников родины», женщины обратились к ней с просьбой дать им какую-нибудь посильную работу. Один из членов комиссии, оглядевшись на территории лагеря сказал:

- Работу? Вот здесь вам, кажется, песка хватает? Возьмите носилки и носите его от ворот вон в тот конец.

Такое остроумие вряд ли могло позабавить женщин в их положении. Однако, самым удивительным было то, что некоторые из женщин – среди них было и несколько грузинок, слышавших из разговоров вахтеров, что тех, кто будет хорошо работать, выпустят раньше срока, приняли этот «совет» за чистую монету. Они взяли носилки и стали перетаскивать песок от ворот через всю обширную территорию лагеря в дальний его угол. Другие пытались их остановить, сам начальник посмеивался и говорил, что это ни к чему, но что они могут работать, если хотят. Такая бессмысленная, тяжелая работа продолжалась около месяца, и наконец обессиленные, с гноящимися руками женщины отступили, тем более, что никакого улучшения в их жизненных условиях не наступило: переписка по-прежнему не разрешалась, пища не стала лучше, и никаких намеков на раннее освобождение не было.

Наступил последний день апреля, завтра- Первомайский праздник. В бараках стояла гнетущая тишина, разговоров не было слышно, раздавались только заглушенные рыдания и вздохи. Вечером начальник лагеря со своей свитой начал обходить все бараки

по очереди. Кавказские женщины и с ними несколько иностранок находились в четвертом. В ожидании визита начальства настроение стало тревожным; строили различные предположения. но ничего хорошего не ждали – к чему этот предпраздничный обход? Были некоторые оптимистки, решившие, что Сталин узнал наконец о том, что невинные люди заперты в лагерях и завтра их всех освободят – Сталин добрый, справедливый. Таким дурам старались закрыть рот, но они все больше и больше веселились. Это раздражало всех остальных и, если бы начальник не вошел в тот момент, оптимисток, наверное, побили. Все замолкли, но сердца колотились так, что их удары, казалось, были слышны и остальным. Начальник улыбнулся, затем начал что-то читать по бумаге, которая была у него в руках. Оказалось, что из главного лагерного пункта пришло разрешение всем заключенным женщинам выйти 1-го мая из бараков и свободно гулять по лагерной территории с самого утра до вечерней поверки. Те же, кого увидят на территории после этого часа, получают четверо суток карцера.

Майское утро было теплым, небо синим, безоблачным. Мысли витали где-то далеко, разговаривать не хотелось, на душе было тяжело, горько. Лозунги, написанные большими белыми буквами на красном полотне, раздражали. Женщины гуляли небольшими группами, кто-то топтался на месте, никто не улыбался. В этот яркий солнечный день серо-черная лагерная одежда выглядела еще страшней, чем обычно. Было как-то особенно тихо. Вдруг резкий и продолжительный как вой сирены женский крик нарушил тишину. На мгновенье все застыли, а затем бросились туда, откуда доносился этот страшный звук. Мили увидела: испуганный мальчик в матросской бескозырке бежал, что есть сил, к раскрытым воротам, крича: «Мама! Мама!» Одна из грузинских женщин, продолжая кричать как безумная, рвалась из рук вахтера, который пытался сдерживать ее. Что же случилось? Оказалось, что вахтер, который жил за лагерной зоной в деревне, привел в лагерь своего сына, мальчика лет четырех-пяти. При виде ребенка нервы женщин, днем и ночью горевавших об оставленных детях, не выдержали. Как в стае волков, когда один начинает выть и остальные подхватывают, женщины, видевшие эту сцену, тоже начали кричать, и в один миг вся лагерная площадь наполнилась криком, воем, сквозь который слышны были

страшные слова проклятия.

С вышек увидели, слышали, но не могли понять, что случилось. Раздалось несколько выстрелов, но женщины стали кричать еще громче. Наконец, открылись ворота, которые охрана спешно закрыла, как только все это началось. Вошел начальник лагеря и с ним человек пятнадцать вооруженных охранников. Начали гнать всех по баракам. Многие женщины упали и не в силах были встать. Подруги поднимали их и тащили за собой, боясь, что их застрелят. В конце концов, все утихло, все были заперты в бараках, но многие долго еще не могли успокоиться и продолжали плакать. На этом закончился праздник 1-го мая.

Время шло, и женщины нашли способ избавиться от изнуряющего, постоянного ничегонеделанья. Удивительно, как откуда-то появились иголки, а на нитки стали распускать все, что можно было распустить. У многих сохранились свои собственные вещи, которые они запрятали, получив казенную одежду. Искусственных тканей тогда еще не было, был шелк, хлопок, шерсть. Но на чем вышивать? И эту проблему решили, начав отрывать куски от грубых простыней и наволочек и сплошь покрывая их узорами, вышитыми нитками из распущенных вещей. Простыни укорачивались, но прачки об этом молчали. Чудом сохранившееся шелковое трикотажное белье становилось настоящим сокровищем для владельца. Разноцветные комбинации и трусики, шелковые чулки перевязывались в маленькие нарядные платица, кофточка, воротнички. Никто не думал о том, подойдут ли эти вещички тем, кому они предназначались, когда женщины вернутся домой. Черный шелковый платок был распущен и перевязан в тубетейку, вышитую восточным орнаментом. Рождение таких высокохудожественных вещей было настоящим чудом. Женщины обменивались разноцветными нитками. Были и специалисты по изготовлению вязальных крючков, например, одна женщина-скульптор с Украины. Из кухни приносили вываренные кости, на которых вообще никогда не было мяса, и из них вытачивали какой-то случайно найденной железкой крючки, которые затем обменивались на щепотку махорки и кусочек любой, даже самой грязной бумаги величиной с пол-ладони.

Мили тоже без всяких угрызений совести оторвала кусок от казенной простыни, иголка же у нее была с собой, оставшаяся



совершенно случайно заколотой в подкладку ее чемодана и не обнаруженная при обыске. Вышивала она по своей фантазии птицу Феникс, стремящуюся ввысь из губительного огня. На фон она распустила свои черные шелковые чулки, цветными обрывками ниток вышила оперение сказочной птицы. Женщины занимались и вязанием из шерстяных ниток. Нитки эти они пряли сами из шерсти, выщипаной из матрацев, привезенных еще из Тбилиси. У некоторых женщин, как и у Мили, были такие «домашние» матрацы – и все они пошли в дело. Из хлеба женщины сделали веретена, насадив их на тонкие палки, которыми обычно вахтеры при резке и раздаче хлеба прикалывали довесок к основному куску, если вес этого куска оказывался меньше нормы. Многие грузинки, кто умел быстро и хорошо вязать, вязали прекрасные носки из этой матрацной шерсти не только себе, но и другим, и носки эти оченьгодились всем в последующие холодные зимы.

Однажды летом высокая комиссия из Москвы снова посетила лагерь. Узнав об этом, женщины собрали все свои работы и в самом большом бараке на столе устроили выставку. Уважаемые товарищи смотрели с удивлением, и действительно, было на что посмотреть. Им показали множество разноцветных клубочков, крючки, сделанные из суповых костей. Женщины просили, чтобы им дали работу по вышиванию, вышивать станут все, одни научат этому других. Высокая комиссия обещала исполнить просьбу заключенных.

Эта комиссия принесла также новое важное сообщение. Статья 58-ая, по которой женщинам был вынесен приговор, для них аннулировалась, и появился новый термин: «член семьи изменника родины». Но это не внесло никакого изменения в судьбу женщин – срок оставался все тем же, все оставались такими же заключенными и ни при каких обстоятельствах не имели возможности защитить себя. Один из московских товарищей с лисьим выражением на физиономии спросил, какие будут у женщин пожелания и какие жалобы? Какие могут быть желания у человека, выброшенного из человеческого общества, как негодная вещь? Некоторые женщины просили разрешения написать домой и получить известия о детях, муже. Лисья морда улыбалась:

-Этого вы не заслужили, ну а какие жалобы?

Среди женщин поднялась целая буря:

- Воды! Воды! Дайте воды и мыла! Дайте пищу, если хотите держать нас здесь живыми, даже соли – и той не хватает, пять граммов соевого масла в день, на завтрак похлебка из сои, на обед суп из сои, а на ужин стакан мутной воды с соей! Всех больных невозможно поместить в больницу, мест не хватает, нет лекарств, чем лечить нарывы, мы теряем зрение, слух, через месяц половина из нас ослепнет!

Господа-товарищи заторопились уходить – не было времени. Кто-то буркнул, что обо всем позаботятся.

И, кажется, позаботились. Через некоторое время на песчаной пустыне лагеря появилась, скрипя и визжа, повозка, запряженная двумя лупоглазыми флегматичными быками. Началась разгрузка тюков с полотном и мадеполамом и появилось множество коробок с нитками для вышивания. Лагерный склад не был приспособлен для приема такого рода товара, и его с трудом туда поместили. Женщины немного ожили, кажется, начнется работа. Советовались, кому что делать. Мили и Маня Джаджанидзе рисовали узоры для вышивания и вся последующая работа была доверена искусным рукам, тонкому вкусу и хорошему зрению женщин.

И вот начали рождаться вышитые крестом сорочки, женские кофточки с английской гладью, вышитое белье с мережками, скатерти с пестрыми узорами и другие предметы для украшения уютного дома. Раз в неделю приезжала та же упряжка, и телегу нагружали готовыми изделиями для отправки в Москву. Все эти вещи продавались в Мосторге, получавшем за них чистую прибыль. Заключение же, те, кто выполнил недельную норму получали двадцать пять граммов махорки за свой труд. Те, кто не курил все равно выдавали себя за курящих – полученную махорку можно было на что-нибудь обменять или просто дать своей подруге. Могла ли какая-нибудь покупательница Мосторга догадаться, почему эти красивые вещи продаются по такой сравнительно небольшой цене?

Главной над вышивальщицами была поставлена начальством жена ленинградского высокого партийного работника, женщина с неприятным заносчивым характером и злым от природы лицом. Она наблюдала за выполнением нормы и подсчитывала в конце дня, кто сколько наработал. Ее невзлюбили и не доверяли ей. Когда

она подходила к женщинам, те сейчас же прекращали разговоры между собой, подозревая, что она рассказывает о них начальству. К счастью, жила она в другом бараке. Эта особа часто критиковала нарисованные Мили узоры из цветов: «Где вы видели такие цветы? Таких не бывает.» Мили отвечала ей, что она ведь не учитель ботаники и не стремится создавать точные копии природных цветов, но та стояла на своем и браковала многие рисунки. Другие женщины, склонившись над своими иглами, посмеивались над этими нелепыми замечаниями.

Начало этой работы было очень трудным для многих. Надо было учиться и распарывать вышитое много раз подряд, пока эти маленькие крестики не ложились ровным узором. Женщины сами определили норму и по окончании двенадцатичасового рабочего дня записывали достижения каждой. Все старались заработать эти двадцать пять граммов вонючей махорки. Летний день был длинным, и к этим двенадцати часам старательно прибавляли еще пару часов. Одной из тех, кто научилась вышивать в лагере и затем стала большой мастерицей в этом деле, была Кетеван или Додо Бибинейшвили, жена Барона Бибинейшвили, видного революционера, автора книги о Камо. Додо и Мили находились вместе еще в тбилисской тюрьме. Додо была одной из самых молодых в камере. Дома она оставила малолетнего сына, о судьбе которого она, как и другие женщины, ничего не знала. Отличительной ее чертой был чрезвычайно смешливый характер – даже в ужасных тюремных и лагерных условиях она всегда находила над чем посмеяться. Она и другая такая же молоденькая женщина, Нина Васадзе, новобрачная из Гурии, представляли собой полную противоположность характеров – одна все время смеялась и этим вызывала недовольство тех, кто не понимал над чем можно смеяться в таком положении, а другая никак не могла успокоиться и перестать плакать.

Каждое утро во время утренней поверки по рядам летали «утки», то есть ложные вести, которые женщины шепотом передавали друг другу на ухо. Однажды пролетела такая невероятно «жирная утка»: тот, кто будет выполнять в течение месяца полторы нормы, будет освобожден через полгода. Началась лихорадочная работа, женщины перестали разговаривать, некоторые не ходили даже в столовую, чтобы побольше успеть. Особенно трудно приходилось

тем, кто не проявлял больших способностей к вышиванию. Соседка Мили по нарам Эле Вачнадзе рукоделие никак не давалось. Много раз Мили показывала ей, как надо накладывать стежки и заставляла распарывать неудачно выполненную работу и начинать снова, много раз Эля обращалась к подруге: «Ну-ка, посмотри, что-то у меня не так, кажется,» - дело все-таки не шло. Уже многие женщины заболели от чрезмерного напряжения сил и стали отказываться от этой работы, требовавшей хорошего зрения и быстрых пальцев – даже положенную норму нелегко выполнить. Постепенно всех охватило депрессивное состояние. Когда женщины просили работу, они надеялись, что смогут хоть немного заглушить ею душевную тоску и отвлечься от печальных мыслей, но работа стала ужасом, стала наказанием. В недолгие часы, отведенные для сна, женщин преследовали иголки, нитки, норма и невыполненная работа. Дневной труд чередовался с ночными кошмарами.

Такая работа продолжалась недолго. Одни очутились в больнице, другие лежали безучастно на своих нарах. Скоро многих женщин, вообще, перевели неизвестно куда. Снова – слезы и страдания, близким друзьям приходилось расставаться, родственники, случайно оказавшиеся вместе, были разъединены.

Человеколюбивые начальники выполнили и второе обещание - позаботиться о физическом благополучии женщин. Визжащая и дребезжащая телега в две бычьи силы стала появляться по утрам на песчаной территории лагеря. Она была нагружена хвойными ветками. Ее первое появление вызвало недоумение заключенных, стали строить догадки – что бы это могло означать? Готовятся к празднику? Будут украшать ветками лагерь? Кто-то сказал, что начальник велел своему помощнику подготовиться к освобождению женщин, и по этому поводу будет большой праздник, ворота будут открыты настезь и их украсят сосновыми ветками и цветами, а за воротами будет ждать духовой оркестр, и по алфавиту первая пройдет Абесадзе с красным флагом в руках, а за ней по четыре в ряд будут маршировать остальные женщины.

Легоковерные, как всегда, приняли информацию за чистую правду, обнимались, целовались и поздравляли друг друга. Здравомыслящие из скептиков не присоединились к этому «Аллилуйя» - наоборот, старались вразумить этих несчастных

фантазерок, а вскоре выяснилось с какой целью были привезены в лагерь эти дары леса. Полная телега хвой – это полная телега витамина «С» и многих других полезных веществ. Активную работу по резке хвойных иголок получили те, кто не вышивал – женщины с плохим зрением, полуслепые. Таких оказалось больше, чем требовалось, так как уже при входе в тбилисскую тюрьму у всех были отняты очки как опасный острый предмет. Нарезанные хвойные иголки засыпались на кухне в бочку, заливались кипятком и накрывались крышкой. Таким образом приготавлился эликсир жизни, и этот горький напиток заставляли пить каждое утро перед завтраком: не выпьешь – останешься без завтрака. Но то ли этот эликсир не был с медицинской и фармакологической стороны достаточно изучен, то ли давали его слишком много, но у большинства развились желудочные заболевания, начались повальные поносы. Уменьшили порцию, но полностью этот крюшон не отменили. Вероятно, человеческий организм может привыкнуть ко всему: заболевшие потихоньку поправлялись, новые случаи заболевания бывали все реже и реже. Может быть, напиток этот и был в какой-то мере полезен, хотя по внешнему виду женщин этого никак нельзя было сказать. Цвет лица у всех продолжал оставаться темно-коричневым или грязно-серым, не приобретал розового естественного оттенка. Нарывы оставляли на коже фиолетовые следы и рубцы. В больничных анкетах появились диагнозы – цинга, пеллагра, дистрофия, анемия. Ужасен был вид всех этих женщин, вместе взятых. Лагерные врачи – сами заключенные – имели возможность изучит течение этих болезней на практике – до ареста они были знакомы с ними только теоретически. Пища продолжала оставаться отвратительной и скудной – соя, соя и соя. Лагерная поэтесса сочинила целый эпос про хвоетерапию, припевом к нему были слова:

Хвою режем,  
Хвою пьем,  
Завтра шницель с хвоей ждем

В лагере завязывались новые знакомства, которые потом продолжались, перейдя в крепкую дружбу, десятками лет после этого вместе пройденного тернистого пути. Одна из соседок Мили по нарам была немка Мария или Маня, как ее все звали и, чтобы отличить от Мани Паниевой, ту стали называть Маня- маленькая.

Она и Мили лежали голова к голове на нарах и часто стучались во сне головами. Не всегда удавалось тут же уснуть и начинались ночные разговоры шепотом. Так началась дружба двух женщин из Тбилиси, финки и немки, которых непостижимая судьба столкнула в Темняковских лагерях в Мордовии. Муж Мани, Михаил Джаджанидзе был инженером, как Андро, и как и тот был сметен ураганом, зародившемся в Кремле и прокатившемся по всей стране от края и до края. В конце двадцатых годов он учился в Берлинском политехническом институте и снимал комнату у Марии и ее сестры. Он и Мария полюбили друг друга и, когда в 1931-ом году по окончании института Михаил должен был возвращаться в Грузию, Мария решила ехать с ним. В Грузии жизнь поначалу сложилась удачно – Михаил сразу же получил хорошую должность, Марию все родственники и друзья приняли приветливо, а появление на свет дочки сделало эту семью еще более счастливой. Год 1937-ой разрушил эту семью, также как и многие другие. Общую с советскими женщинами тяжкую и незаслуженную участь разделили многие женщины- иностранки.

Полли Уильямс, жена московского инженера, прожила всего полгода в счастливом браке. Она развелась со своим первым мужем, американцем, врачом-физиологом, и сменила не только свой американский паспорт на паспорт гражданки Советского Союза, но и свой шикарный особняк и окружавшую ее роскошь на двухкомнатную квартиру в Москве, на пятом этаже большого дома без лифта. В эту квартиру она привезла своего сына от первого брака, и теперь мальчик остался один без родителей, без крова, почти не зная русского языка. Судьба его была матери неизвестна. История жизни молодой Полли не длинная, но очень трагичная. В Бутырской тюрьме в Москве она полностью потеряла собственное «я», оказалась на грани психоза. В лагере многие не говорили по-английски, но как-то никто не старался с ней сблизиться, и она была совершенно одинока. Мили подошла к ней, не стала задавать никаких вопросов, не стала жаловаться на свою судьбу, а заговорила с ней о простых вещах, как бывает когда два человека встречаются в долгом пути. Полли была очень рада, что могла говорить с ней на своем родном языке. Русский язык казался ей таким трудным, что она даже не думала, что сможет его когда-нибудь выучить, да и вряд

ли была в своем положении расположена к учебе. Мили говорила ей о своей родине и о Грузии, и постепенно эта замкнутая женщина стала более откровенна и рассказала о своей жизни так, как рассказывают содержание какого-то романа. Лицо ее иногда освещалось улыбкой, и те, кто случайно видел эту улыбку, были поражены и называли Мили волшебницей. Как удалось ей вызвать улыбку на лице этой женщины, месяцами не произносившей ни слова, никому даже не сказавшей, как ее зовут? Она жила в соседнем бараке, и окно ее на втором этаже нар оказалось напротив окна Мили. Расстояние между бараками было не очень близким, но Мили видела, что та часто ждала ее у своего окна, чтобы улыбнуться ей и помахать рукой. Случалось, что Мили не сразу ее замечала, и тогда ей говорили:

- Смотри, твоя подопечная тебя ждет.

Выходить из барака можно было только в определенное время, и Полли всегда оказывалась быстрее и поджидала свою подругу у дверей ее барака. Тбилисские женщины связали ей носки из матрацной шерсти, и она была до слез тронута этой заботой. Она превращалась в живого человека со своим горем и тревогами. Теперь она могла не только смеяться, но и плакать как мать, как жена, просто как женщина. Она стала всем тем, за которыми следили с четырех углов огороженной площади.

Две жены маршала Тухачевского и его дочь от первого брака, четырнадцатилетняя девочка, встретились в одном бараке. Его первая жена – Нина, которая развелась с ним двенадцать лет назад, и вторая жена – Юлия в равной мере разделяли с заключенными их судьбу. Обе знали об участии Тухачевского, так как еще до их ареста все газеты были переполнены статьями о его «измене» и о «передаче секретных сведений иностранной разведке». Они знали, что он был приговорен к смертной казни, и этот приговор был приведен в исполнение.

Нина и Юлия не находили общего языка даже теперь, когда судьба так трагично связала их вместе. У обеих был свой круг друзей, главным образом, по прежним связям. Образовались две группировки – друзья Нины не имели ничего общего с друзьями Юлии. Юлия, так же как и Маня Джаджанидзе, была скульптором, и эта общая профессия объединила их. Она была ученицей известного скульптора Мотовилова. Мили была знакома с семьей Мотовиловых

по Москве и, бывая у них в гостях, видела там большой портрет Юлии и находила в нем сходство с избалованной породистой кошечкой. Теперь большие синие глаза Юлии под темными ресницами были печальны, совсем не те глаза, которые смотрели с портрета. Стриженные, светло-пепельные волнистые волосы обрамляли ее лицо, которое нельзя было назвать классически красивым, но даже сейчас, бледное и изможденное, оно было необычайно привлекательным. Будучи женой такого известного человека, как маршал Тухачевский, она никогда не была высокомерной, наоборот, была приветлива со всеми и снискала себе симпатии и любовь окружающих. Ее дружба с Мили и Маней и переписка их сохранились и после выхода на свободу и реабилитации.

Однажды из разговора с Юлией Мили узнала о дальнейшей судьбе Маро Сванидзе, которая была схвачена в Тбилиси, перевезена в Москву и находилась одно время в Бутырской тюрьме в одной камере с Юлией. Затем она исчезла, и больше никто о ней ничего не слышал. Может быть, она умерла где-нибудь в лагере, а может быть, с ней покончили прямо в Москве. Позже Мили узнала об аресте и смерти ее мужа, Коли Кипиани.

В однообразии лагерной жизни дни недели не отличались друг от друга, даже месяцы – и те не всегда были известны, не говоря уже о такой мелочи, как числа. Только перемены, происходившие в природе, говорили о смене времен года. С той стороны высокого забора даже птичка не залетала, так как на территории лагеря не было ни одного зеленого пятна, которое бы могло привлечь ее внимание. Никакие вести извне не проникали в лагерь, писем по-прежнему не было. Жили так, как будто за этой высокой стеной вообще не было жизни. Зато ходили разные слухи, и какие! Каждое утро подавалась новая «утка». Удивительным было то, что все эти «утки» были добрыми. Например, перед Октябрьским праздником пролетела одна, сладко начиненная – свобода, свобода всем политическим! Перед майским праздником та же или другая кричала то же самое. Все эти предпраздничные «утки» выполняли хорошую работу: они хоть на миг наполняли надеждой истосковавшуюся душу. Мало кто верил утиной болтовне, но все с удовольствием слушали и никто не проклинал ее, так как все другие новости, распространявшиеся в лагере с быстротой ветра, были печальными.



Поздними вечерами бычья упряжь с привычным скрежетом и позвякиванием колокольчиков исчезала за воротами лагеря. В больничной книге оставались имя и фамилия, в душах заключенных – новая боль. Все затихало, вздохи и сдержанный плач лишь прибавляли безнадежности этой тишине.

В долгие зимние вечера единственным светом в бараке был тусклый свет керосиновой лампы с закопченным стеклом, к тому же еще и разбитым, залатанным куском бумаги. Дневальные или лучше сказать «ночевальные» были обязаны всю ночь поддерживать огонь в печи. При свете этого огня Мили и вышила своего Феникса. В такие ночи она даже чувствовала себя счастливой, если это не святотатство – в такой обездоленности и страданиях произносить слово «счастье».

Горящие поленья потрескивали, искры разлетались, пламя превращалось в сказочные существа и дворцы. С детства Мили любила смотреть на огонь, она могла подолгу сидеть у камина, вглядываясь в пламя. Вместе с другими любовалась большими, весело горящими кострами, которые зажигались по берегам финских рек и озер в конце июня, в день св. Иоанна. Теперь, сидя в тихую ночь в лагерном бараке у огня, она видела свою прежнюю жизнь среди близких людей и любимой природы Финляндии так, словно она проплывала перед нею по широкой знакомой реке. Была ли она счастлива тогда? Детство ее в Хельсинки вспоминалось как сказка, недосказанная до конца. А годы юности – это начало жизни, солнце и тучки, счастливые дни, так быстро пролетевшие, но навсегда благословенные и навечно оставшиеся в памяти – как резко обрывалось все то, что было радостью и счастьем в ее жизни!

А теперь? В этой комнате с ней находилось более ста женщин, а всего в бараке их было около тысячи. Были здесь и совсем молодые, были в возрасте Мили, пожилые и совсем старые. Разве цель жизни, любовь и счастье этих женщин не оборвались так же неожиданно? А те, что ушли навеки? Дети Федосии Самсоновны никогда не узнают, где могила их матери. Молодая, красивая, светлокудрая грузинка Нино Бахтадзе и многие другие спят вечным сном в далекой от дома и чуждой земле.

Судьба заключенного во многом зависит от того, каким

человеком является начальник лагеря. Ему разрешено многое и, если он жесток, то может в любой момент проявить это свое качество, превратив жизнь заключенных в настоящий ад, а может, если захочет, облегчить их и без того страшную участь. Начальник этого лагеря был, как видно, совершенно случайно назначен на свою должность, в характере его отсутствовали черты так свойственные большинству на этой работе. Разговаривая с заключенной, он говорил ей «вы» и обходился без резких и оскорбительных выражений. Карцер, эта неотъемлемая часть тюремной территории, оставался все время пустым. По его собственному ходатайству в лагерь было проведено радио и на площади на столбе был установлен громкоговоритель. Вокруг столба поставили скамейки. Это место сразу же получило название «пятак», точно место для танцев где-то на далеком курорте.

Это был прогресс. Шел 1939-ый год. По утрам слушали новости –ничего интересного – сплошные достижения в собственной стране. Это никого не интересовало, ко всему этому давно привыкли. Передавали сообщения о разбушевавшемся движении фашизма в Западной Европе. Муссолини, Франко и Гитлер вместе с некоторыми другими палачами оставляли кровавые следы на страницах истории к ужасу будущих поколений. Мили думала, что список кровавых властителей человечества будет и впредь увеличиваться. В Европе преследовали коммунистов и тех, кто выступал тайно или явно за улучшение жизни рабочих, боролся против фашизма. В Германии уже не хватало лагерей и строили новые и новые, заполняя их все новыми узниками. Московское радио говорило о тех ужасах, которым подвергались заключенные в лагерях Германии, Италии, Испании.

Удивительно! Заключенные слушали радио, охали и ахали, и ненависть к фашизму разбухала, как на дрожжах. Как будто забывали, что выпало на их собственную долю, и вдруг, как бы очнувшись, с немим вопросом смотрели друг на друга: «Совершили ли мы тайно или явно какое-нибудь преступление против своего народа? Нарушали ли советские законы или, может быть, преследовали коммунистов?» - И каждая, положа руку на свод законов и на сердце могла бы ответить: « Не совершала никакого преступления!» - За этими вопросами следовали другие, целый клубок вопросов: «

Почему же я за десятью замками? Почему вооруженный охранник следит за мной денно и нощно? Почему мой дом превратили в руины, отняли право заботиться о детях? Почему мой муж – верный член компартии или честный беспартийный гражданин был казнен или увезен куда-то, где над воротами значилось: « Много сюда входящих, мало выходящих.»

По радио передавали о новых невероятных событиях : Германия оккупировала Чехословакию, затем Польшу.

И, наконец, новое событие, совсем уже невероятное: Советский Союз Германия заключили между собой договор о дружбе и торжественно подписали – с одной стороны Риббентроп, с другой – Молотов.

Женщины, которые старались найти хотя бы крупицу логики в самых невероятных происходящих с ними и вокруг них событиях, были теперь поражены всей, казалось бы, нелогичностью этого договора между фашистами и коммунистами. А может быть, логика как раз и была в том, чтобы в угоду кому-то убрать с дороги умных, талантливых, преданных идеям гуманизма людей? Где же теперь искать действительную логику?.

## 11. К ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ ПО ПЕЧОРЕ.

Была середина осени 1939-го года.

Частый приезд высшего начальства в лагерь считали плохим предзнаменованием. Начальство даже не заходило в бараки, да и в этом и не было никакого толка – считали заключенные – все равно на улучшение условий жизни рассчитывать не приходилось. Чистота и порядок соблюдались в бараках настолько это позволяло физическое состояние женщин. Старались вести борьбу с клопами, но не было никакого средства для их уничтожения, они все размножались и толстели. И это наказание нужно было терпеть как Божью кару, в дополнение к каре «Отца» земного.

Начальники приезжали и уезжали, оставляя после себя невероятное напряжение. Однажды, к великому страху Мани Джаджанидзе и Полли, их пригласили в контору начальника лагеря. В чем дело? – Обе они иностранки; сердце Мили отчаянно колотилось, и многие сидели со слезами на глазах, изо всех сил стараясь не разрыдаться. Самые мрачные мысли носились в голове у женщин, когда они со страхом следили как Маня и Полли, тяжело ступая, с понурой головой, проходили расстояние между баракom и конторой. Нервы у всех напряглись до предела. Все молчали, не смея высказать свои предположения вслух. Время бывает порой неизмеряемо: не знаешь, час прошел или несколько минут? Первая с плачем вернулась Полли. Мили и многие другие поспешили к ней узнать, что случилось – может быть с сыном что-то страшное произошло или ей самой объявили новый ужасный приговор? Наконец, Полли удалось справиться с рыданиями. Она только всхлипывала и рассказывала, что случилось. Оказывается, первый ее муж, узнав о ее ужасной судьбе, обратился в советское посольство в Америке с требованием найти и вернуть ему сына. Его хлопоты были безрезультатными до тех пор, пока он не обратился к президенту Рузвельту – только тогда ребенок был найден и возвращен родному отцу. Полли была счастлива, узнав, что ребенок спасен, что после переброски из одного детдома в другой он, наконец, очутился в своем родном доме, но в то же время к этой

радости примешивалось щемящее чувство тоски – она думала, что никогда больше не увидит сына. Судьба, однако, уготовила ей иное, счастливое завершение ее печальной истории – после полного страданий отрезка своего жизненного пути, она снова оказалась дома со своим сыном и первым мужем. Все случилось как в сказке: шла уже война, когда за Полли прилетел самолет из Соединенных Штатов и забрал ее домой. Обо всем этом Мили узнала много позже, от Мани Джаджанидзе, которая как и Полли оставалась в Темняковских лагерях еще после того, как Мили с другими была этапирована на север.

Маня вернулась из кабинета начальника счастливая, со слезами радости на глазах. В руках она несла большой пакет. Оказалось, что ее зловки, смелости и упорству которых можно было только удивляться, разузнали, где она находится, и доехали, разыскивая ее, до самого лагеря. Передачу они благоразумно привезли с собой, а не послали по почте. Однако, свидания с Маней им не дали. В маленькой записке было написано, что восьмилетняя Джина живет с ними, окружена любовью и заботой. Они обе были незамужние и, конечно, дочь единственного брата была для них всем на свете.

В передаче был кофе – основное сокровище, а также сахар, сало, мыло, теплые носки и белье. Мыло вызвало всеобщее восхищение, восторг, даже с оттенком зависти. Его осматривали со всех сторон, нюхали – так, наверное, изумлялись невиданному предмету дикари в какой-нибудь новооткрытой африканской глуши. Друзья Мани и ближайшие соседи получили приглашение вымыть голову мылом в ближайший банный день. Вечером они же были приглашены на кофе. Наверняка, ни одной из них не доводилось пить такой замечательный кофе, как эта светложелтая жидкость, сваренная в котелке на углях. Котелок получили из кухни. Сало разрезали на тончайшие, как листки бумаги, кусочки, но хлеб гости должны были принести с собой.

Что это были за деликатесы! Удивлялись, как это дома не ели раньше хлеб с салом, ведь вкуснее этого трудно было себе что-нибудь представить! Получать полное удовольствие от этого пира мешало одно: совесть как змея ворочалась внутри, и кусок жирного сала застревал в горле, так как за каждым куском следили со всех сторон голодные глаза остальных женщин. И Мили решила, что

она никогда не возьмет в рот ни крошки, которая притягивала бы голодные взоры друзей по несчастью. Душа останется спокойной, если не нужно будет стыдиться проглоченного куска – у каждого свой черный хлеб и миска похлебки. Голод вопил в кишках у каждого, и во сне все видели черный хлеб, много черного хлеба.

Маня была первой из кавказских женщин, получивших известие о своих близких. Еще по дороге из Тбилиси в лагерь, когда поезд останавливался на маленьких станциях и вахтеры иногда открывали двери, забрасывая в вагоны снег, заключенные видели стоящих на станции людей, в основном, женщин и детей, которые возможно знали или догадывались, кого везут эти товарные составы – а составы шли один за другим, полные и мужчин и женщин; и вот несчастные узницы почти ни на что не надеясь, бросали этим людям написанные на малюсеньких клочках бумаги и сложенные в спичечный коробок свои адреса, всячески стараясь, чтобы вахтер этого не заметил. Из этих станций особенно запомнилась Мили – станция Балашов под Ростовом. Очевидно, кое-какие из этих адресов были подобраны людьми, которые, конечно, сильно рискуя, отправляли их по почте и близкие некоторых из женщин – заключенных могли узнать, что в такой-то день их дочь, мать или жена была жива и проезжала такую-то станцию, следуя в северном направлении. Конечного пункта тогда никто из заключенных, разумеется, не знал. В мордовском лагере на воротах висел почтовый ящик, куда женщины бросали свои заявления, написанные на половине листка бумаги, сверху писали – кому они адресовались, внизу – свое собственное имя и фамилию. Некоторые обращались прямо к Сталину, другие – направляли просьбы в различные прокуратуры, пытаясь узнать хоть что-то о мужьях и детях. Отправлялись эти заявления по назначению или нет – неизвестно. Очевидно, некоторые все же – да, потому что женщины стали изредка получать ответы на свои запросы и на письма домой. Иногда эти ответы были написаны незнакомым почерком и в них в краткой форме сообщалось, что дети той или иной заключенной живы и находятся у бабушки или у тети, или в детдоме. Адрес при этом не сообщался. Сведений о мужьях никто никогда не получал. Эти немногие сообщения приходили два раза в месяц, одним они приносили утешение, другим – новые тревоги. Бывало и такое: приходила газетная вырезка в конверте и в ней сообщалось : «

Я, такой-то и такой-то, как честный коммунист или комсомолец, отрекаюсь от своего отца и своей матери как от «врагов народа». Такие вести были настоящей трагедией для женщин, с нетерпением ожидавших от близких письма и моральной поддержки. Что могло сильнее ранить и без того измученную душу заключенной? – Только известие о смерти, наверное. Конечно, женщины понимали, что такие отречения писались не по своей воле, и сердца их разрывались не только от горечи, но и от беспокойства при мысли о тех притеснениях, которым подвергаются их сыновья или дочери на «свободе».

За все то время, пока Мили находилась в этом лагере, она не получила ни одного письма от Нины и не знала, где она и что с ней.

Прошла неделя с того дня, как начальство в последний раз посетило лагерь, и об этом уже успели забыть, хотя и считали такие визиты недобрым знаком. И настал, наконец, день, когда плохие предчувствия оправдались, Начальник лагеря со своими помощниками посетил бараки и зачитал список заключенных, в который попала приблизительно треть находящихся в лагере. В этом списке была Мили, Маня- маленькая, большинство грузинок, армянок, азербайджанок – в нем не было ни Мани Джаджанидзе, ни Эли Вачнадзе, ни некоторых других, с кем Мили сблизилась за эти тяжелые месяцы. Приказали собрать вещи и быть готовыми к отправке.

Куда? – бессмысленно было задавать этот вопрос, на него все равно никто бы не ответил. И что сделают с теми, которые останутся? Из-за этой неизвестности все были охвачены тревогой и страхом. Во многих заговорило собственное «я», которое так долго и упорно подавлялось и вызвало яркое чувство протеста – как посмели отнять у них человеческое достоинство и приравнять к стаду скотов? Почему старались превратить здоровых, деятельных людей, женщин в толпу безмолвных, безропотно подчиняющихся приказу людей? Откуда шли эти приказы? – Но и эти вопросы, конечно, оставались без ответа.

Длинный марш закончился на том же глухом полустанке, куда в зимнюю стужу, уже так давно, впервые привезли всех этих женщин. Одно название его – Потьма - вселяло ужас. На этом полустанке останавливались только составы с арестантами. Эта область когда-

то принадлежала Саровскому монастырю, сюда высылалось на вечную ссылку духовенство, монахи и монахини, нарушившие свой духовный обет. Дурная слава окружала эти места. Мили слышала о них еще от Серафимы Петровны и чувствовала, как холод проникает в душу при одной мысли о них. Сейчас, как раз на этом месте, в самом центре России, в глуши, находилось множество лагерей для заключенных, каждый лагерь под своим номером. Их были десятки.

И снова все стояли, ожидая погрузки в эти скотские вагоны, и у каждой в душе был один и тот же вопрос: а куда же теперь? Оптимисток уже не было. Никому и в голову не приходило, что их могли отправить в Грузию. Через некоторое время выяснилось направление состава – север.

Спустя многие годы Мили узнала, что часть оставшихся в лагере женщин была отправлена в Казахстан.

Вагоны были заполнены. К счастью, зима еще не наступила, и было не так холодно. Мили и Маленькая Маня опять были рядом. У Мили был очередной приступ головной боли, ей трудно было слышать гул голосов, особенно возбужденных в новой обстановке и, казалось, она готова отдать что угодно, половину оставшейся ей жизни за то, чтобы заставить Маню умолкнуть. Но нет, та не умолкала и ее грудной голос был слышен над всей этой гудящей толпой.

И снова поезд стучал колесами и громыхал, было душно, все жаловались на голод, но Мили его не чувствовала. Приметы природы указывали на то, что поезд продвигался все дальше и дальше на север. Проезжали мимо каких-то станций. Где-то между станциями стояли часы, а может, это останавливалось время, а не поезд. Дней и ночей не считали, их прошло, наверное, много, когда узнали, что место назначения – Архангельск – уже близок. Холод становился все более чувствительным. Путешественницы дрожали от холода, у Мили головная боль не проходила и она чувствовала, что силы ее иссякают. Все старались уговорить ее проглотить, хотя бы через силу, немного хлеба, но есть она не могла. Жажда мучила ее сверх всякой меры, а воды давали – кружку в день. Она обменяла свой дневной паек хлеба на кружку воды, но вода была холодной, а ей больше всего на свете хотелось горячей. Сон стал мучением. Ей снилось, что она у себя дома в Москве – на столе кипит самовар,



стоит ее любимое мандариновое варенье – но кто это накрыл стол так, что на нем не было ни одной чашки, стакана или другой посуды, из которой можно было бы пить? Она пыталась встать, но ноги не слушались ее, она звала Нину и Симонико, но они не приходили. Маня гладила ее по голове и что-то говорила, говорила. Значит, она не дома, в Москве, и нет никакого кипящего самовара. Что за ужас эта головная боль!

Холодный морской ветер и снежная крупа приветствовали прибывших где-то в тупике архангельской железной дороги. Кроме них и тяжелых серо-свинцовых туч были и другие встречающие. Вооруженных охранников было больше, чем это казалось необходимым.

Хотелось бы знать, какие мысли были у этих людей в голове, когда они начали выгружать из вагонов эту жалкую толпу обездоленных женщин! Шатающиеся, еле держащиеся на ногах, они шли туда, куда им было указано.

Старые, огромные, недолго пустовавшие – судя по запаху – пакгаузы стали заполнять новым «товаром». Через них не раз проходили, вероятно, мужчины и женщины, пересылавшиеся из одного лагерного пункта в другой. За этими переселенцами с особой бдительностью наблюдала бесчисленная вооруженная охрана. Серо-черные толпы, одетые в одинаковые стеганые штаны и телогрейки, не разберешь – мужчина или женщина, одинаковые шапки-ушанки на голове, страшного вида обувь, меньший размер которой был сороковой. Редко у кого оставалось что-то свое из одежды.

На очереди была вшивая баня. Все окна в ней были разбиты. Когда же одежду сняли и отдали в дезинфекцию, холод стал просто невыносимым так же как и усталость и чувство голода. Из дезинфекции одежду вернули мокрой и вонючей. Многие простудились и заболели. Мили, которая все еще страдала от головной боли, была теперь в жару. Подруги уговаривали ее пойти в амбулаторию, но у нее не было сил встать. Тогда Маня пошла и привела врача, тот постоял рядом, пощупал пульс, сказал что-то вроде: «Ничего, пройдет», - и ушел, оставив ей какой-то порошок, но воды, чтобы проглотить его, не было.

Мили была в таком состоянии, что уже не сознавала, сколько времени этот драгоценный «товар» находился в пакгаузе. Ее друзья

по несчастью старались, как могли, облегчить ее страдания, но что они могли сделать? Некоторые пожертвовали ей часть своего скудного водного пайка, и много было сказано ласковых слов в желании как-то утешить ее. Затуманенный мозг Мили навсегда удержал в памяти эти слова – идущие, казалось, откуда-то издалека, они падали как капли теплого летнего дождя в душу. В пакгауз принесли сразу много хлеба, и все догадались, что им предстоит какой-то долгий путь. Хлеб этот был похож на чернозем после обильного дождя. Мили все это было безразлично, ее даже удивляло, как можно об этом говорить так много – ее не интересовало ни настоящее, ни будущее.

Громкая грубая команда: «Собирай вещи!» - Значит, опять в дорогу. Мили не двинулась с места. Все умоляли, уговаривали ее встать. «Нет, не могу, нету сил,» - были единственные слова, которые она смогла произнести. Со слезами друзья по несчастью прощались с Мили. У всех женщин теплилась надежда, что ее возьмут в больницу в Архангельске. Но все вышло по-иному.

Страшный, огромный, полутемный пакгауз опустел. Лишь одно единственное человеческое существо где-то в углу, в страшном жару и с ужасной болью в голове и в желудке находилось в нем на грани жизни и смерти. В разгоряченном мозгу Мили бились сильнее и сильнее два слова: одиночество и смерть.

- Не хочу умирать, я должна жить, должна одолеть смерть, но как? Если никто сюда сейчас не придет, я умру.

Кто-то вошел в эту темноту и приблизился к Мили.

- Почему вы здесь, кто разрешил остаться?

- Я больна, не могу идти, - ответила Мили. Охранник ушел и вскоре вернулся с тем человеком, который назывался врачом.

- Надо идти, это пересыльный пункт, здесь оставляют только мертвых. Быстро собирай свои вещи и шагай к своим. – И Мили встала, откуда-то пришли на память слова: « Встань со своего одра и иди!» - она напрягла память, стараясь вспомнить откуда эти слова, но так и не вспомнила.

Врач ушел. Охранник оставил свое ружье у дверей и начал собирать постельные принадлежности Мили, где-то нашел веревку и тщательно все перевязал. Даже чемодан был перевязан веревкой, так как замки на нем не работали. Отправились в путь по мокрому

снегу. Мили была еще в своей тбилисской летней обуви, которая не была предназначена для такой прогулки и сильно уже поизносилась – пожалуй, лучше было идти босиком. Сопровождающий оказался сердобольным малым, проходившим военную службу. Он нес чемодан и тюк Мили и старался разговором отвлечь ее от тяжелой дороги. Она усмехнулась в душе: паренек не знает, какого опасного политического преступника ему поручено сопровождать!

Друзья Мили с большой радостью и облегчением снова взяли ее под свою опеку. Расставание с нею доставило им много горьких минут.

Ледяной ветер дул с моря. Женщины стояли под открытым небом, тесно прижавшись друг к другу. Не было никакой защиты от бешеных порывов ветра, также как и не было защиты закона собственной страны. У пристани стоял пришвартованный пароход, но почему же заставляли стоять и мерзнуть, почему не грузили на пароход?

День клонился уже к сумрачному осеннему вечеру, когда заключенных в алфавитном порядке стали поднимать на палубу. Какая бы поднялась тревога, если бы одной не досчитались, если бы Мили осталась там, в темноте пакгауза! Женщин стали спускать в трюм, и, когда пришла очередь Мили, ее охватил ужас при виде этой глубины. Темная яма – преисподняя! Но ведь туда посылают только больших грешников, неужели все эти женщины заслужили такую жестокость?

Спуск по железной лестнице отнял у Мили последние силы и она свалилась на грязный пол трюма. Она не знала, кто втащил ее на нижние нары трехэтажного устройства, ее постель и так называемый чемодан последовали за ней, хотя в том состоянии, в каком она была, ее земное имущество ее не интересовало.

Трюм находился вблизи от машинного отделения. Неужели Бог хотел наказать их еще шумом и запахом, исходящим от работающих машин? У многих началась рвота, как с этим справиться? Не было никакой посуды, и рвотные массы текли с третьего этажа нар на первый и на пол. У Мили тоже началась рвота, и с каждым ее приступом ей казалось, что череп ее не выдержит и разлетится на куски. Качка усилилась, Белое море схватило эту старую лоханку в свои суровые объятия. В трюме рвали, стонали, кричали,

молились и проклинали. Не было уже таких, кто мог бы выйти на палубу, умыться и почиститься. Ледяная вода бушующего моря перехлестывала через палубу, проникала в трюм. Когда уже никто не мог вылезать из трюма, пассажирам спустили парашу, которая быстро заполнилась. Нет на свете слов, чтобы описать весь этот кошмар и запах, стоявший в трюме. Но это было еще не самое страшное. Позади осталось Белое море и при входе в Баренцево эти две могучие силы вступили в единоборство, стараясь каждая со своей стороны перевернуть пароход. Качало с одного бока на другой, с носа на корму и снова с боку на бок.

Миля почти все время была без сознания. Когда на какой-то момент наступало просветление, она как в тумане видела перед собой то одно, то другое знакомое лицо, склонившееся над ней. «Все имеет конец и милость Господняя бесконечна,» - поется в церковной песне. Морской вояж кончился, но, что касается милости Господней, ее вряд ли почувствовали несчастные пассажирки. Что это была за пристань, никто не знал. Трюм разгружали с помощью солдат, так как многие не в состоянии были сами подняться по железной лестнице. Путешествие, однако, еще не кончилось. Теперь всех погрузили на баржу, и опять на самое дно. Плыли не по морю, а по реке, против ее течения, и никто не знал, что это за река. Мили уже не в состоянии была двигаться самостоятельно, и ее перенесли на баржу на носилках. Спустить носилки вниз, в пасть трюма, оказалось невозможным, и их вместе с Милей оставили на палубе. Охранники, наверное, думали: «Какая разница – все равно до утра не доживет.» В алфавитном списке зачеркнут фамилию, поставят крест и число – и дело с концом.

Ветер и здесь начал играть носилками, на которых лежало существо, не способное защитить себя от его порывов. Постепенно ветер перешел в бурю, но Мили была на палубе не одна: черное небо и ночная темнота охватила двух одиноких женщин – одна была без сознания, а другая лежала на ней крестом, чтобы уберечь ее от безжалостных порывов бури, чтобы удержать на ней одеяло и согреть ее собственным скудным теплом. Хрупкая, голодная, маленькая Маня! Какая огромная сила была в ее самопожертвовании. какая возвышенная человеческая душа! Без своего «ангела-хранителя» Мили не дожила бы до утра.

Дряхлый пароходик пыхтел изо всех сил, таща баржу против течения. И баржа и пароход видели десятки раз как осень переходила в зиму. Приходилось ли им когда-нибудь перевозить такой груз – измученных женщин?

Какая-то пристань в устье реки – это была Печора – приняла этот караван. Река еще не покрылась льдом, но шуга плыла уже по ней. Вероятно, к этой пристани не подошли бы, но то ли начальник этапа хотел отделаться от полуживой женщины, чтобы не иметь с ней хлопот, то ли – кто знает – пожалел ее и решил устроить как-нибудь получше, и Мили была спущена на берег. Один из новорожденных городов Советского Союза должен был принять это существо, находившееся на пороге смерти. Этот город назывался Нарьян-Мар и являлся столицей Ненецкой автономной области.

Ненцы или самоеды, как их раньше называли, уже тысячами лет жили в этих суровых местах на берегу Ледовитого океана, занимаясь рыболовством, охотой и оленеводством. Вряд ли этот маленький народ раньше мечтал получить столицу, да и не очень в этом нуждался. Не было у них понятия о городах и селах, так как они постоянно передвигались с места на место в ритме времен года. Но Нарьян-Мар был необходим другим, и в начале 30-ых годов там построили аэродром, откуда самолеты летали к Северному полюсу, на Новую Землю и на другие острова, где были оборудованы научно-исследовательские станции и где проводили геологические изыскания. Лагерь для заключенных поблизости не было, это и понятно, так как здесь велась только научная работа, может быть, даже и секретная.

Мили привезли в маленькую больницу, но она этого уже не сознавала. Больница была оборудована для летного состава и ученых, работавших в той местности на островах Баренцева моря. В этом Мили очень повезло. В помощи не отказывалось ни ненцам, коми, которые старались как можно меньше пользоваться услугами врачей, а больше верили своим шаманам.

Мили окружили заботой, хоть она и этого тогда не понимала. Удобная чистая постель стояла у хорошо натопленной печки, выкрашенной в белый цвет. Все кругом было чисто, бело и тихо. Одетые в белое люди хлопотали около нее, но ей это не мешало. Слова приходили откуда-то издалека, не задевая ее сознания. Она

не знала, что с ней делали –поили, кормили – в памяти ничего не оставалось. Иногда доброта людей, ухаживающих за ней, уходила куда-то и ее место заступал кошмар. В большой железной клетке рядом с ее кроватью сидела огромная горилла, она протягивала длинные волосатые лапы с огромными когтями, стараясь схватить беззащитную Мили. В открытой отвратительной пасти были видны страшные клыки, выпученные глаза смотрели на Мили с угрозой. Мили кричала, умоляла, чтобы убрали это чудовище, но, наверное, ее голос не был слышен, а взгляд ее был направлен на что-то, чего другие не видели. Никто не понимал ее речи, может быть даже, она говорила не по-русски!

Однажды утром она вдруг услышала по радио бой Кремлевских курантов, но не сразу узнала его. Звуки напоминали ей что-то знакомое, что-то далекое. Где она – В Москве? О, Боже, дай мне силы понять, вспомнить, молилась Мили.

Потом, словно со дна глубокого моря, стали появляться знакомые лица: Андро, Нина, Симонико, Маня. Где они все? Почему они не слышат ее? Она закричала, но разве это был ее голос? И вообще, разве это был ее голос? И вообще, разве это был голос? Какое-то хрипение, она сама не понимала, что это было. Может быть, она просыпалась или наоборот засыпала. «Нет, нельзя спать, надо проснуться раз Куранты бьют, значит это утро. Мили открыла глаза – как странно, что они открываются! Так странно просыпаться! Взгляд освободился из-под тяжелых век, она увидела белый потолок, белую стену, кровать, и еще одну, и еще много кроватей, на каждой из них кто-то лежал. Она устала смотреть и глаза закрылись, но слух проснулся. Она услышала мягкие шаги у постели, теплая рука коснулась ее лба и незнакомый ласковый женский голос произнес совсем рядом:

- Ну как поживаем, как видно, лучше?

- Где я нахожусь? – спросила Мили и снова открыла глаза.

Одетая во все белое, у ее кровати стояла женщина. Выражение ее лица было спокойным, приветливым, и Мили показалось, что такое лицо у этой женщины было всегда.

- Это больница, вы находитесь на лечении. Самое плохое позади, теперь начинается выздоровление.

Больница – это она и так поняла, все здесь было так, как должно

быть в больнице, но на каком месте Земного шара находилась эта больница? Как она сюда попала? Сколько времени находится здесь?

Мало-помалу память начала возвращаться. Была долгая дорога, много женщин, черное небо, холод, буря и страшная головная боль. Или все это было во сне? А Маня – где же она? Сестра сказала, что ее провожала женщина с красивыми глазами, не русская, попросила, чтобы о Мили заботились, плакала, поцеловала ее на прощанье, хотя ей это и запретили. Затем плачущая провожатая отправилась с охранником на моторной лодке обратно на баржу. Им предстоял еще длинный путь вверх по Печоре к лагерю для заключенных. Больше Мили ничего не могли сообщить.

Но чем же она больна? Есть ей давали очень мало, без хлеба, только бульон, какой-то сок и чай, который она не могла пить, потому что он казался ей слишком сладким. По этой же причине и кисель оставался невыпитым. Даже морковь казалась состоящей из одного сахара. Наконец, сестры поняли, что организм больной не принимает сахара, и стали давать ей все несладким: какао, кисель, чай. Так продолжалось пару месяцев, и вдруг ночью она проснулась от нестерпимого желания поесть чего-нибудь сладкого. Утром сестра принесла ей полную глубокую тарелку кускового сахара – ее порцию за два месяца, которую ей сберегли. Мили съела всю тарелку. На другой день ей принесли клюквенного варенья – Мили вдруг страшно его захотелось – сестра сказала, что скоро она совсем поправится.

Все время, пока Мили была без сознания, она держала руку на сердце и, когда хотели убрать ее руку и положить на одеяло, она сопротивлялась, волновалась и сейчас же клала ее обратно на грудь. Как-то, открыв глаза, она увидела свою руку на одеяле. Она с ужасом смотрела на нее и шептала: «Уберите эту руку скелета!» Где-то в подсознании кто-то словно говорил ей: «Держи руку на сердце, если снимешь ее – сердце твое уйдет.» - Это она все время помнила. Гориллу тоже убрали, она больше не угрожала Мили. «Руку на сердце, день и ночь надо все время держать, чтобы не умереть.»

Приветливая женщина, старшая больничная сестра была, как рассказали Мили, из потомков князей Долгоруковых, которых Петр-1 сослал в эти немислимые места. Мили часто спрашивала

сестру, что это была за болезнь, которая привела ее в такое ужасное состояние? Но сестра делала вид, что не слышит, и заговаривала о другом. Главврач больницы- фамилия его была Сурминский-высокий, сухопарый, давно уже миновавший первую молодость человек, еще до революции работавший в этом суровом крае, всегда разговаривал с Мили ласково, шутил, но тоже не собирался сообщать ей ее диагноз. Она все еще была очень слаба и без посторонней помощи не могла даже поворачиваться с боку на бок. Не хватало сил есть самостоятельно, ее кормили, а когда она пыталась взять ложку в руку, то ложка вываливалась из ее бессильных пальцев. Однажды в больнице появилась новая молодая сестра. Она, очевидно, не знала, что от Мили скрывают ее диагноз. Мили попросила сестру показать ей историю болезни и прочла в ней : *Typhus abdominalis*. Что это – она знала, но кроме этого было еще воспаление легких, а также пеллагра. Вскоре она узнала, что эта за болезнь. Большинство погибает от нее, а тот, кто выживает, страдает всю жизнь желудочно-кишечными заболеваниями или, самое страшное, остается слабоумным. Коричневые пятна, оставшиеся у Мили на руках - не беда по сравнению с тем, чтомогло бы быть.

Температурная кривая делала отчаянные скачки: то вверх до сорока, то вниз до тридцати четырех с небольшим. Постепенно температурная пила стала выравниваться. Мили пыталась читать, но руки быстро уставали и роняли тяжелую книгу. Зрение тоже подводило, и врач запретил ей читать. Как-то принесли газеты, и молодая сестра, не зная о запрете, дала их Мили.

Что за абсурд? Неужели газета врет или у Мили снова кошмар? Снова и снова перечитывала она одно и то же предложение, где говорилось, что Финляндия без объявления войны напала на Советский Союз. Нет, это невозможно! Как маленькая страна осмелилась напасть на такую огромную и хорошо вооруженную страну? Неужели финны сошли с ума?! Про Маннергейма всегда говорили, что он умный мужик, неужели он спятил? Или, может быть, это все неправда или Мили сама спятила и чего-то не понимает? Усталые мозги лихорадочно заработали: как же там, в Финляндии? Старший брат Паули и Вильхо –единственный сын сестры, двоюродные братья и племянники – почему их послали умирать и страдать или остаться калеками на всю жизнь? Чья пуля убьет



финского мальчика, мужчину? Мили вспоминала знакомые имена, русские и грузинские. Но ведь пули летят в двух направлениях! У сестер Андро сыновья – может, кто-то из них умрет с финской пулей в груди? Почему жизнь так несправедлива, абсурдна и жестока?

В этой больнице, где Мили спасли жизнь, знали, что она финка, но с ней обращались как с очень тяжелой больной и никто никогда не намекнул, что она из той страны, которая напала на Советский Союз. Главврач задавал тон всему медицинскому персоналу, он не забыл клятвы Гиппократы, которая обязывает помогать всем, нуждающимся в помощи, независимо от того враг он или нет. Из НКВД неоднократно спрашивались о здоровье заключенной и настаивали на ее выписке. Врач же настаивал на своем праве выписать больную тогда, когда он найдет это возможным.

Мили чувствовала, что она начинает поправляться и крепнуть. В этом далеком северном городишке она получала такие деликатесы – как виноградный сок, мандарины и красное вино. Сидеть она еще не могла, но на бок поворачивалась без посторонней помощи. Есть она тоже научилась сама, тарелку ставили ей на грудь, и она отлично с этим справлялась.

По вечерам температура все же упрямо повышалась, а утренняя всегда бывала ниже нормы. Гемоглобин стал повышаться, от смертельно опасного до опасного не смертельно. Прошло еще порядочно времени, пока Мили сумели поставить на весы, которые показали 36 килограммов, что было немногим больше половины ее прежнего веса. Мили смотрела на свои руки и ноги и видела, что сухая, безжизненная кожа покрывает отвратительный скелет. Ненка, которая лежала с ней в палате, с удивлением сказала однажды:

- Какой у тебя большой нос!

Мили дотронулась до носа и почувствовала, что он, действительно, большой. Как же это могло случиться? Ведь ей всегда говорили, что у нее маленький, красивый нос! Как-то, когда ее мыли, и ненка увидела ее плоское как доска тело, она спросила:

- Что это – парень или девка?

Мили не покидала тревога о дочери и она часто плакала. Сестра, узнав причину ее слез, посоветовала написать письмо, но Мили побоялась, да и по какому адресу писать? Ведь за эти ужасные два года многое могло случиться. Посоветовались и, наконец, Мили

все же решилась. Она не узнавала собственного почерка – пальцы столько времени не держали ручку – к тому же, она плохо видела. Старшая сестра добавила пару слов от себя и отправила письмо в Тбилиси младшей Милиной золовке. Настали бесконечные и томительные дни ожидания. Однажды утром сестра вошла в палату радостная с письмом в руках. По совету главврача письмо открыли, прежде чем показать его Мили, и так как там ничего печального не было, передали ей.

Если Нина писала правду, то все, действительно, сложилось у нее хорошо. Она вернулась из Москвы в Тбилиси, живет в своей комнате, нашла работу и даже где-то учиться. Письмо, конечно, успокоило материнское сердце, так же как успокоилась и дочь, узнав, что мать жива. Мили была до слез тронута тем, что Нина прислала ей немного денег, и теперь она могла купить себе то, что ей хотелось, а больше всего ей хотелось клюквенного варенья.

Радость, желание жить охватили все ее существо. Надо победить болезнь, надо выдержать все испытания, которые ждут ее в будущем. Будущее – это шесть лет, и за это время все может случиться, но все надо преодолеть.

Газеты, которые попадали ей в руки, приносили лишь тревогу и страх. Война с Финляндией продолжалась, морозы были страшные, Мили мучали мысли об этой войне. Наступил 1940 –ой год. За стенами бревенчатой больницы трещал мороз, а внутри было тепло и даже уютно. Теперь Мили можно было есть почти все. Пища была хорошая, и она чувствовала как силы ее прибавляются, хотя ноги еще подводили ее, плоха была на них надежда.

В марте, как будто, появились первые признаки весны, а может это ей хотелось думать, что идет весна: небо было чистое, голубое, белый снег блестел в солнечных лучах, но сугробы еще не хотели им поддаваться. Настал день, на который была назначена выписка Мили из больницы. Полгода, проведенные здесь, были как подарок. Бессознательное состояние, в котором она так долго находилась, позволило ей уйти от своих мыслей, не жить, а только быть. Страдало ли тело, страдала ли душа в это время – она не знала. Единственный ее страх тогда был – горилла, единственная обязанность – держать руку на сердце. Прощание с больницей было грустным. Слезы блестели у сестер на глазах, никто Мили

ничего не пожелал, а главврач похлопал ее по костлявому плечу. Что можно было пожелать человеку, который отправлялся в лагерь для заключенных?

Маленькие сани – кроме кучера в них мог поместиться только один седок, хорошая лошадка, вооруженный охранник за кучера, впереди двести с лишним километров пути. Седоком было жалкое, ни на что не похожее человеческое существо – заключенная, одетая в свое собственное коричневое осеннее пальто, с арестантской серой ушанкой на голове, перевязанной сверху шерстяным платком, захваченным еще из Тбилиси. Перед выездом охранник предложил ей надеть арестантский бушлат, но он выглядел таким страшным и засаленным, что Мили отказалась, по опыту зная, что он окажется полон насекомых. Валенки она все же надела, хотя они были драные и вонючие, размером на большую мужскую ногу, за свою жизнь впитавшие, наверно, грязь десятков ног. Мили хотела взять с собой все свои постельные принадлежности, так как они оченьгодились бы ей в пути, но охранник не позволил и сказал, что все будет привезено ей позже, но, конечно, вещей этих никто ей не привез, и в последний раз она видела их в этом столичном городе. Старшая сестра дала ей перед отъездом большой кусок марли и, обмотав им лицо и шею под воротником, Мили стала, вероятно, похожа на мумию. Тронулись. Безжалостный ветер, дувший с Ледовитого океана, пробивался сквозь все швы, петли, пронизывал насквозь. Мили казалось, что под его порывами она постепенно превращается в лед. Кучеру было хорошо в его тулупе, мохнатой меховой шапке и рукавицах, а в кармане у него была фляжка, к которой он часто прикладывался.

Неизвестно каким образом сани вдруг так качнулись на этой совершенно гладкой снежной равнине, что Мили выпала из них. Прежде, чем она успела сообразить что случилось, сани были далеко от нее и уносились все дальше. Захмелевший кучер и не заметил, как сани опустели. Несчастливая арестантка беспомощно барахталась в снегу, стараясь подняться, но безуспешно. Она кричала, сколько было силы, но ветер уносил ее слабый крик в сторону. Мелькнула мысль, что это конец всему – если волки не успеют, то мороз убьет. Она предпочитала последнее. Ожидая своей смерти, она увидела, что лошадь остановилась и, хотя кучер

кричал и хлестнул ее кнутом, она не трогалась с места. Животное оказалось умнее человека. Через некоторое время она повернула и остановилась возле Мили, терпеливо ожидая, пока та с трудом, из последних сил вскарабкивается в сани. Кучер ругался, проклинал Мили, а заодно и лошадь. Он был настолько пьян, что не соображал, что сам бы попал под суд, не привезя заключенной ни живой, ни мертвой! И снова чуть было не потерявшийся политический преступник сидел в санях, окоченевший почти до бессознательного состояния. Внезапно какой-то звук проник в затуманенный мозг Мили: лошадь заржала, кучер стал понукать животное, которое и без его понуканий прибавило шагу, Мили посмотрела вокруг и увидела несколько домов, до самых окон занесенных снегом. Дома были высокие, старинные, бревенчатые, почерневшие от времени. Прибыли в какой-то населенный пункт. Лошадь остановилась перед крыльцом, очевидно, знакомым ей. Кучер спрыгнул с козел, рожа красная от мороза и избытка выпитого.

- Ну теперь можешь согреться, одежда –то твоя не очень-то ... Я бы тебе на дорогу дал стеганные штаны, но ты и их не наденешь, коли бушлат не надела, они бы и сами без тебя пошли, - и он засмеялся.

Несколько ступеней показали Мили неодолимым препятствием, ей пришлось опуститься на четвереньки и так вскарабкаться на крыльцо- спасибо еще, ее чемодан понес охранник. Она с трудом поднялась на ноги, чтобы открыть двери. Дверной проем был очень низким, и надо было наклониться, чтобы войти в сени. Вдруг открылись другие двери, и на фоне светлого проема Мили увидела молодую женщину и услышала приветливый голос, певучую русскую речь, не слышанную ею ранее. Женщина пригласила Мили войти, ей не нужно было спрашивать, кто ее гостя, достаточно было видеть охранника с ружьем и в шинели, надетой под тулупом. Она посадила Мили у самой печки на скамью, покрытую шкурой. Мили захотелось спать, волны тепла от печки окутывали заочневшее тело. Хозяйка опустила на колени и стала стягивать с нее страшные валенки, сняла верхнюю одежду, размотала марлю и все время охала и охала – как можно было послать человека в дорогу в такой одежде. Она говорила тихим голосом, по-русски, но Мили не все понимала – наверное, слишком устала. Человек с ружьем куда-то исчез, и Мили с хозяйкой остались

вдвоем. Молодая женщина пригласила «гостью» к столу, но та отказалась от еды, и тогда хозяйка постелила на лавке у печи овчину, и Мили почувствовала блаженство, положив голову на большую пуховую подушку. Сверху ее прикрыли еще одной шкурой, и Мили удалилась из жизни в ласковые объятия спокойного сна, хотя обе шкуры – снизу овечья, сверху волчья – кадили ей в нос каждая своим запахом.

Долго ли она спала, она не знала, но так сладко она не спала никогда в своей жизни. Проснувшись она от мягкого голоса, казавшегося ей песней: « Теперь время трапезничать, просыпайся, уже ночь подошла», - звала ее хозяйка и добавила, что кучер, захмелевший, спит в соседней избе и вряд ли проснется и утром.

Мили барахталась между двумя теплыми шкурами, стараясь освободиться от мехового тепла. Наконец, она села за стол и осмотрелась удивлением – возможно ли, чтобы время отодвинулось лет на двести-триста назад? Хозяйка одета так, как одевались в старину – Мили видела такой наряд только на картинках. Волосы ее были убраны под чепец, вышитый бисером и крестиком, широкие белые рукава рубашки были похожи на крылья лебедя, подол сарафана, доходившего до щиколоток, был вышит русским узором. Мили смотрела вокруг, очарованная. В другой горнице, куда дверь была открыта, она увидела в углу большие старые иконы, которые были, наверное, свидетелями счастья и невзгод многих поколений.

Хозяйка доставала из печи вкусную пахнущую еду в глиняной посуде, пирожки с картошкой. Мили попросила пить, и вода была ей поднесена в старинном серебряном ковше, украшенном чеканным цветочным орнаментом такой изумительной красоты, что Мили, как ни мучала ее жажда, все никак не могла поднести его к губам, любуясь этим чудом. Самовар пел свою ласкающую песню. Сказка – наверное, это только сказка или сон, и наступит пробуждение в вонючей тюремной камере. Но нет, это была действительность, короткий отдых, оставивший в душе неизгладимый след. Не сном, а правдой было и то, что хозяйка этой избы происходила из старого боярского рода Сумароковых, сосланных так же, как и Долгоруковы, Петром в эту даль. Верные своим старым обычаям, сохранив свой язык, не попавший под влияние современности, они занимались теперь рыболовством, охотой на пушного зверя, земледелием,

плодами которого природа не баловала их в этих северных широтах, держали коров, лошадей, овец.

Тундра, холодные ветры в Ледовитого океана, жестокие морозы прославили эти места перековки непокорных. Вероятно, тогда, в те времена начала свою жизнь пословица «дальше едешь – тише будешь», которая и по сей день имеет тот же смысл.

Около полудня следующего дня охранник пришел торопить Мили в дальнюю дорогу. С похмелья он был в плохом настроении и начал опять ругать и проклинать ее, будто она была виновата в том, что так поздно отправлялись в путь. Еще накануне вечером Мили заметила на лавке папку с документами, которую охранник спьяну забыл забрать с собой. Утром, пока хозяйка занималась своими делами, Мили перелистала свое *curriculum vitae*, и тут же к своему ужасу обнаружила, что в истории ее болезни, помимо всего прочего, фигурировала активная форма туберкулеза. Это звучало почти как смертный приговор. Какое лечение можно получить в условиях лагеря? Мили так привыкла уговаривать себя, что все надо преодолеть и победить! Если она перенесла все, что уже выпало на ее долю, то должна преодолеть и это!

Маленькое село под названием Городок осталось позади со своими старинными домами и издалека мелькало окошками, в которых играли солнечные лучи. Добрая хозяйка дала Мили еды на несколько дней пути, но по дороге вся еда замерзла.

Гладкая снежная равнина начала превращаться во что-то слабо напоминающее лес. Тонкие, ветром подбитые кривые деревья по обе стороны дороги стали попадаться все чаще, и чем дальше продвигались вдоль берега Печоры, лес все больше походил на лес. Кучер, очевидно, забыл важность своей миссии и начал даже петь, потом внезапно замолк, чтобы не терять своего достоинства, но через некоторое время снова затянул какую-то невеселую песню. Редко, редко встречались по пути избы. Лошадь, умное животное, раньше, чем кучер и седок, догадывалась о приближении жилья, она ускоряла шаг и начинала ржать. Ночлег получали без расспросов. Избы были невероятно натоплены, полны детей, а мужчин встречали очень редко. При появлении приезжих ставили большой самовар и, хотя вопросов не задавали, все же интересовались, из каких краев «гостья»?

- Из Грузии, - но в этих краях мало кто знал, где находится Грузия, хотя это и знаменитое место – ведь Сталин был оттуда родом.

Усталость, холод, слабость. Сколько может человеческое существо бороться за свою жизнь? Физические страдания загушевывались душевными муками. Где Андро, жив ли он? Мили думала, что ее страдания – ничто по сравнению с тем, что выпало на его долю. Если он жив, то жизнь его должна быть настоящим кошмаром – это Мили ясно себе представляла. А Нина – если она еще находится на свободе – как она справляется с жизнью? Слово «свобода» - чудесное, дорогое слово, но как могла она, дочь «врагов народа», для которой борьба за существование была такой трудной, чувствовать всю прелесть этой свободы?

## 12. НОВЫЙ ЛАГЕРЬ – «НОВЫЙ БОР»

Наконец окончился и этот путь, длившийся несколько суток. Миля прибыла в лагерь, который назывался «Новый бор». Это был центральный лагерь, самый большой в тех местах, и вокруг него, в радиусе 50-70 – ти километров располагались три лагеря поменьше. Миля пришлось побывать в двух из них – Медвежке и Росвино, а третий лагерь остался ей незнакомым. Эти маленькие лагерные пункты даже не назывались лагерями, а назывались фермами, но жизнь в них не становилась от этого легче. На этих «фермах» занимались животноводством и выращивали овощи. Продукты животноводства и овощеводства отправляли по Печоре и ее притокам в Воркуту, за много километров от Нового Бора, в места, которые вызывали страх и ужас заключенных. Из Воркуты Новый Бор и фермы получали муку, соль, сахар и другие продукты, а также лекарства. Зимой сообщения с Воркутой не было. Фермы эти образовались в те времена, когда на Север переселили раскулаченных крестьян из России и Украины и тех, кто не хотел вступать в колхозы. Вместе с семьями их привезли в эти края на баржах, высадили на берег, дали пилы и топоры и сказали: «Стройте и живите». Они строили, зимой боролись с морозами, а летом с тучами комаров. В двадцатых годах там были организованы большие совхозы, а в тридцатых их соседями стали лагеря для заключенных, которые днем работали в этих совхозах, а ночью спали на своих лагерных нарах под замком.

Коренными жителями этой местности были коми, родственник финнам народ. Деревнями назывались уже такие населенные пункты, где было всего два или три дома. На расстоянии 20-30-ти километров находилась соседняя деревня со стольким же числом домов. Коми промышляли пушного зверя, а реки и озера их были полны рыбой. Лето здесь, правда, короткое, зато по ночам светло, как днем, и этот круглосуточный свет позволял выращивать великолепные овощи – картошку, морковь, капусту, репу, а также турнепс для скота. Трава растет здесь быстро, как в сказке: если утром она доходит до щиколотки, то вечером уже до колена. Она достигает высоты человеческого роста, сочная и питательная для



коров.

Этот новый лагерь, куда Мили привезли, имел все характерные признаки места заключения: высокий забор, четыре вышки с вооруженными охранниками и будку у ворот; сколько же здесь барачков и какие они, Мили не успела заметить, так как сразу же попала в лагерную больницу. Там уже она узнала, что в лагере этом содержались и политзаключенные, мужчины и женщины, и уголовники-мужчины, но их было немного и со сравнительно небольшими сроками.

У крепких ворот охранники тщательно проверили все Милины документы. Им было все равно, чью человеческую жизнь сопровождают эти документы, и даже из любопытства никто из них не взглянул на новую арестантку. Такое безразличие очень устраивало Мили – она так устала и так была подавлена, что не смогла бы ответить ни на один, самый простой вопрос.

Лошадь остановилась перед зданием, внешний вид которого не вызывал тревоги – это как раз и была больница для заключенных. В бумагах Мили было врачебное свидетельство, подписанное главврачом нарьянмарской больницы, в котором перечислялись все ее болезни и предписывался еще надолго больничный режим. Все это подтверждалось солидными печатями, хотя, казалось, один вид этого шатающегося, с пепельным лицом существа мог бы служить достаточным свидетельством его состояния. Измученная холодом и высокой температурой, поднявшейся в пути, Мили мечтала только о том, как бы поскорее добраться до постели. Ее ввели в помещение, напоминавшее баню или ванную комнату, раздели, помыли, дали чистое белье и проводили в маленькую палату, где стояли всего две кровати. Какое это было наслаждение – лечь в чистую постель под теплое одеяло и положить голову на настоящую подушку, однако, по-настоящему оценить это блаженство она смогла только через несколько дней, когда немного пришла в себя. Вторая кровать в палате пустовала. По мере того, как температура у Мили повышалась, обе больницы – и нарьянмарская и здешняя перемешались в ее сознании. В этой маленькой палате она провела несколько месяцев. Врачи, сестры и санитарки здесь были заключенными. Только главврач больницы, Эсфирь Моисеевна, была женой начальника лагеря. О начальнике доходили до Мили недобрые слухи и она была

довольна, что болезнь не давала ей возможности познакомиться с ним поближе. Он был, очевидно, из тех бюстителей советского закона, которые, желая подчеркнуть свою преданность, слишком рьяно выполняют служебные обязанности.

Постепенно руки и ноги Мили приобрели более живой вид. Каждый день она пыталась делать какие-то упражнения, со стороны выглядевшие, наверное, смешными. Она старалась подготовить себя к выходу из больницы, зная, какие трудности ей придется еще испытать.

Однажды главврач, присев у постели Мили, спросила ее:

- Что вы умеете делать?

Мили сразу не нашла, что ответить, и подумала про себя : «А действительно, что же я умею?»

- Я думаю, вам понятна лагерная жизнь: здесь- кто не работает, тот не живет. Ваше знание языков здесь не ценится, а наоборот – чем меньше вы их знаете, тем лучше для вас. Вышивание тоже не в почете – это не мордовский дом отдыха. Здесь не делают различия между мужчинами и женщинами, здесь всякая работа тяжелая, даже на кухне. Я много думала о вас, как сохранить вам жизнь и, кажется, придумала.

Мили с удивлением смотрела на врача. Все, что она говорила, все эти участливые слова звучали как-то нереально в этих стенах. Однако, постепенно до ее сознания стало доходить, что эта гуманная женщина, еврейка, понимала всю несправедливость происходящего здесь, понимала, что заключенные в лагере люди являются жертвами, а не преступниками. Безжалостное отношение начальника к заключенным, безмерно тяжелая работа, которую они выполняли, не были для Мили секретом. Из больничного окна рано поутру она видела толпу ослабевших, спотыкающихся людей у ворот. В алфавитном порядке, по одному, люди исчезали за воротами. Поздно вечером, еще более уставшие и жалкие, они возвращались, иногда поддерживали друг друга, чтобы не упасть. И эту картину Мили наблюдала из своего окна ежедневно, но еще более жалко выглядели люди, когда шел дождь или снег, или дул ветер, а это бывало нередко.

- Ну скажите, есть у вас какая-нибудь профессия? Умеете вы делать хоть что-нибудь? Я же не могу оставить вас в больнице на

весь ваш срок!

- Я и не хочу болеть все время, я хочу жить, - ответила Мили и слезы потекли по ее щекам.

Эсфирь улыбнулась:

- Конечно, потому я вас и спрашиваю. Языки, шитье, вышивание – все это для салонных дам, а я хочу вас превратить в фельдшерицу. Я наблюдала за вами, вы интеллигентная, образованная, я принесу вам книги, начнете изучать основы медицины, анатомию, уход за больными, выучитесь, как писать рецепты. Будете каждый день говорить мне, чему научились – времени у вас достаточно.

Мили слушала и не верила своим ушам. Она хотела сразу же наотрез отказаться, но Эсфирь не дала ей говорить.

- В здешних условиях требования не очень велики, а выбор лекарств так мал, что у вас не будет с ними никакого затруднения. Главное условие этой профессии, и вы наверняка сумеете – ласково говорить с больными, подбадривать и уговаривать их, что надо выдержать все для того, чтобы вернуться домой.

- Нет, нет - я не смогу, - пыталась отговариваться Мили, - ведь больной должен доверять тому, кто его лечит, кто ухаживает за ним. Как же я – разве мне станет кто-нибудь доверять?

Эсфирь строго посмотрела на Мили:

- То, что я вам предлагаю – единственное, что поможет вам выжить. Я могла бы завтра же послать вас на торфяные разработки – и кто-нибудь другой именно так бы и сделал, но через неделю вы получили бы бирку на большой палец – и в яму.

Что за бирка – Мили не поняла и не стала спрашивать, чтобы не обнаружить свою необразованность, а вот «яма» была ей понятна. Эсфирь Моисеевна придумала, как произвести Мили в фельдшерицы. Начальник вызовет Мили и спросит, знакома ли она с медициной? Мили должна будет ответить, что до приезда в Советский Союз она училась в Финляндии на медицинском факультете, который не успела закончить, но так как голым словам не поверят, будет создана комиссия с Эсфирью во главе, и Эсфирь задаст Мили несколько вопросов, на которые, она уверена, та ответит. В больнице же надо всем говорить о том, что она изучала раньше медицину, но делать это надо ненавязчиво, чтобы ни у кого не вызвать подозрений.

- Эту спасительную ложь будем знать только вы и я.

Под вечер за Мили пришел охранник, чтобы сопроводить ее к начальнику лагеря, такое приглашение вызывало тревогу не только у того, кого вызывали, но и всех окружающих. Мили была еще очень слаба, шаги ее были неуверенны, особенно трудным оказался подъем по лестнице. Охранник поторапливал ее и помогал, подталкивая сзади винтовкой. Только много времени спустя поняла Мили, какое легкорастапливаемое вещество – самолюбие и гордость человека. Ни подталкивания ружьем в спину, ни сопровождающие слова охранника не вызывали у нее чувства протеста.

- Что ты тут, чертова проститутка! Поднимай ноги, или ты бухая? Да не годишься ты начальнику в постель, и я не стал бы из-за тебя штаны расстегивать! Ну двигайся, кусок заразы!

Как могла – Мили двигалась, но не прибавляла шага, несмотря на то, что винтовка бодала ее в спину, как рога козла. Оказавшись наконец, перед столом большого начальника, Мили вдруг почувствовала себя уверенной в своих силах и готовой ответить на все вопросы. Она увидела: она не одна, тут же рядом сидела Эсфирь и сидела так, что только Мили могла видеть ее лицо. «Будь, что будет! – а что еще может быть хуже того, что есть?» - подбадривала себя Мили. Она выпрямилась, подняла голову и смело взглянула в лицо грозному начальнику. Начальник задавал вопросы, как и предвидела Эсфирь, и ответы Мили были такими, как они и условились. После каждого ответа Эсфирь едва кивала головой – кто бы мог подумать, что все это было заранее обыграно!

- Комиссия проверит вашу компетентность, - подвел итог начальник. Он нажал кнопку, вошел тот же охранник и препроводил Мили обратно в больницу, снова подталкивая ее и смачно ругаясь.

При вечернем обходе Эсфирь принесла медицинские книги, в которых подчеркнуто было все, что нужно было хорошенько запомнить: строение тела, кровообращение, пищеварительный тракт, функция мозга, оказание первой помощи и многое другое, о чем у Мили были самые смутные представления, а еще нужно было научиться различать признаки инфекционных заболеваний, грамотно писать рецепты – и Бог знает что еще. К счастью, в это весеннее время ночи были светлыми, память у Мили, хоть и ослабленная болезнью, была прекрасной.

В начале лета прибыла комиссия из Воркуты. Нервы Мили напряглись до предела, она даже пожалела, что пошла на такой риск. Эсфирь изо всех сил старалась поддержать ее дух, ее уверенность в себе. Много раз, когда все уже было позади, Мили, вспоминая испытание перед комиссией из высокопоставленных воркутинских начальников, поражалась, как смогла она его выдержать. Бодрый вид Эсфири и доброжелательная улыбка врача-заключенного помогли ей. Вначале, войдя в огромный, хорошо обставленный кабинет начальника, где заседала комиссия, Мили вновь почувствовала себя мышонком перед множеством больших котов, готовых вцепиться в нее в любую минуту. Знакомое, даже слишком знакомое чувство! Эсфирь стала задавать ей вопросы, которые следовали один за другим с такой быстротой, что никто из комиссии не успевал вставить ни слова. Когда этот экзамен кончился, Мили показалось, что ее вынули из петли, в которой она болталась все это время. Она не помнила, как добралась до больничной койки, ей не хотелось ни есть, ни пить, ни спать, она мечтала только расслабиться, всей душой почувствовать, какая тяжесть спала с нее!

На другой день ей объявили, что она должна начать свою работу в больнице. Это было нетрудно, так как на первых порах поручений ей не давали, она только сопровождала доктора Эсфирь на обходах и внимательно слушала, какие распоряжения та давала врачу-ассистенту. Все это было так ново, непривычно, что иногда казалось сном, но вскоре она настолько освоилась с делом, что Эсфирь стала давать ей назначения для больных. Вероятно, никто из больных не догадывался, насколько «зеленой» была медсестра, которая делала все с большим старанием и внимательностью. Жить ей разрешили в той же палате, где она была одна уже несколько месяцев. Однако вскоре получила соседку по комнате. Это была женщина лет под пятьдесят, очень высокая, черноволосая, с проникающим в душу взглядом почти совершенно черных глаз. Маргарита Романи – венгерка, была привезена сюда прямо из Москвы, из Бутырской тюрьмы, где она находилась недолгое время и потому не успела приобрести специфического арестантского вида. Лагерная жизнь ее началась только здесь, в Новом Бору, хотя познакомиться с тюрьмой она успела уже много лет назад, еще в молодости, у себя в Венгрии. Она была членом компартии Венгрии,

и когда в 1919-ом году на ее родине началась гражданская война, она, как героини Парижской Коммуны, произносила на баррикадах пламенные речи в защиту свободы, равенства и братства. Однако борьба коммунистов и рабочих Венгрии была проиграна, и тысячи людей были брошены в тюрьмы, среди них и Маргарита Романи. Она провела в тюрьме десять лет, а потом ее через Коминтерн обменяли на венгра, находившегося в Москве в заключении по обвинению в шпионаже. До какой-то степени Коминтерн заботился тогда о членах компартий, находящихся в тюрьмах и лагерях. Маргарита, которая работала в системе Коминтерна, жила в Москве, в доме, где располагались учреждения и квартиры членов этой организации. Когда в тридцатых годах, при очередной чистке партии многие, попавшие в Советский Союз путем обмена, были арестованы и запрытаны уже в советские тюрьмы и лагеря, Маргарита и другие были заперты в своих квартирах и просидели какое-то время под домашним арестом, а затем были переданы на Любянку и оттуда – в Бутырскую тюрьму.

Маргарита обладала острым природным умом, была прекрасно образована, ее гордая осанка и независимый вид производили впечатление даже на начальство.

У охранников, кроме водки, было одно-единственное увлечение в жизни, но исполнить свою мечту в тех условиях им было невозможно, так как за это следовало строгое наказание, и потому они, как лисы в винограднике, порочили женщин и, в частности Маргариту, за ее 180 сантиметров роста, смеясь над ней, как над неподходящим для себя объектом. Вся арестанская одежда была ей мала; подол черно-серого платья не доходил до колена, рукава чуть прикрывали локти. Она много раз просила начальника выдать ей вместо этого роскошного туалета кусок ткани, чтобы она могла сшить себе платье по размеру, но начальник избегавший вступать с ней в разговоры, оставался глух к этим просьбам. Однажды в лагерь приехала комиссия и зачем-то потребовала Маргариту в кабинет начальника. Маргарита предстала перед пораженной комиссией одетая в сероватые мужские кальсоны и такую же рубаху – единственные вещи, которые были ей впору, завязанные тесемочками на запястьях и на щиколотках, обутая в лагерные кирзовые ботинки, высокая, с длинными черными волосами,

которые она, в отличие от остальных женщин-заключенных, так и не срезала. Члены комиссии не выдержали и покатались со смеху, а разъяренный начальник приподнялся, опираясь на свой письменный стол и прошипел сквозь зубы: «Убирайтесь вон!» Позже он вызвал ее к себе и потребовал объяснений. Маргарита спокойно сказала ему, что она не могла появиться перед комиссией в платье, которое напоминало скорее купальник, и напомнила ему о своей просьбе выдать ей ткань для пошива приличной одежды.

Маргарита плохо говорила по-русски, но немецкий знала хорошо, они с Мили быстро подружились, и разговоров им хватало до поздней ночи. Спустя много лет, уже по возвращении домой, Мили жалела о том, что не было тогда возможности записать эти их разговоры, в которых проявлялся великий ум Маргариты, ее замечательные познания в истории, литературе и искусстве. Ее логику можно было бы назвать «железной», и многое, что Мили не было ясно до этого времени, раскрылось перед ней как драгоценная книга. К сожалению, пути двух женщин разошлись, Мили вскоре была переведена в другой лагерь и ничего больше не слыхала о Маргарите Романи. Выжила ли она? Вернулась ли на родину? Мили желала ей этого всей душой.

Однажды, июньским утром Эсфирь сказала Мили, что она уже достаточно окрепла и пора ей начинать настоящую самостоятельную работу, но не в Новом Бору, а на ферме Медвежка, на расстоянии восьмидесяти километров отсюда. Мили и сама чувствовала, что окрепла. Благодаря поддержке Эсфирь, которая часто подкармливала ее то молочными продуктами, то пирожками, а иногда и лососиной, картина крови ее улучшилась, о туберкулезе больше не говорили, хотя она и продолжала получать лекарство, указывающее на то, что болезнь полностью не ликвидирована.

- Вы, наверное, слышали, - сказала Эсфирь, - что Новый Бор является крупным совхозом, которому подчиняется несколько ферм. До Медвежки надо добираться несколько часов на моторной лодке по Печоре. Это к северу отсюда, там хороший климат, сухая песчаная почва, сосновый лес – все это полезно для вашего здоровья. В Медвежке маленькая больница на шесть человек, амбулаторный прием проводится каждое утро с половины шестого до шести и вечером после работы. Всего на ферме находится восемьдесят

политических заключенных, мужчин и женщин, и столько же «бытовиков», к которым относятся мелкие воришки, спекулянты, растратчики не крупного калибра. Мужчины – и политические и бытовики – живут вместе в одном бараке, между ними часто случаются недоразумения, а иногда и крупные драки, после которых требуется медицинская помощь. Вот такую информацию получила Мили от Эсфири. К великой ее радости, Эсфирь еще сказала, что, как единственный медработник на ферме, она будет жить не в бараке, а при больнице, и об этом будет передано соответствующее распоряжение начальнику фермы, и добавила, что у начальника характер не из лучших и надо стараться с ним сладить.

- Если он рассердится на что-нибудь, может послать вас жить в барак вместе с женщинами- бытовичками, а это будет весьма опасно и неприятно для вас, так как в скандальности они превосходят мужчин. Вы будете единственной «политической» среди них, и они будут третировать вас, доносить о вас всякие небылицы начальству, и вы не сможете доказать, что вы не виновны, к тому же они могут украсть все, что у вас есть, и самое неприятное, оставить на несколько дней без хлеба, а жаловаться будет некому.

Эсфирь еще предупредила Мили, что врач-заключенный, который работает сейчас в больнице Медвежки, останется там еще с неделю, а потом ей самой придется отвечать за всю работу. Особенно трудно будет определить, когда можно давать освобождение от работы, а когда нельзя; бытовики часто прикидываются больными, и надо уметь отличить больного от здорового, но надо пожалеть и себя, чтобы не попасть из-за своей ошибки в карцер или к женщинам-уголовницам. Мили попрощалась с Эсфирью и поблагодарила за все. Пожелав Мили самого хорошего в будущем, Эсфирь улыбнулась, но Мили показалось, что ей, скорее, хотелось заплакать. Мили трудно было расставаться с Новым Бором – здесь она чувствовала себя относительно спокойно, и Эсфирь Моисеевна так доброжелательно относилась к ней. Пугала ее неизвестность и новое окружение. Эти переводы из лагеря в лагерь всегда тревожили заключенных, постоянно ожидавших, что они попадут в еще более ужасное место. Беспokoила Мили и ответственность за предстоящую ей самостоятельную работу. Расставание с Маргаритой также было очень трудным, и тут Мили дала волю своим слезам. Маргарита



убеждала ее быть сильной и стараться преодолевать все невзгоды, которые встречаются на пути. К сожалению, Мили убедилась в дальнейшем, что нет ни одного рецепта, который подходил бы ко всем случаям этой многотрудной жизни.

Моторная лодка пыхтела, следуя по Печоре на этот раз по ее течению, человек с ружьем сидел молча и смотрел только вперед, Мили погрузилась в свои думы и воспоминания – времени на это было у нее достаточно. Где теперь Нина? Новый адрес матери ей неизвестен, и писать ей некуда. Материнское сердце сжималось при мысли о том, что дочери приходится сейчас не легче, чем ей самой. Как трудно в таком возрасте сразу почувствовать себя взрослой! А Симонико? Наверное, жизнь его не сложится так, как хотели они с Андро, но ребенок все же был у себя дома, и горькая чаша сиротства его, к счастью, миновала. Все глубже и глубже в прошлое уходили ее мысли – она видела парк напротив своей школы, свою дорогую маму, о смерти которой узнала в такой страшный день для нее день, своих братьев и сестер – никто из них там, дома в Финляндии, даже не может себе представить, какая участь постигла их сестру и где она теперь.

Хотя в эти края пришел уже июнь, признаков лета еще не было заметно, серая природа дремала, безразличная к его приходу. Печора – эта широкая река серо-свинцового цвета, выглядела холодной и бездушной. Время от времени к бортам медленно движущейся лодки подплывали обломки льда, потерявшего свою жизненную силу, и разбивались о них, поднимая мелкие брызги, смешиваясь с мутными водами реки. Мили теперь походила на эту серую томительную реку – безрадостная, медленно перетекающая из сегодняшнего дня в завтрашний, такой же серый, как и все предыдущие. Душа была так истомлена, что не было сил даже сожалеть о прошлом или беспокоиться о будущем – жизнь без желаний.

Вдруг пыхтение мотора прекратилось.

- Вот черт! Опять фокусничает это кусок дерьма! – «штурман» в сердцах вскочил со своего места и стал возиться с мотором, то дергал за что-то, то что-то крутил и ругался сквозь зубы. Мили заметила, что на левой руке его не было пальцев, она следила за его неуклюжими движениями, но жалости к нему не испытывала, даже любопытство не побудило ее спросить, где это его изуродовало, она

только сказала безразлично:

- Неудобно, конечно, работать одной рукой.

Мужик посмотрел на Мили:

- Ох-хо, неудобно, говоришь? Повезло мне, мог бы и всю руку оставить на финском фронте, а то и хуже. – Больше он о своей руке не говорил и спросил Мили:

- Откуда же ты родом? На русскую, вроде, не похожа.

- Я с юга, из Грузии, из Тбилиси, - как-то неожиданно эти слова слетели с ее языка – если бы она помедлила с ответом, она непременно сказала бы «Я финка».

В конце концов, и мотор был исправлен, и это путешествие окончилось. Моторная лодка остановилась у небольшого сооружения, напоминавшего пристань у песчаного берега. Впереди виден был крутой подъем, вверх вела извилистая тропинка, а чуть вдали от берега начинался красивый сосновый лес. Впоследствии Мили не раз ощущала свежесть этого чистого сухого воздуха с ароматом сосновой смолы, она жадно глотала этот целебный воздух, и он лучше всех лекарств помог ей избавиться от ее страшной болезни. Было очень трудно подниматься по этой крутой тропинке. Чемодан, который как и его хозяйка, потерял немного от своего первоначального веса, оказался для Мили слишком тяжелой ношей.

- Ну и слабосильная же ты! Дай-ка мне чемодан, похоже, ты живая на эту горку не поднимаешься. – Мужчина схватил чемодан и стал, прихрамывая, подниматься в гору, бормоча про себя: « И для чего сюда таких привозят? Политическая мадам, конечно, какая польза от таких бабочек здесь?» И что-то еще в этом роде, что не осталось у Мили в памяти.

- Теперь идем прямо к начальнику в контору, посмотрим на какую работу он тебя может послать. Если бы моя воля была, я бы взял тебя в свою избу, кормил бы тебя как царицу – эх, и красавица бы из тебя вышла! И спать ты стала бы на пуховых перинах! – и пока шли до конторы, он все рассказывал какую бы жизнь он ей устроил, если бы ему, мужику коми, дали бы волю. Он остановился и, добродушно улыбаясь, посмотрел на Мили и она ответила ему улыбкой, благодаря за доброе отношение к ней.

Контора была уже близко, мужик с винтовкой и чемоданом хромал впереди, а Мили с деловой папкой под мышкой тащилась

сзади. В одноэтажном бревенчатом здании, в просторной комнате за большим письменным столом грубой работы сидел начальник лагеря. Мили совсем упустила из виду, что она не имела права нести папку с секретными документами, забыл об этом, очевидно, и сам охранник. По всем правилам он отрапортовал о прибытии. Начальник переводил взгляд своих злых маленьких прищуренных глаз с мужчины на женщину и вдруг его огромный кулак, как молот, обрушился на стол, чернильница высоко подпрыгнула, но не перевернулась.

- Папка! – зарычал он.

- Здесь папка, здесь, - ответила Мили, моментально сообразив, в какое опасное положение попала она со своим провожатым. Тот совершенно растерялся и молчал.

- Ах здесь, говоришь?!

- У меня не было сил нести чемодан, и он помог мне, - старалась Мили оправдаться за обалдевшего охранника.

-А, значит, помог? Ты что баронесса? Ты здесь у меня научишься еще и не то таскать! А ты, болван, ты при исполнении служебных обязанностей! Ты своей башкой не понимаешь, что секретные бумаги нельзя передавать в другие руки? Неделя карцера!

Несчастный стоял, как будто язык проглотил, он даже не сообразил, что мог сослаться на свою изуродованную руку.

- Взгляните, начальник, у этого человека нет пальцев, ноги его обморожены на финском фронте, он же как герой боролся против врагов своей Родины, разве он заслужил карцер?

Начальник посмотрел на конвоира, на его руку и сказал более мягким голосом:

- Да-а, ты, парень, не на всякую работу годишься, даже ружье не можешь держать. Конечно, за этой, - кивок в сторону Мили, - ты можешь следить, не такая она дура, чтобы удрать, она знает, что эта страна Коми, что это болото, тайга, волки и медведи. – Начальник развернул препроводительную. – Значит, лекпом. Проводи ее в амбулаторию, пока там есть врач, он может освободить ее на день от работы.

Врач этой маленькой больницы, тоже политзаключенный, встретил Мили приветливо. Охранник остался в прихожей, а Мили вошла в комнату. Через открытую дверь было видно, как

охранник снял свои сапоги и разбинтовал ноги. Врач ахнул, увидев их, и велел человеку зайти в приемную. Теперь и Мили увидела эти ноги; нескольких пальцев недостовало, раны еще не зажили и гноились. Мили почувствовала, что ее стало мутить. Усилием воли подавляя тошноту и борясь с обмороком, она уговаривала себя: «Крепись! Крепись! Тебе не раз придется видеть такое, а может быть, и худшее». – Врач занялся ногами этого несчастного, чистил, мазал, бинтовал. Эта процедура была, конечно, очень болезненной, но больной улыбался, наверное, в благодарность за добрые, осторожные движения врача.

На плите вскипел чайник – какое блаженство было получить кружку горячего чая после такого долгого, холодного пути! Конвоир тоже остался на чай, он развязал маленький узелок с хлебом и соленой рыбой и разделил все это на три части. За горячим чаем потихоньку текла беседа, постепенно отогревалось замерзшее тело и застывшая душа. Мили отрадно было сознавать, что такой больной и несчастный человек не очерствел и смог пожалеть еще более несчастного ближнего.

## 13. НЕОЖИДАННО, ПОЧТИ ЧТО ВРАЧ.

Врач, Александр Тихомиров, проработал в Медвежке еще пару дней, и затем его перевели на Воркуту. В больнице оставалась еще какое-то время доктор Наталья, тоже заключенная, москвичка как и Тихомиров, знавшая его и работавшая с ним еще «на воле». Мили многому научилась у доктора Натальи, та научила ее составлять истории болезни, помогала ей советами, передала ей свои записи перед тем, как ее перевели в какой-то другой лагерь. Мили помнила наказ Эсфири скрывать свою неопытность, но ей казалось, что Наталья догадывается об этом. Она предупредила Мили, что работа здесь нелегкая и что врачебной помощью пользуются не только заключенные, но и переселенцы, а также коми, жители ближайших деревень. Кроме обычных несложных болезней, могут встретиться травмы, детские болезни, иногда приходится принимать и роды.

Обширная территория фермы Медвежка не была окружена забором, не имела сторожевых вышек. На месте самого лагеря стояло несколько бревенчатых барачков, в одном из них, самом маленьком, находились женщины – политические, в другом, тоже небольшом, женщины – уголовницы, в большом – мужчины; и политические и уголовники вместе. Мили была счастлива, что могла жить при больнице и спать на настоящей койке со спальными принадлежностями. Ей странно было видеть себя в белом халате, вести прием больных два раза в день. Жалобы были разные – у кого болел живот, кто не мог нагнуться, а у кого щека раздулась от флюса. Чем можно было лечить эти болезни? Аспирин, полоскания содовой, валерьянка, которая выпивалась тут же – это были почти единственные средства, которыми располагали в лагере. Об антибиотиках в тех местах еще ничего не знали, а если бы и знали, то кто послал бы их в лагерь для заключенных ?...

Кроме обитателей барачков, в Медвежке жили еще и переселенцы – они не были ни заключенными, ни свободными, а жили в этих ранее необитаемых местах по берегам Печоры уже более десяти лет – это были те упрямые крестьяне, которые не хотели отдавать в колхоз свою последнюю лошадь и корову и крепко держались за свой клочок земли, полученный по ленинскому декрету. Здесь

были и переселенцы из южных областей России, занимавшиеся раньше выращиванием фруктов и овощей для себя и для продажи – эти «помещики», не понимавшие выгод, которые им сулила колхозная система, тоже были переселены на Север. Наряду с этими крестьянами, с детства привыкшими к сельскому труду, должны были работать на ферме и заключенные, но от них мало было проку, так как большинство политических были городскими жителями, а уголовники просто не желали работать.

За Полярным кругом лето короткое. В июне сажают картофель и пересаживают из теплиц капустную рассаду, а к сентябрю все это уже должно быть убраным, потому что к этому времени часто наступают морозы. Сельскохозяйственной техники в этих совхозах не было, разве что какой-нибудь захудалый трактор, который обрабатывал мерзлое поле, а люди закоченевшими руками бросали картошку в эту неласковую землю. Полярное солнце светило и днем и ночью, не давая покоя людям, которые работали посменно по двенадцать часов в сутки. Не было ни выходных дней, ни праздничных.

Во время сенокоса, наступавшего в августе, каждый, кто держался на ногах, обязан был выйти на работу. Косить сено было мужским делом, но мало кто из мужчин когда-либо раньше держал косу в руках. Женщинам давали в руки грабли, чтобы сгребать сено – для этого особого умения не требовалось, но и сил у них тоже не было.

Доктор Наталья, милая женщина с ласковым взглядом синих глаз, немногим старше Мили, предупредила ее, чтобы она не превращалась в «добрую самаритянку» и никого не освобождала бы от работы без достаточных на то оснований. Уголовники, сказала она, очень изобретательны в придумывании себе всяких болезней, освобождающих от работы. Вызвать у себя понос не составляет для них никакого труда, они могут участить биение своего пульса и даже в присутствии врача повысить себе температуру. Сложнее всего было разобраться в жалобах на боли в спине, так как повышения температуры эти боли не вызывают. От врача требовалось определить, когда эти стоны, слезы, хромота и причитания были ложными, а когда истинными. Она сказала, что в таких случаях предыдущий врач Тихомиров, всегда отправлял заключенных на

работу, даже если человека, действительно, одолевал радикулит; он опасался, что его могут обвинить в саботаже и добавить ему срок.

Что касается переселенцев, то и здесь надо быть очень внимательной и осторожной. Жизнь здесь продолжается, как и всюду, дети рождаются, их ждут. Наталья предостерегла Мили против ошибок в определении срока родов и выдачи декретного отпуска. Наталья была опытным врачом, но и она могла допустить ошибку. Однако, никогда эта ошибка не бывала в пользу беременной женщины. Как сумеет Мили правильно определить этот срок, если словам самой беременной доверять было нельзя? А что делать, когда наступят роды? В первый же день работы Мили с Натальей привезли роженицу. Это, вообще, были первые роды, которые Мили когда-либо видела. Наталье помогала женщина-коми, которая была, как и Наталья, весьма опытной в этом деле. В этой маленькой больнице были две палаты- одна для рожениц, другая, всегда пустовавшая, где поселили Мили, для всех прочих больных. При виде родов Мили чуть не потеряла сознания. Изо всех сил боролась она с собой, чтобы не грохнуться на пол. Потом вдруг она услышала писк и увидела на ладони Натальи маленькое красное существо, беспорядочно болтавшее руками и ногами. Мили вздрогнула и почувствовала, как радость охватила ее: родился новый человек в этом мире, даже здесь, в этом неуютном месте, сейчас большой праздник жизни! Горячие слезы потекли по ее щекам, скатываясь на шею. К счастью, ни Наталья, ни Манефа, занятые ребенком и матерью, не видели этого.

В следующий раз Мили пришлось уже принимать роды самой. Манефа, конечно, заметила неловкие движения лекпома, не подавала виду. Надо было привыкнуть и к этой работе, и слава Богу, патологических родов не было.

Лагерные бараки были новые, выстроенные в один ряд. В мужском бараке уголовники терроризировали политических, но жаловаться на это начальству не имело смысла, это только ухудшало положение. Разве стал бы начальник – правоверный коммунист-заступаться за пострадавшего, которым являлся политзаключенный – изменник Родины, враг народа? У начальника в нагрудном кармане у сердца лежала книжечка члена партии, которая являлась, до поры до времени, самым большим его достоянием. Она обязывала его

ненавидеть всех «политических» - и это было известно каждому политическому. Даже самый добросердечный начальник, не задумываясь, расстрелял бы всех этих несчастных, получи он такой приказ от вышестоящего начальника, но по собственному почину он этого возможно бы не сделал.

По окончании рабочего дня каждый заключенный должен был вернуться на свое место в барак. Порядок и забота – повсюду. Учетчик с винтовкой за плечами, с тетрадь в одной и карандашом в другой неуклюжей руке, облизнув карандаш, начинал пересчитывать заключенных в бараках, а если счет не совпадал, то проверка начиналась заново. Если же, несмотря на повторное пересчитывание, у него что-то не сходилось в тетради, то раздавался вой сирены, и всех заключенных выгоняли во двор, даже больных, не взирая на их состояние, и пересчитывание возобновлялось.

Каждый вечер охранник приходил считать Мили, осматривая всю комнату, заглядывал даже под кровать, а затем щелкал снаружи замком, оставляя ее одну в полной сохранности. Через окно нельзя было никуда попасть, да и кто стал бы разбивать стекла? – охранники ходили по территории лагеря до самого утра.

В пять часов утра снимали замки, стучали прикладами по стенам бараков, оповещая о начале рабочего дня. Кто желал, мог умыться во дворе, где из какого-то хитроумного приспособления капала вода. Перед женским бараком у этого умывальника выстраивалась очередь, мужчины же не занимались ежедневным умыванием. Раз в неделю была баня, где можно было вымыть и лицо, если очень этого хотелось. Во всем, что касалось личной гигиены, мужчины – уголовники выгодно отличались от политических. Это были, в большинстве своем, молодые люди в возрасте до тридцати лет или немногим старше. Каждое утро они умывались у своего барака, многие даже раздевшись по пояс. У некоторых были зубные щетки и полотенца, о чистоте которых они сами же и заботились. Расческой пользовались все, если у самого не было, всегда можно было одолжить у соседа. Кое-кто из молодых даже старался причесаться по моде. Эти же уголовники приходили на прием в амбулаторию всегда опрятными и чистыми, часто даже без всякого дела, может быть, просто показаться красивой «докторше», как они называли Мили.



Политические были, в основном, люди среднего возраста и старше, уставшие, больные, потерявшие надежду, унижаемые, жестоко притесняемые начальством, подавленные, без всякого желания продолжать свою жизнь. Уголовники хотя бы знали, что они отбывают срок за какую-то свою провинность, и знали также, что когда их срок окончится, они выйдут отсюда на волю, а политические, не зная за собой никакой вины, почти не надеялись на освобождение. В их жизни не осталось ничего, что заставило бы их заботиться о себе. Их постоянно переводили из одного лагеря в другой, так что даже письма, приходившие с воли, не заставляли их на старом месте. Как могла Мили лечить больного, изнуренного человека, душа которого уже потухла? Она старалась с помощью медицинских справочников найти подходящие диагнозы, на основании которых можно было бы дать, хоть на несколько дней, отдых самым измученным, и пока ей это удавалось.

Но однажды начальник потребовал лекпома к себе. Сердце Мили отчаянно заколотилось, она с трудом переступила порог кабинета всемогущего начальника. Мысли одна за другой страшнее вихрем закружилась в ее голове. Человек за столом повел себя так, как обычно ведут себя большие начальники. Он сделал вид, что углублен в какие-то бумаги и не замечает, как вошедшая остановилась у порога. Эти правила игры в кошки-мышки Мили знала назубок. Вдруг у кошки в глазах мелькнул веселенький огонек:

- Вот, это вам.

«Вам»? – это звучало совершенно необычно, так как в этих местах на «вы» никогда никого не называли, обращаясь ко всем подчеркнуто пренебрежительно на «ты». Начальник протянул Мили бумажку. Что это? Новый приговор? Обвинение в саботаже и значит, добавка к сроку не менее пяти лет? У Мили потемнело в глазах.

- Возьмите, здесь нет ничего взрывчатого, - повторил начальник окаменевшей от страха женщине. – Это письмо от вашей дочери и еще от какой-то подруги, тут есть и фотография – обе вместе, две красавицы. Я сразу узнал, которая ваша дочь, очень похожа.

Мили как будто очнулась от сна. Она слушала, но не понимала половины из того, что он ей говорил. Когда же, наконец, у нее в руках оказалось письмо и она поняла, что это действительно письмо

от Нины, ее охватило одно желание: уйти, скрыться поскорее куда-нибудь, чтобы никто не помешал ей вчитаться в эти долгожданные строчки, растворить в себе эти тысячи разделяющих ее с дочерью километров, остаться наедине с дорогой, единственной ее девочкой.

- Послушай, - раздался вдруг голос начальника с обращением по-прежнему на «ты», - есть и другое дело. Видишь вот эти бумаги – прибыли новые, они все там на берегу, в бараке. На прежнем месте они находились две недели в карантине. На каждого составлено врачебное свидетельство, что заразных заболеваний нет. Конечно, они слегка ослабевшие, но работать могут. Завтра утром пойдешь их осмотришь и подпишешь документы. Они все эстонцы, ни слова не говорят по-русски, держатся за животы и что-то болтают на своем языке. – Начальник добавил, что все они – капиталистические ублюдки, оказавшие сопротивление Красной Армии, их семнадцать человек и они должны завтра же выйти на сенокос, а кто посильнее – на торфяное болото.

Появление в лагере эстонцев не удивило Мили. Уже некоторое время в лагерном воздухе носились разные странные слухи. Говорили, будто бы Советский Союз в одну ночь ласково заключил в свои теплые объятия три маленьких государства и утром объявил эту радость всему миру. В счастливой многонациональной семье родились три новых члена – Эстонская, Литовская и Латвийская Социалистические Республики. Начальник, конечно, не знал, что эстонцы и финны – родственные народы и языки их очень схожи. Мили решила, что эти несчастные не должны знать, что она финка, как не должен об этом вспоминать лишний раз и начальник. Она была уверена, что состояние этих парней настолько плохое, что их никак нельзя будет послать на работу.

Чтение Нининого письма перенесло ее из светлой заполярной ночи под темное, бархатное, с яркими звездами тбилиское небо. Она надеялась, что все самое страшное, что уготовила им судьба, уже позади и что с ними обеими уже ничего плохого не должно случиться. Нина, узнав о судьбе матери, сразу же вернулась в Тбилиси, и ей удалось устроиться в свою старую школу. Настоящие мучения начались после ее окончания. Нина, конечно, писала не обо всем, кое о чем мать догадывалась, кое-что узнала уже потом, спустя долгие годы. В поисках работы Нина ходила из одного

учреждения в другое, чувство беспомощности грызло сердце, безнадежность непомерной тяжестью давила на плечи. Вопрос: « Где твои родители?» - тяжелым ударом отзывался в юном сердце. Еще когда она заканчивала свой последний год в школе, многие ее подруги прервали с ней отношения и просили ее не приходить к ним : « Папа и мама не позволяют». Ничтожное имущество, милостиво оставленное ей, приходилось продавать за гроши. Были и такие покупатели, которые обещали принести деньги завтра, но это «завтра» никогда не наступало. Иногда Нина ходила к своей бабушке, которая со своей дочерью Тamarой жила совсем рядом. Обе, конечно, понимали, что девочка приходила голодная, и всегда чем-то кормили. Но тут же за едой бабушка напоминала ей о том, что надо искать работу или поступать в университет, что для Андро было бы большой радостью узнать, что дочь его учится в высшем учебном заведении. Еда, приправленная этими добрыми советами, застревала в горле, и в такие минуты Нина с тоской вспоминала свою родную бабушку, которой к тому времени уже не было в живых. Хорошие советы не помогали найти работу, хотя она была согласна на любую. При нормальной жизни она могла бы легко поступить в институт, с детства она мечтала о медицинском. Но сейчас об этом нечего было и мечтать. Однажды, после неудачных поисков работы, Нина решила, что этот день станет ее последним. Ей было тогда семнадцать лет. Проходя по мосту через Куру, она остановилась и стала глядеть вниз, в эти мутные воды. Если найдут утопленницу, то никто и не станет выяснять, кто она – в то время пропадали бесследно и старые и молодые, что значил бы еще один покойник? Пока она так стояла на мосту, к ней подошла какая-то старая женщина и ласково заговорила с ней. Возможно угадав ее мрачные мысли, женщина предложила ей пройтись по набережной, посидеть в тени под деревом – ведь день был такой красивый. Она взяла Нину за руку, и та машинально ей повиновалась. Она ни о чем не расспрашивала Нину, и та сама стала рассказывать ей о своей жизни. Когда она умолкла, женщина написала на бумажке свой адрес, просила Нину приходить, пожелала ей удачи, и они расстались. По дороге домой Нина увидела вывеску учреждения, где она еще не была, и решила зайти туда. Напротив дверей за письменным столом сидела женщина, лицо которой показалось Нине знакомым.

Она почувствовала себя неловко и собралась уходить, но женщина остановила ее. Она тоже узнала Нину, которую встречала иногда на улице, любовалась ее красивой внешностью и удивлялась, почему она всегда одна. Однажды ее знакомый, Фред Кивит, который был другом Яши Джугашвили и встречался с Ниной в Москве, рассказал ей историю этой юной незнакомки, так ей понравившейся. Сейчас, увидев Нину, Фаина догадалась по какому делу та пришла и спросила, что она умеет делать? Умеет ли печатать на машинке? Общаться с деловыми бумагами? На все эти вопросы Нина отвечала: «Нет.» Фаина попросила Нину подождать, а сама зашла в кабинет директора. Оттуда она вернулась с сияющим лицом и сказала, что дело решено и что сейчас Нина сама должна зайти к директору и научила, что ей надо сказать ему. Но говорить ничего не пришлось, так как директор встретил ее словами: «Мой секретарь сказала о вас все, оставьте заявление, она вам объяснит, что вы должны будете делать.»- Когда Нина была уже у дверей, директор спросил ее: «Сколько вам лет?» - «Скоро будет двадцать, - ответила Нина. – «Через сколько лет? – последовал новый вопрос. – Ну ладно, завтра утром придете на работу» - Следующий день стал ее первым рабочим днем. Фаина учила Нину, советовала, заставляла практиковаться в машинописи. Она принимала в ней большое участие, приглашала к себе на воскресенья. Муж Фаины, Борис Скользнев, тренер тбилисской футбольной команды «Динамо», принял Нину так же приветливо как и Фаина..

В конверт с Нининым письмом было вложено еще одно, написанное красивым незнакомым почерком – это было письмо Фаины. Была и фотография: рядом с Ниной – незнакомая молодая женщина, слово «красивое» было слишком обыденным для описания ее лица, оно вызывало в памяти облик женщин с картин старых мастеров. Мили вглядывалась в это лицо Богом посланного ее дочери ангела-хранителя, и в лицо Нины, повзрослевшей, светловолосой, с добрым взглядом и улыбкой на губах. Благословенная молодость! Какое счастье, что она дает забывать хоть на время тяжкое горе! Мили испытала огромное облегчение, прочитав это письмо, почувствовала прилив сил и энергии, желание превозмочь все невзгоды, которые ожидают ее впереди. Но сон пропал. Всю ночь она думала о том, что дочь ее спит сейчас счастливая, у нее есть, наконец, работа, друг, и

теперь она знает, что есть мама, хотя и далеко от нее. Мили знала, что судьба многих молодых людей сложилась гораздо хуже, чем у Нины, также как и судьба многих маленьких «сирот».

Рано утром охранник, как всегда, пришел стучать в дверь Мили. Ночные мысли о дочери и об ее удаче испарились, надо было вернуться в нелегкую лагерную жизнь. Прежде всего надо было отправиться в барак на берегу реки и распорядиться, чтобы новоприбывшие эстонцы отправились на работу. Ноги Мили были еще слабы, и она, прихрамывая, старалась успеть за охранником, шагавшим впереди. Если сильно отстать, тебя обольют потоком словесной грязи, если же идти впереди, можно получить дулом или прикладом ружья в спину. Замок на дверях барака открылся со скрежетом. В стенах барака не имелось ни одного окна, ни один луч света не проникал в него. Мили вошла, оставив дверь открытой, но поначалу ничего не могла разглядеть, а в нос ей ударил отвратительный запах, он, буквально, забил ей ноздри, дышать было нечем. Инстинктивно, она сделала шаг назад. Охранник остался стоять на свежем воздухе. Постепенно, глаза привыкли к полутьме. На грязном мокром полу, на прогнившем сене, лежали семнадцать парней. Охранник через дверь сунул ей в руки кипу бумаг: «Здесь все в порядке, по алфавиту, вызывай по фамилиям. Вот здесь подпишешься, где и другие подписи стоят. Все они уже прошли осмотр.»

Мили читала бумаги, имена и фамилии многих были похожи на финские. Возраст – от восемнадцати до тридцати лет. Профессии – педагог, рыбак, учащийся – большинство были рыбаки. Она вызвала первого по алфавиту. Похоже, Ахтисар не услышал, сосед толкнул его в бок, и тогда, шатаясь, подошел парень. Трудно было угадать его возраст, если бы он не был ясными цифрами указан в анкете : год рождения 1922-ой.

Охранник оказался довольно сообразительным – снаружи он поставил ящик, чтобы можно было сесть. Подходя к двери, парень закрыл своими худыми, грязными руками глаза и что-то сказал, что – Мили поняла очень хорошо: его глазам стало больно, когда он вышел на яркий солнечный свет. Мили спросила по-русски, на что он жалуется – парень не понял. Может быть, спросить по-немецки? Да, он сразу ответил : «Magenschmerzen, ganz kaput.»

Белье этого парня, также как и остальных, кишело вшами. Некоторые из этих эстонцев были так слабы, что не могли двинуться с места. У всех был понос и кровавые испражнения текли по ногам. Грязные, покрытые вшами и коростой, в нарывах, из которых вытекал гной – вот это и были те «слегка ослабевшие» молодые мужчины, пригодные для работы.

Мили написала начальнику рапорт, в котором указала, что все эти парни больны дизентерией и что у четверых явные признаки брюшного тифа. Всех этих заключенных необходимо отвести в баню, дать каждому соломенный матрац, подушку, простыню и одеяло. Посуду их нужно отделить от всей остальной посуды, необходима строгая диета. Обо всем, упомянутом в этом рапорте, необходимо сообщить в Воркуту, требуется врач-инфекционист и дезинфектор, нужны лекарства, особенно, сердечные, перевязочный материал, мазь. Подо всем этим она расписалась, а под предложенным ей врачом свидетельством свою подпись не поставила.

Следствием этого рапорта было то, что условия, поставленные ею, выполнили, а она сама попала на ночь в карцер. Утром же ее должны были отправить на сенокос вместе с другими заключенными. Охранник посмеивался, провожая «доктора» в карцер:

- Тебе повезло, ты здесь первый постоялец будешь. Там чисто, даже еще стружки есть на полу. Наверное, первый раз в жизни будешь спать на стружках. Отсюда, милка, не удерешь, а я могу спокойно спать со своей бабой на перине.

Охранник запер дверь и удалился, что-то напевая. Мили осмотрелась. Карцер был построен довольно далеко от барачных, надо же было позаботиться о том, чтобы крики сидящих в нем не были слышны ни заключенным, ни переселенцам. Через минуту после того, как Мили вошла в карцер, она почувствовала ужасающее жжение во всем теле и инстинктивно стала тереть себя руками. Комары! Карцер стоял на болоте, в окне была решетка, но не было стекла; решетка как видно не отпугивала комаров, и вся их миллиардная армия с жадностью набросилась на Мили. Она провела рукой по лицу и этой же рукой провела по ногам – чулки сразу же окрасились в кровавый цвет.

Что сказал бы тот, кто увидел бы эту одинокую женщину в деревянном ящике-карцере, неистово размахивающую руками,

старающуюся одной ногой смахнуть комаров с другой ноги, подпрыгивающую, извивающуюся в диком танце в напрасной надежде освободиться от полчищ беспощадных комаров? Пожалел бы он ее? Мили была уверена, что нервы ее не выдержат до утра. Тысячи комаров были убиты, но через решетку влетали тучи новых кровожадных тварей, кругом жужжало, как в прядильном цехе. Мыслей уже никаких не было, она ощущала только весь этот кошмар, жертвой которого она стала и от которого она либо погибнет физически, либо лишится рассудка. Начальник, наверняка, знал куда ее отправлял. В чем ее вина? Неужели в том, что она не послала на работу находящихся при смерти людей? Подумать, наглость какая! Эта докторишка осмелилась написать еще и рапорт!

Мили не была слишком набожной, но в эту ужасную ночь она не переставала повторять – то ли мысленно, то ли вслух : «Господи, дай мне силы сохранить разум! Неужели теперь, когда в моей жизни появился луч света, когда я знаю, что моя дочь жива и на свободе – неужели я теперь должна потерять разум?»

Рано утром замок завизжал и дверь открылась.

- Во черт! Неужели ты та самая тварь, которую я здесь запер вчера? – В его голосе звучало искреннее удивление, но все же его наглый смех раскатился в холодном утреннем тумане. – Ну и картина! Ладно, давай на кухню, получай свою похлебку, и на сенокос.

Мили не хотелось есть, она направилась в свою комнату при больнице, но дверь была заперта. Пить хотелось страшно, получить бы хоть глоток воды. Она пошла в барак. Все женщины уже были готовы к выходу, но увидев Мили, все как будто окаменели и уставились на нее в недоумении, не узнавая ее. Наконец, они поняли, кто это перед ними, и принялись хлопотать вокруг нее – кто принес воды, кто отломил кусочек хлеба от своего пайка. Женщины, работавшие на сенокосе, были одеты в стеганные штаны и ватники, лица их были прикрыты накомарниками. К тому же, у всех были рукавицы. У Мили ничего этого не было, и она поняла, что день будет страшным продолжением ночи. Одна из женщин дала ей стеганные штаны – по какой-то случайности у нее оказались две пары, другая где-то достала толстую мужскую рубашку с длинными рукавами и пару рукавиц. Для полного комплекта нашелся даже накомарник. Дорога до места сенокоса была дальняя, и, отшагав

эти километры, все чувствовали себя уставшими, еще не начав работы. Для Мили этот путь оказался тяжелым испытанием. Работу пора было начинать, но сил на это ни у кого не было. Охранник scomандовал: «Давай, давай!» - мужчины взялись за косы, женщины за грабли, последние грабли достались Мили, они были, наверное, самые тяжелые. Мили была, конечно, не единственной, кто не умел достаточно ловко с ними управляться. Почва была болотистой – сплошные кочки, одна травинка здесь, другая – там. Стараясь не попасть в воду, перепрыгивая с кочки на кочку, Мили подвернула ногу и остановилась. Охранник подошел к ней, толкнул прикладом в спину и напомнил, что это – не дом отдыха, но ноге не стало от этого лучше. Наконец, охранник убедился, что тут окрики не помогут, и отошел. Кое-как переправляясь с кочки на кочку, Мили, наконец, добралась до сухого места и села – все равно работать она уже не могла. После кошмарной, проведенной в карцере ночи, она была настолько измучена, что задремала. Очнувшись от какого-то движения рядом. Она открыла глаза и увидела лошадиные ноги и, подняв взгляд, встретила со свирепым взглядом сидящего на лошади начальника. Он был взбешен: какое наглое неподчинение! Не успев выйти из карцера, это ничтожество уже успело нарушить устав лагеря! «На ноги! И немедленно на работу! Притворяешься, что не можешь встать! Это настоящий саботаж! В карцер!» - начальник хлестнул лошадь и ускакал. Охранник был все же более милосерден – он поверил, что она не может идти, и разрешил ей забраться на телегу. На ужин она получила кусок хлеба и кружку воды, так как за свою работу она другого питания не заслужила. Нога болела, голова кружилась, и все же ей было приказано идти принимать больных. По окончании приема ее опять увели в карцер, который не показался ей на этот раз таким ужасным, так как на ней были стеганые штаны, побывавшие до этого не на одних ногах. Воротник черной рубашки блестел, как полированный – сколько людей оставило на нем свой пот? Вши, со своей стороны, старались отметить свое присутствие. Все эти мелочи казались ничтожными по сравнению с тем, что было прошлой ночью. Опухшее лицо горело, как обожженное крапивой, ноги и руки тоже были как в огне, но успокаивало сознание, что эти кровопийцы не доберутся до тела сквозь толстую одежду. Воды не было никакой – ни для питья, ни для умывания. В углу стояло



деревянное ведро, которое она использовала прошлой ночью. Она сняла свои тяжелые ботинки- огромные, неудобные. Поврежденная нога распухла и посинела, она нагнула на нее портянку и одела ботинок только на здоровую ногу. Комары жужжали вокруг, выискивая место куда бы ужалить. Мили подумала, что утром не сможет натянуть обувь на распухшую ногу и, конечно, не сможет пойти на работу. Но как же быть с освобождением? Она же не может сама себя освободить! Надо постараться уснуть. На стенах, как рубиновые капли, висели сытые комары, но новые залетали тучами.

Утром охранник открыл дверь и крикнул:

- Вставай! На работу!

Мили не двинулась. Охранник начал неистово ругаться, она продолжала лежать. Когда он на мгновение смолк перед следующим бранным потоком, Мили успела сказать:

- Приведи ветеринара.

Мужик застыл с открытым ртом, решив, наверное, что женщина спятила. Она же мыслила так: что у лошади копыта, что у человека нога – понять можно, что повреждено. Охранник, наконец, спросил:

- Ты что, рехнулась? Какой тебе еще ветеринар?

- Иди, иди, делай, что говорю. – И действительно, пришел ветеринар, политзаключенный, мужчина средних лет. Очевидно, он прибыл в лагерь не так давно, какой-то налет свободной жизни был еще заметен на нем. Войдя в карцер, он огляделся в недоумении:

- Здесь, наверное, какое-нибудь маленькое животное, которому я должен оказать помощь? – Затем он извинился, что не представился. – Валентин Мерцалов, бывший главный врач московского зоопарка, а ныне диверсант, изменник родины, одним словом – контра.

Мили объяснила, что вместо маленького животного есть другой пациент, взрослый человек по статье 58-ой с вывихнутой ногой. «А остальное посмотрите сами, - добавила она. Ветврач осмотрел ногу и написал начальнику рапорт, что лекпом не в состоянии ходить и, следовательно, должна быть освобождена от работы. В ближайшие дни должны были приехать врачи из Воркуты по поводу дизентерии, на которую Мили указала в своем рапорте, и они смогут подтвердить заключение ветврача.

До приезда врачей двое парней-эстонцев успели уже умереть. Ну что ж, тут уж ничем не поможешь. Так как кладбища здесь нет,

к большому пальцу покойника привязывают деревянную бирку с номером и закапывают останки где-нибудь в тайге. Может быть, когда-нибудь в эти места придут геологи в поисках ископаемых, найдут человеческие останки с биркой уже без номера – сумеют ли они разгадать тайну этих странных некрополей, где покойников хоронили с деревянными талисманами на ноге?

Приехавшие из Воркуты врачи подтвердили диагнозы, указанные в рапорте лекпома. Дизентерия и брюшной тиф уже распространились довольно широко, деревянных бирок требовалось все больше и больше. Те, кто выстрогивал их, сами были уже на полпути в другой мир. На место ушедших прибывали все новые заключенные, пустые места заполнялись, а пища ухудшалась. Мили была освобождена от сенокоса, так как и без особых исследований приезжих врачей было ясно, что на работу она ходить не может. Но чем меньше она работала, тем меньше получала хлеба – заколдованный круг.

В лагере отбывали свой срок двое молодых парней – два Павла. Один – светловолосый, синеглазый, небольшого роста – Павел – маленький, второй – высокий, жгучий брюнет – большой Павел. Вечером они оба пришли на прием к Мили, которую воркутинские врачи освободили от карцера. Мили опешила, увидев их – неужели эти парни, которых считала самыми здоровыми в лагере, будут просить у нее освобождения? Парни постояли немного у дверей, крутя шапки в руках, и один из них выступил с речью:

- Послушай, лекпом, погибаешь ты, ведь здесь волки кругом! Не можешь ты работать и есть тебе не дадут, бирку тебе приготовят. Иди скажи начальнику, что ты с нами пойдешь на работу – мы косить, ты собирать.

Мили молчала, не зная, что сказать. Эти парни были самые отчаянные в лагере, но работали хорошо, перевыполняя свою норму. Видя ее сомнение, Павел-маленький сказал:

- Не бойся лекпом, если мы тебе предлагаем, плохого ничего не будет. Сегодня же иди к начальнику.

Неуверенными шагами и с сомнением в душе Мили вошла в кабинет. Начальник, сидя за столом, вопросительно взглянул на нее.

- Хочу идти на работу в бригаду двух Павлов.

Начальник молча, пристально посмотрел на Мили.

- Тебе известно, что это за народ? Не возражаю, если ты такая отчаянная, - он усмехнулся. – Ну давай, давай. – Мили поняла, что аудиенция закончена.

На следующее утро, узнав о ее решении, все сочли ее сумасшедшей. Место работы Павлов находилось далеко от лагеря, ехали туда на телеге. Проезжая мимо картофельного поля, Павел маленький соскочил с телеги и мигом набрал полное ведро картошки. Доехали до места. Поле было большое, трава высокая, душистая, тут же протекала речка, было тихо, только слышалось щебетание птиц и иногда всплеск – это рыбка взметнулась. К тонкому писку комаров примешивалось басовое жужжание пчел. Вокруг – ни души.

- Отдохни, лекпом, под деревом, пока мы сходим наловить рыбки. – К большому удивлению Мили, они вытащили из телеги удочки и отправились на рыбную ловлю. Прошло немного времени, и на костре уже варилась в котелке картошка и жарилась рыба. Когда все было готово, сели завтракать, появилась припрятанная в тряпочке соль. Покончив с сытной, вкусной трапезой, спрятали «концы в воду», выбросив все остатки в реку. Затем парни приступили к работе. Они были отличные косари, видно было, что эта работа им знакома, трава ложилась ровными рядами, рукоятками они перекачивали все в одну кипу, Мили оставалось только собирать оставшуюся возле стога траву. Работа была выполнена на все сто процентов, и всем троим записали выполнение плана. Начальник, конечно, понял, что это не заслуга лекпома, он освободил Мили от физического труда, разрешил жить в ее бывшей комнате и заниматься только своей основной работой. Отчего такая милость? Вероятно, он оценил храбрость этой слабой, несчастной женщины – вряд ли какая-нибудь другая рискнула бы пойти с этими парнями.

После этого прошли долгие, долгие годы, но Мили всегда с благодарностью вспоминала двух Павлов, этих уголовных преступников, проявивших по отношению к ней такое благородство и доброту.

Лето клонилось к осени, столь короткой в этих местах. Ночи стали длинными и темными. Дождливые, ветреные и туманные дни затрудняли и без того тяжелую работу на картофельном поле. Трудно было собирать и капусту, но тяжелее всего было вытаскивать из

мокрой земли кормовую свеклу. Вся эта работа не просто отнимала у людей физические силы, она убивала их морально, угнетала, отнимала желание жить и надеяться на лучшее. О свободе говорили так редко и так туманно, словно о потухшей где-то в космосе звезде. Удивительно, почему так мало совершалось самоубийств в этих нечеловеческих условиях!

В душе Мили все же горел огонек надежды, но иногда ей казалось, что он вот-вот погаснет. Изю всех сил старалась заставить себя верить в то, что этот кошмар когда-нибудь кончится. В медпункт приходило все меньше и меньше людей- после рабочего дня они уже не верили ни в какую медицинскую помощь, лишь бы скорее добраться до своих нар, сбросить промокшую одежду, получить свою порцию похлебки и уснуть.

Летом к пристани причаливали пароходы, которые привозили продукты на весь год. Для их разгрузки требовались здоровые, крепкие и надежные люди. Политических на эту работу не брали по двум причинам: не крепкие и не надежные. Для этого больше всех других подходили переселенцы. Они уже успели перебороть все трудности первых лет своего пребывания в этих жестоких краях, те, кто вышли из этой борьбы живыми, сумели как-то наладить свою жизнь, если и не богатую, то во всяком случае – сытую. Река Печора богата рыбой, в тайге много дичи, а клочок земли обеспечивал их картофелем и другими овощами на зиму и весну. За свою работу в совхозе и за любую другую они получали зарплату и в местной лавчонке могли приобрести муку, скудный паек сахара, соль, чай и кое-что еще. Своя корова давала молоко, при умелом ведении хозяйства можно было запастись и маслом. Зимой на оленях приезжали коми и ненцы, продавали и меняли оленину на табак и муку, привозили красивые теплые рукавицы, унты и шапки.

Уголовников, так же как и переселенцев, брали иногда на разгрузку пароходов. Физических сил у них хватало – оставалось секретом, как они могли их сохранить. Охранники неусыпно следили за ними и за тем, чтобы при разгрузке ничего не пропало, но иногда, как по волшебству, разрывался мешок с сахаром, и через мгновение все его содержимое испарялось. Картонные коробки с махоркой лопались и все, что в них было, исчезало неизвестно куда.

Однажды Мили нашла у себя в амбулатории узелок, в котором

были папиросы, сахар и рис. Как он попал к ней – неизвестно, Манефа тоже ничего не знала, она только усмехнулась, увидев узелок, но ничего не сказала. Мили боялась обыска, который часто проводили в бараках и в амбулатории. Если находили что-либо запрещенное, то требовали объяснить, откуда оно взялось, в противном случае человека уводили в карцер, где и рыбу могли заставить заговорить. Мили так и не разобралась, откуда взялся этот узелок, а что касается обыска, надо было надеяться на везение, на то, что его не будет. Невозможно было отказаться от сахара, который за эти три года она получала только в больнице Нарьян-Мара, и еще она помнила кусочек сахара из Маниной посылки в Темняковских лагерях. Рис Манефа взяла домой, варила кашу и приносила в миске, которую Мили моментально опустошала. Папиросы доставляли особое наслаждение. Темными осенними вечерами, закуривая папиросу, Мили чувствовала себя в другом мире. Она садилась у печки, где веселым огнем горели поленья, и туда же в печку выпускала табачный дым – не дай Бог, если придет охранник и учует запах табака! Этот постоянный угнетающий страх не давал покоя даже ночью, иногда она ловила себя на предчувствии чего-то неприятного, случалось, что она просыпалась ночью от собственного душераздирающего крика и усиленного сердцебиения.

В Медвежке не было электрического освещения, в бараках горели коптилки, дававшие скудный свет и обилие сажи. За Полярным кругом темное время – долгое и мрачное. В амбулатории имелась одна керосиновая лампа, а женщины рожали, не считаясь со временем года, дня и ночи, и эта единственная лампа светила в родильной, а другие должны были ожидать тусклого рассвета, что бы с ними не случилось. Эта старая керосиновая лампа с треснувшим стеклом была единственной драгоценностью Мили, и какую же радость получала она от этой несчастной лампы! Она и лампа стали самыми близкими друзьями, с нежной заботой Мили ухаживала за разбитым стеклом, заклеивала его бумагой, и лампа преданно служила ей всю осень и зиму вплоть до светлых весенних дней и летних белых ночей. Книг и газет, конечно, у заключенных не бывало, никому и в голову не приходило, что «политические» могут интересоваться чтением – они были людьми по ту сторону человеческого общества, а если бы и было у них что читать, где и

когда они читали бы? Были, конечно, среди этих больных, грязных, голодных, потерявших желание жить людей и такие, кто старался поддерживать в товарищах тлеющий огонек жизни, рассказывая о ранее прочитанном и увлекая слушателей своими рассказами, но много было и таких, кого уже ничем нельзя было вывести из состояния полнейшей подавленности, безразличия ко всему.

Иногда в некоторых из мужчин внезапно вспыхивало бурное чувство протеста и они громогласно начинали проклинать Сталина, Бога и всех остальных, кто заставил их, прошедших подполье, побывавших на царской каторге, перенесших войну, на своих плечах вынесших революцию, незаслуженно терпеть мучения лагерной жизни, потеряв человеческое достоинство, гражданское право защищать себя от ложных обвинений.

Уголовники были гораздо более жизнеспособными, их жизнь не висела постоянно на волоске, как у политзаключенных, они не были так унижены и так растоптаны. Они умудрялись доставать даже книги. Книги эти по своему содержанию далеко не всегда бывали хорошей духовной пищей, но и такое чтение при свете драгоценной лампы доставляло Мили удовольствие. Однако и тут нужно было хорошо припрятать книгу, чтобы ее не заметили охранники.

Зима была ранней, мороз разрисовывал оконные стекла, и сквозь них ничего не было видно. В бараках было холодно, дров давали мало. Щели в стенах, через которые летом пробирались комары, сейчас расширились и беспрепятственно пропускали холодный воздух. Ветер дул со всех сторон, спасения от него не было. Воспаление легких стало самым жестоким врагом заключенных. Необходимых лекарств не было. Мили ничем особенно не могла помочь этим несчастным и часто плакала от своей беспомощности. Расход деревянных талисманов увеличивался. К декабрю земля стала твердой, как железо. Лопата уже не брала ее. Куда уносили или увозили пронумерованных покойников – никто толком не знал. Где-то нужно было их хранить до весны, до оттаявшей земли.

Темными морозными утрами все, кто хоть как-нибудь держался на ногах, качаясь, направлялись на принудительную работу. Обветшалая, изношенная одежда и обувь не спасала ни от морозов, ни от снега, изнуренное, исхудавшее тело становилось добычей ледяных ветров. Мили прибавилось работы по лечению

обмороженных рук, ног, лиц. Не хватало перевязочного материала, ни мазей. Страшно было смотреть на эти людские страдания, которые чаще всего кончались некрозом, заражением крови, смертью.

Однажды начальник вызвал лекпома к себе. По дороге у же Мили чувствовала, что разговор будет тяжелым.

- Если не умеешь лечить, то что ты тогда умеешь? – Надо было дать начальнику ответ, почему политические умирают. – Может быть, ты сама их отправляешь на тот свет? Ты что, не понимаешь, что у меня приказ из Воркуты выполнить план лесозаготовок – откуда я возьму рабочую силу, если ежедневно туда в сарай складываю мертвых? Если бы их хоть можно было побросать, как бревна, в реку, чтобы они самиплыли до Нарьян-Мара, а то мне уже и складывать некуда! – Начальник решил, что сказал что-то очень смешное и рассмеялся своей шутке. Мили ждала, пока приступ смеха закончится. Вдруг он свирепо посмотрел на нее и заорал:

- Убирайся отсюда! Думаешь на тебя управы не найдется? – У начальника была забота по выполнению плана. В Мили он видел главного виновника того, что, по его подсчетам, он не выполнил бы и половины. Заодно с нею и всех других политических он считал симулянтами и бездельниками. Он хвалил уголовников и говорил, что все эти бандиты, которые добросовестно искупают работой свои грехи, станут порядочными людьми и выйдут на волю, тогда как политические, изменники Родины, сгниют в болотах Коми.

- Ни один из вас не выйдет на свободу! Сегодня же напишу рапорт в Воркуту про твое вредительство, получишь новый срок! Ушлю тебя к черту на рога!

Что могла Мили ответить на это? Что одними словами, без лекарств, дорогу смерти не преградишь? Что политическим ничего другого не остается как умирать от истощения, потому что – больные и измученные – они не могут выполнить норму, а, не выполнив нормы, не получают полный паек, а чем меньше они едят, тем меньше могут работать? Что их заели вши и что у них нет никакой защиты от холода и ветра? Разве начальник не понимал все это сам? Мили вернулась к себе. Ее собственное положение теперь казалось безнадежным. Пять лет заключения впереди, а сколько к ним еще прибавят? Она не сочла слова начальника пустой угрозой. Но неужели все это надо принять безропотно, заглушив в себе голос

протеста, идущий из самой глубины души? Где же этот Человек с большой буквы? Манефа внимательно посмотрела на Мили, но ничего не спросила. Она ласково тронула ее за плечо и сказала:

- Чай готов, вкусный! Из сушеной черемухи, горячий. Теперь Мили почувствовала, что она не одна. Рядом с ней – пожилая женщина, приветливая, неназойливая, ее простая душа все принимала и понимала. Речь Манефы, певучая, спокойная, с некоторыми словами из языка коми, заставила Мили на минуту забыть свои тревоги, она не вникала в то, что Манефа говорила ей, но мелодия ее слов точно убаюкивала, отгоняя мрачные мысли. Мили сказала ей о грубой угрозе начальника. Наливая чай, Манефа говорила, что начальник не такой плохой человек как кажется, он ведь из самого простого народа и вдруг получил власть над теми, кто был выше него по положению и по уму. « Ты не бойся, ничего страшного не будет. И зачем заранее волноваться и переживать? Успеешь тогда, когда беда придет, ничего мы не знаем о завтрашнем дне, может, завтра будет большая радость тебе – на все воля Божья.»

С каждым днем зима становилась все суровее, снега было много, а тех, кого можно было послать в лес на работу – все меньше, даже лошади уже не в состоянии были пробираться сквозь сугробы, которые доходили им до живота. Тайга опустела, все работы прекратились.

К тому времени в Медвежке, включая Мили, содержалось всего четверо заключенных женщин-политических, а когда Мили только приехала в этот лагерь, их было около двадцати. Некоторые из них были переведены в другие лагеря, большинство – неизлечимо больные и совсем уже старые, то есть те, кто уже не мог работать – попали в инвалидный лагерь, куда людей отправляли умирать. Мили знала о существовании двух таких лагерей на территории Коми, но, наверное, их было и больше. Женщины – политические содержались теперь в одном бараке с бытовичками, но никаких особенных недоразумений между ними не возникало. Бытовички эти не были особо страшными уголовными преступницами. С одной из них Мили ознакомились особенно близко. Это была совсем молоденькая девушка-коми, по имени Евдокия, которая попала в лагерь потому, что в лавочке, где она работала продавщицей, комиссия не досчиталась шестидесяти копеек. Евдокия была осуждена на пять



лет. Она, как будто, и не очень сокрушалась, не жаловалась на свою судьбу, только говорила иногда: « Неужели им не дороже обойдется кормить меня даром пять лет за эти шестьдесят копеек? Да и не брала я их, ошиблась, наверное, когда давала сдачу»

Евдокия стала работать санитаркой в амбулатории и очень привязалась к Мили. Иногда она просила Мили рассказать ей о своем доме и Мили рассказывала ей о Грузии, о том, как там красиво, какие там высокие горы, густые деревья, яркое солнце. Однажды девушка спросила ее: « А ты возьмешь меня с собой в Грузию?» - « Возьму, - ответила Мили. Евдокия легла на постель и закрыла глаза, казалось, что она уснула. Вдруг она вскочила и сказала, как будто про себя: « Нет, знаешь, я с тобой не поеду». «Почему же? – спросила Мили, - ведь там так хорошо!» - «Нет, знаешь, здесь такая зима, такой белый снег и такой простор и свобода.» -« Какая же свобода у тебя в лагере?» - « Вот когда я выйду, - ответила та, - я пойду в лес, он такой белый – белый, я одна пойду, никого не возьму с собой и пойду по снегу и каждое дерево в лесу будет мое ...»

Письма из дому приходили редко – разрешалось получать всего четыре письма в год и столько же отправлять. Получив в руки конверт, не сразу открывали его – письмо долго держали в дрожащей руке, не зная, принесет ли оно радость или жгучее горе. Каждый хотел прочитать свое письмо в тишине, в одиночестве, а уже потом эти письма читали в бараке вслух, хорошие известия радовали всех, а о грустных молчали. Были письма от любящего сына или дочери дорогой маме, которой уже не было в живых. Плакали тихо все вместе, горячие слезы текли по щекам, капали на сложенные на коленях руки. Могла ли быть какая-либо панихида в церкви со всей своей торжественностью более душевной и святой, чем эта молчаливая, тихая скорбь?

Рано утром перед Новым годом Мили снова вызвали к начальнику. С трудом протапывая дорогу в снегу, она подумала: « Неужели новогодний подарок – прибавка срока?» Она уговаривала себя: « Постарайся быть разумной, не говори лишних слов, только «нет» и «не знаю», в крайнем случае – «да», не показывая своего страха, от этого только хуже будет, и ни в коем случае не подписывайся ни под какой бумагой, но все прочти внимательно, если это протокол обвинения, под каждым пунктом подпиши « не

виновна» , - под таким словесным панцирем она вошла в кабинет начальника.

В своих толстых грубых пальцах начальник держал крошечный клочок бумаги. У Мили отлегло от сердца : слишком ничтожная бумажка, чтобы быть обвинительным протоколом, но тут же она возразила себе: « Разве ты не помнишь точно такой же клочок – пять на десять сантиметров – твое обвинительное заключение, по которому тебя сослали сюда на восемь лет?» Разве судьба человека зависит от внешнего вида бумажки?

Не глядя на Мили, начальник начал свою речь, как будто читал по написанному:

- За деревней Озерная на расстоянии пятнадцати- двадцати километров находится маленькое селение Росвино, там одна женщина – коми тяжело заболела. Тебе надо попасть туда как можно скорее. Возьмешь с собой все, что нужно. Пешком я тебя не посылаю, возьмешь мою лошадь и сани, в них полно свежего сена, есть и оленья шкура, чем прикрыться. Вон там, в углу, - он указал своим толстым пальцем, - есть валенки и овечий тулуп, можешь взять, не замерзнешь. Дорога простая, прямая, без всяких поворотов. Кардинал, моя лошадь, дорогу знает, часа три тебе нужно на дорогу, не больше. Кардинал быстрый, а эта женщина – моя родственница.

Мили была счастлива, что ее опасения не оправдались. Предстоящая поездка радовала ее. Какая удача – поехать куда-то одной, без охранника, и хоть короткое время почувствовать себя свободной.

Валенки были почти новые, огромного размера- к счастью, топтать в них много не придется. Тулуп вонял овчарней, но тем теплее будет под густым облаком этого запаха. Кардинал, добрый «парень», бежал резво, видно находился на лучших харчах, чем седок. Мороз крепчал, но не добирался своими когтями до тела, стоило же высунуть нос из-под тулупа, как сразу же чувствовались его сердитые щепки. Низкорослый лес был очень красив в своем снежном наряде. Мили думала о том, как будет хорошо, когда она возвратится в барак, кто-то обещал принести живую елку – настоящую, со знакомым запахом Нового года. Все пожелают друг другу свободы в Новом году, зная в глубине души, что это несбыточно. Дорога была недавно расчищена, горы снега по ее

краям не давали лошади свернуть в сторону. Кардинал знал свое дело, его не надо было понукать. Мили могла спокойно лежать в тепле и представлять, как будет встречать Новый год ее дочь, и вспоминать предыдущие новогодние праздники, которые казались такими далекими. Живее других вспоминалась ее новогодняя ночь 1936-го года, последняя, проведенная в кругу близких, и от этого воспоминания тоскливо сжалось сердце. Ей казалось, что ей легче было бы переносить настоящее, если бы воспоминания о счастливых прошлых днях не появлялись так упорно перед ее мысленным взором, не терзали ее своим «Ты помнишь? Помнишь?»

Поднялся ветер. Спокойный до того лес зашумел, сбрасывая с себя снежные украшения. Небо потемнело, смешалось с землей, началась метель и скоро в лесу все завертелось, как на шабаше ведьм. Не разобрать было откуда сыпал снег – то ли поднимался с земли, то ли падал с неба – сквозь это дикое кружение ничего нельзя было разглядеть. Кардинал забеспокоился, время от времени тревожно ржал. Мили старалась смахнуть снег с лица и хлопала глазами, чтобы хоть что-нибудь увидеть впереди. Вдруг, как по волшебству, вся эта кутерьма прекратилась так же неожиданно, как и началась. Сквозь снежную пыль замелькали освещенные окна избушек деревни Озерная. Лошадь стала, и Мили приподнялась в санях, чтобы посмотреть, что случилось.

Из сугроба торчали колья забора, ворота были наглухо заперты. Над ними висела доска с какой-то надписью. Понукая Кардинала, Мили подъехала поближе и прочла: «В деревне чума. Проезд запрещен. Объезд снизу через озеро.» И снова сиди и думай, что теперь делать? Возвращаться нельзя, во что бы то ни стало надо ехать дальше. Объявление было, вероятно, повешено не так давно и никакой дороги к озеру не было видно. Надо было спускаться прямо по глубокому снегу. Кардинал шел очень осторожно и все время прят ушами. Вновь началась снежная кутерьма и вновь все перемешалось. Лошадь, видно, потеряла дорогу. Она плелась по самое брюхо в снегу, останавливалась, делала несколько шагов то вправо, то влево и снова ржала. Мили ласково говорила с ней, дергала вожжи, но лошадь встала и больше не двигалась. Пурга так все заметала снегом, что сидя в санях, Мили не различала головы лошади, которая беспрерывно фыркала и часто, коротко ржала. «Ну это, наверное,

мой последний Новый год, -думала Мили. Она собрала все свои силы, и в этих немыслимо огромных валенках выбралась из саней. Ветер чуть не сбил ее с ног. Кое-как держась за край саней, потом за оглоблю, она старалась добраться до морды лошади и, наконец, обхватила ее мокрую шею. Закоченевшими руками она сбросила с нее снег, но он облеплял снова и снова, большие миндалевидные глаза смотрели испуганно из-под заснеженных ресниц.

- Неужели мы оба пропали? – вслух сказала Мили. Очищая мягкие губы лошади и стараясь освободить ее ноздри и уши от льдинок, она все время ласково говорила ей: « Ты же ближе к Богу, чем я – ты же Кардинал и ты невинная Божья тварь, а я лишь грешный человек, может, Бог услышит скорее тебя и спасет нас обоих от преждевременной смерти?»

Кардинал, как будто поняв, кивнул головой и взгляд его больших глаз стал более спокойным. Мили доплелась до саней, закопалась в сено и укрылась овчинным запахом. Мысленно она пожелала своей дочери счастья не только на этот год, но и на все последующие годы. Те же пожелания она послала и Фаине. Потом она согрелась и, незаметно для себя, уснула. Проснулась она от какого-то толчка – неужели она у ворот в другой мир? Кто-то рядом стоящий что-то говорил ей, но она ничего не понимала. Кардинал ржал и топтался на месте. Она поняла, что сани зацепились за что-то и потому стоят. Голос, который она слышала, принадлежал не святому Петру, а жителю деревни. Он говорил на языке коми, но Мили догадалась, что он удивляется, кто это ездит в такую погоду? Кардинал –то был ему хорошо знаком. Мили объяснила ему, кто она такая. Оказалось, Кардинал привез ее в деревню Озерная. Человек сказал, что до Росвино в такую погоду все равно не добраться и повел сани за собой, к своей избе. У дверей избы их встретила хозяйка.

- Позаботься, Екатерина, о человеке, а я позабочусь о лошади. Ну и умное же животное, в такую погоду – а нашел дорогу. Наверное, твои шанечки учуял: даже лошадь понимает. откуда хороший запах идет.

Мили так закоченела, что с трудом переступила порог. Хозяйка помогла ей раздеться и предложила отдохнуть, что-то приговаривала – Мили не все понимала, так как не говорила на коми. Ее тревожило состояние больной, тревожил и гнев начальника – но что было

делать? Продолжать путь в такую погоду было невозможно, она это понимала. Начальник, конечно, не станет переживать за лекпома, погибшего где-то в тайге, но ведь была и лошадь! С этими мыслями она уснула.

Разбудил ее мужской голос, донесшийся сквозь сон:

- Пора вставать, скоро Новый год

Стол был накрыт, самовар уютно пыхтел, аромат горячей пищи наполнял празднично убранную горницу. Из красного угла смотрели на нее лики святых. Мили подседа к столу, за которым сидела уже вся семья. При виде пирогов, жареной оленины и других яств у нее засосало под ложечкой. Хозяин поднял стакан и пожелал всем счастья. Дети сидели тихо, ожидая, пока им положат еду на тарелки. Все перекрестились и затем приступили к еде. Там вдали от дома, среди чужих, но доброжелательных людей встретила Мили этот Новый год.

Утром сам хозяин повез ее в Росвино. Хозяйка завернула ей в узелок пироги и куски копченого оленьего мяса. Ночная метель улеглась, но снегу навалило много. Больная лежала с высокой температурой, жаловалась на боль в груди. Мили прослушала ее грудь и спину, и хрипы были настолько сильны, что она без труда определила воспаление легких. Она знала по собственному опыту, что уколы камфоры приносят в таких случаях облегчение. Она сделала больной этот укол, поставила ей банки и дала сердечные капли. Состояние женщины показалось ей очень серьезным и она посоветовала отправить ее в больницу, но та наотрез отказалась. Мили оставалась с больной весь день и делала, что могла, но к ночи хозяин запряг Кадинала, и она отправилась в обратный путь.

Утром, войдя в кабинет начальника, Мили доложила ему обо всем, и начальник спросил:

- Почему не осталась с больной?

- Я вашего распоряжения на это не получала, - ответила она.

Видно было, что начальник не знал, то ли ему сердиться, то ли считать, что заключенная поступила правильно. Прошло несколько дней, и Мили узнала, что женщина поправляется, и вместе с этим известием она получила из Росвино несколько свежельовленных сивов в благодарность за свою работу.

После этой первой самостоятельной поездки Мили не раз

приходилось выезжать по вызовам в близлежащие деревни то к роженице, то к заболевшему ребенку. Жители этих деревень всегда очень ласково обходились с ней и подкармливали ее, чем могли. Именно это, дополняющее постный лагерный паек питание, вместе с сосновым воздухом Медвежки и помогло ей окончательно избавиться от туберкулеза, который неминуемо свел бы ее в могилу, как и многих других несчастных заключенных.

## 14. ВОТ КАК, ЗНАЧИТ, ФИНКА?

К Новому году Мили получила стекло для своей лампы и темными зимними вечерами она могла читать под ее неярким светом. Неужели в Финляндии, расположенной в этих же широтах, зимой бывает так же темно, как здесь? Мили не верилось, что где-то может быть такая темнота.

Иногда уголовники приносили ей книги. Они как всегда делали короткие набеги на разные недозволенные места и прибирали к рукам все, что плохо лежало – таким же образом они раздобыли и стекло для лампы. Изредка Мили находила у себя в медпункте пачку махорки и немного сахара. Книги попадали к ней почти новыми, но переходя из рук в руки, теряли около двух третей своего объема, который улетучивался вместе с дымом от махорки.

Неясные сведения о событиях в Европе продолжали поступать в лагерь. Говорили о зверствах Гитлера, Муссолини и Франко, о том, что в некоторых странах инакомыслящие попадали в лагеря, а вместе с ними – вообще не мыслящие, но эти сведения не очень-то ободряли заключенных в лагерьном пункте Медвежка. Германия, технически развитая страна, изобрела много средств для массового уничтожения своих заключенных, в том числе газовые камеры и крематории. Договор между Советским Союзом и Германией пугал всех заключенных – а что если Гитлер подарит Сталину такие машины для уничтожения людей? Россия всегда отставала в технике от Германии, но были и такие слухи, что на Колыме, Норильске и Магадане и без техники хорошо справлялись с этим делом.

Странным было то, что количество сторожевых вышек все росло и росло, как и число заключенных в бараках, но тому, что прибывающие заключенные не были инакомыслящими, а были идеологически хорошо подкованными коммунистами, никто не удивлялся. Среди этих последних было много членов Коминтерна из многих европейских стран.

Воспаление легких, туберкулез, пеллагра уносили много человеческих жизней. Выживали те, чей организм оказывался крепче. На подходе весны Мили снова заболела воспалением легких. Ее мучил удушливый кашель, высокая температура, она

сплевывала гной с кровью. Ветврач приходил к ней и лечил той же камфорой, в критические моменты он не отходил от ее постели. Манефа приносила молоко, что-то варила, но Мили ничего не могла есть. Во сне она видела фрукты, лимоны и большие сочные апельсины. Когда она просыпалась, рот ее горел от жара, не хватало сил разговаривать, отвечать на вопросы, губы ее потрескались до крови. Иногда ей казалось, что дочь ее сидит рядом, она открывала глаза и видела перед собой, как в тумане, Нинино лицо, но туман рассеивался и вместо Нины у ее постели сидела Манефа и старалась влить ей в рот ложку брусничного сока. Понемногу организм справился с болезнью и, наконец, настал день, когда она с помощью Манефы сделала несколько неуверенных шагов по палате.

Однажды Манефа пришла с кастрюлькой и сказала:

- Посмотри, что я тебе принесла. Ешь на здоровье, но сперва угадай, кто тебе все это прислал? – Мили сняла крышку, и чудный запах свежесваренной ухи с большими кусками рыбы наполнил комнату. Мили пыталась угадать от кого был подарок, она назвала многих, но Манефа все качала головой:

- Не угадала. Это сам начальник прислал тебе и пожелал выздороветь.

Скоро свершилось и второе чудо, о котором заговорил весь лагерь; Мили навестила сама жена начальника и принесла еще теплые шанечки – пирожки из ячменной муки с картошкой, поллитровую банку варенья из морошки и сыр собственного изготовления. В этот вечер был настоящий праздник; пили чай с вареньем и шанечками. Мерцалов смотрел на Мили и улыбался.

- Знаете, на кого вы сейчас похожи? – спросил он. – На новорожденного теленка с большими грустными глазами и с ногами, с которыми он не знает, что делать.

Если бы только с ногами! Мили не знала, что делать и с руками – за тот месяц, что она была больна, все знакомые предметы значительно прибавили в весе. Маленькое общество наслаждалось покоем, сидя у окна, за которым апрельский снег блестел под лучами неякого солнца. Мягкий, ласковый голос Манефы будил воспоминания детства, так же как и вкус с малых лет знакомого варенья из морошки.

Наступил май. Однажды, сидя у себя в амбулатории, Мили



подумала, что в Тбилиси уже отцвели фруктовые деревья и настала пора цвести розам. Единственный гость, Мерцалов, сидел молча, о чем-то глубоко задумавшись.

Вдруг Мили спросила:

- Какое сегодня число?

Ответ был – 13-ое мая. Это был день рождения Мили, сегодня ей исполнилось сорок лет. Была ли у нее когда-либо молодость? Теперь она женщина средних лет, и вся ее жизнь кажется отошедшей далеко-далеко в прошлое. Мили сказала, что это день ее рождения, но ни Марфа, ни Валентин Михайлович не поздравили ее, последовало долгое молчание.

Весна наступала медленно. В начале июня снег на освещенных солнцем местах растаял, а в тени он только изменил свой цвет. Лед на реке потемнел и кое-где оттаял, заиграл солнечными бликами. С нетерпением ждали ледохода, открытия навигации и первого парохода, который привезет новые запасы продовольствия, прошлогодние уже подошли к концу. Больше всего ждали почту, письма из дому, но что они принесут? – кому радость, кому горе.

Весенние работы уже начались, в парниках вырастили рассаду капусты, моркови и свеклы, и с середины июня всех заключенных – и молодых, и старых, и больных, и здоровых – погнали на поля высаживать эту рассаду. Работали днем и ночью, а полярное солнце прилежно светило. За короткое лето надо было вырастить огромное количество овощей для отправки в Воркуту. В угольных шахтах Воркуты работали сотни тысяч «рабов», как их называли заключенные, но рабов ведь тоже надо было кормить, и тем, кто выращивал эти овощи, оставались жалкие остатки.

В один из июньских дней, когда летнее солнце было в зените, в лагере случилось нечто из ряда вон выходящее. Начальник отменил ночную работу. Видно было, что и он, и все охранники были чем-то сильно встревожены. Заключенные недоумевали и спрашивали друг друга, что могло случиться. Мили хотела узнать у Манефы, что означает это странное поведение начальства, но Манефа не пришла на работу и, вообще, на территории лагеря не было видно ни одного человека с воли, и ни одного из переселенцев, этих полусвободных людей. Позже объявили приказ начальника всем заключенным собраться у административного здания. Невероятные

слухи распространились в лагере. Кто-то узнал из «абсолютно верного источника», что всех политических освобождают, что до сознания Сталина, наконец, дошло, что все эти люди безвинно страдают, что недоверие к ним, которое какой-то очень умный и хитрый провокатор посеял в душе Сталина, рассеялось; но из другого, тоже «совершенно верного источника», узнали, что это – конец всем политическим. Река освободилась ото льда, и всех можно погрузить на баржу с прохудившимся дном и пустить по течению. Были и другие слухи, и все из «верных» источников, но того, что случилось, на самом деле, никто конечно не мог предположить.

Жалкая, испуганная, дрожащая толпа собралась перед конторой. Начальник вышел на крыльцо, лицо его было неузнаваемым, как будто неживым. Тишина была гнетущей, невыносимой.

- Сегодня гитлеровская Германия нарушила договор о ненападении. Под утро ее хорошо вооруженные войска перешли границу нашей Родины. – Эти слова – тяжелые как камни – срывались с его губ. Он сказал, как все это случилось и каковы последствия этого. Стальным голосом он объявил, что каждый человек должен выполнить свой долг перед Родиной, это касается как бытовиков, так и политических. Работать надо пуще прежнего, отказ от работы наказуется по законам военного времени. Пайки будут урезаны, но чтоб жалоб не было слышно. После этого он приказал ночной смене выйти на работу, а всем остальным разойтись по баракам. На прощанье он еще объявил, что даже самое маленькое нарушение лагерного устава будет наказываться очень строго.

Заключенные собрались в бараках. Все были уверены, что дом и свобода отступают все дальше и дальше. Тех, у кого семья осталась в западной части Советского Союза, объял леденящий душу страх, да и сердца всех остальных бились в тревоге.

Шло время, но никаких известий о положении на фронте не поступало. Разговоры утихли, только мрачные мысли крутились у каждого в голове. Некоторые из уголовников попросились на фронт. Их просьба была удовлетворена, но их предупредили, что они попадут прямо в штрафной батальон. Женщинам – уголовницам в той же просьбе было отказано: «Будете там проституцию разводить.» Отказали и мужчинам- политическим, и переселенцам – это были «ненадежные элементы».

Мили было приказано выходить на работу вместе со всеми в шесть часов утра и работать до шести вечера. Те, кто нуждался в медицинской помощи, могли придти на прием после работы. Она была еще слаба, и физическая работа была ей не по силам, но некоторые были еще слабее, чем она, и никто не отказывался от работы. Пайки были урезаны, и ослабевшим от долгого недоедания людям приходилось совсем уже худо. Работая на картофельном поле, некоторые пытались припрятать в одежде картофеля, но если охранник это замечал, картофеля отнималась и на заключенного выливался поток брани и грубых угроз: «Еще раз поймаю – получишь новый срок!» Капустная похлебка, в которой плавали большие рваные листья капусты, «портянки» как их называли заключенные, стала совсем жидкой.

Родина терпела поражение за поражением, и сохранять это в тайне было трудно. Белорусия и Украина были уже почти целиком заняты врагом, угольные районы Украины были потеряны. Воркута стала главным поставщиком угля. Открывали все новые и новые шахты, и для них требовалось все больше и больше рабочей силы. Заключенные Медвежки жили в постоянной тревоге, опасаясь отправки на Воркуту, куда ежедневно прибывали эшелоны с новыми «рабами». Среди них было много дезертиров, осужденных на десять лет, но редко кто из них дотягивал до четверти этого срока, как это и полагалось. В шахтах работа шла вручную, без всякой техники, шахты были темными и плохо вентилировались, но об улучшении условий работы никто не заботился – к чему? Один умрет, другой на его место придет.

С первым парходом Мили пришло два письма – от дочери и от Фаины. Оба были написаны еще до войны. Мили в голову приходили мысли, которых она сама стыдилась: «Слава Богу, что Тбилиси находится далеко от фронта! Не может быть, чтобы гитлеровская армия добралась до Кавказа!»

Однажды светлой летней ночью она услышала шум моторной лодки, который стих у пристани. Из окна она увидела как четверо мужчин в форме направились к административному зданию. У каждого был под мышкой портфель. По своему опыту Мили знала, что начальник получает новые распоряжения относительно заключенных. Прошло несколько дней и ничего особенного не

случилось. Заключенные волновались, ожидая для себя всего самого худшего. Это мучительное молчание со стороны начальства вызывало внутреннее напряжение и страх, который трудно было уже скрывать, и он вырывался наружу истерикой и припадками злости, доходящими до умопомрачения. То и другое лечили двумя способами – карцером и прикладом ружья.

Новые охранники все прибывали, а с ними вместе и те, кого они должны были охранять. Охранники были довольны, что хоть на время спаслись от фронта, где дела шли плохо. Здесь, на этой работе, они доказывали свою преданность Родине, бдительно охраняя изменников и врагов народа, которым и бежать-то было некуда.

В конце июля в лагерь привезли новых заключенных, среди них была и одна женщина. Как всегда после долгой дороги, все они страдали желудочными расстройствами, и Мили поняла, что ни один из них не в состоянии будет работать. Начальник пришел в амбулаторию и с ним вместе высокий худой мужчина с мрачным взглядом черных, глубоко сидящих глаз.

- Это новый доктор, политзаключенный, как и ты, но более добросовестно выполняющий свою работу. Он осмотрит всех заключенных и даст свидетельство о трудоспособности каждого. Он будет диктовать, а ты - писать рапорт. Твоя и его подписи должны стоять вот здесь. Я сам потом все проверю. Вы оба знаете, что среди этих политических есть много симулянтов и притворщиков. Идет война, и знайте, что за саботаж попадет как врачам, так и больным. Уходя, начальник приказал охраннику, стоявшему у дверей, впускать заключенных по одному.

Не было времени познакомиться с новым врачом, но Мили почувствовала, что огромная тяжесть упала с ее плеч, теперь часть ответственности будет снята с нее. Врач сказал, что он москвич и что арестовали его безо всякой вины и по ошибке прислали в лагерь. Он уже написал заявление Сталину и уверен, что его скоро освободят.

- Отлично! И с оркестром проводят на пристань, - с улыбкой сказала Мили. Он посмотрел на нее пристально – сказано ли это с иронией или действительно так и будет?

Первой втолкнули в комнату женщину.

- На что жалуетесь? – спросил врач.

- Я не пришла сюда жаловаться, - последовал твердый ответ на украинском языке. – На предыдущем осмотре меня признали сумасшедшей, а если я не сумасшедшая, то самая наглая антикоммунистка, украинская шовинистка, шпионка – только не знаю какой страны, пропагандистка – тоже не знаю чего и, конечно, враг народа.

Женщина была брюнетка, с красивым бледным лицом, она не выглядела подавленной. На какой-то миг Мили мысленно перенеслась в Харьков, и сердце ее сжалось тоскливо, а женщина продолжала, что если ее и здесь признают душевнобольной, как признали это предыдущие врачи, она избежит смертного приговора, а если выяснится, что она здорова, как она сама утверждает, то ее путь окончится в Воркуте, так же как и ее жизнь.

Женщину увели, московский врач сидел, глубоко задумавшись, и казалось, что даже ручка, которую сжимали его пальцы, не в состоянии будет подписать вынесенного им заключения. Мили сидела без всяких мыслей; слова женщины –«я здорова» - эхом отзывались в ее ушах.

- Что скажете на это? – спросил врач. – Я считаю, что нет причин не соглашаться с предыдущим медицинским заключением. Судя по этому документу, врач-психиатр на основании долгого и тщательного обследования пришел к выводу, что эта женщина – душевнобольная, и невропатолог придерживается того же мнения. Под чем они оба и подписались.

- Я, вообще, не врач и, конечно, ни в коем случае не подозреваю этих врачей в некомпетентности. Разве нормальный человек будет утверждать, что он здоров, ясно сознавая, что за этим последует? Я с готовностью подписываюсь под этим заключением, - сказала Мили и поставила свою подпись, оставив выше место для подписи московского врача. Тот взял документ, долго держал его в руках и отложил, не подписывая.

Осмотр больных и писание справок продолжалось почти до утра. Если бы к каждому больному был врачебный и человеческий подход, то все они получили бы койку в больнице, соответствующий уход и лекарства, и тогда половина из них, вероятно, осталась бы в живых. Тех, кто не мог или едва мог стоять на ногах, охранник брал за шиворот и усаживал на стул – их дни были сочтены. Мили

спросила нового врача:

- Как можно таких, совсем умирающих, посылать на работу? Ведь они до рабочего места не дойдут?

- Не моя эта забота, - сказал врач. – Если умрет на месте работы, я не отвечаю, а если освобожу их всех, меня обвинят в саботаже. Сейчас война, шутки плохи. Я знаю, что они не смогут работать, но и барак не спасет их от смерти.

Утром пришел охранник и объявил Мили приказ начальника:

- Собирай вещи и шагай в барак, там узнаешь зачем.

Это могло означать, что куда-то переводят. Новый врач бодрым голосом пожелал Мили счастливого пути, словно она отправлялась в отпуск на Ривьеру.

В пустом бараке Мили сидела на полу, все женщины были на работе. в окно светило то же знакомое бездушное солнце. Она хотела в тот момент только одного: чтобы пришел кто-нибудь из женщин, кому можно было бы сообщить свой адрес в Тбилиси, чтобы та написала Нине и рассказала о последнем дне жизни ее матери. Дверь распахнулась от удара ноги, вошел вооруженный охранник и приказал ей выйти с вещами. Задавать какие-либо вопросы было бесполезно. Перед конторой к ним присоединился еще один охранник с портфелем в руке. Значит, еще не на казнь, для этого портфель не требуется.

С пригорка видна была зеркальная гладь реки и белый пароход на «пристани». Остановились и стали ждать еще кого-то или что-то. Из карцера вывели «сумасшедшую» украинку, и затем обеих женщин повели на пароход в сопровождении вооруженной охраны.

Мили вскоре узнала, что ее переводят из этого лагеря в другой, так как наконец сообразили, что она – финка; и как это прозевали в 1939-ом году, в «финскую кампанию»?

Теперь, когда Финляндия вместе с немцами воевала против Советского Союза, всех финнов этапировали в специальные лагеря.

Пароход был пассажирским, не предназначенным для перевозки заключенных. Среди свободных пассажиров были коми, ненцы, несколько русских. Мили огляделась и увидела удивленные лица, люди переговаривались, наверное, спрашивали друг друга, почему этих женщин везут среди вольного народа и куда их везут. Спрашивали об этом и охранников, но те стояли, как стражи

фараона с каменными лицами, не отвечая ни на какие вопросы. Кто-то произнес слово «Воркута».

Вольные сочувственно смотрели на двух заключенных женщин, из которых одна, украинка не достигла, наверное, и тридцати, а Мили со своими вьющимися волосами и юношеской худобой выглядела не старше своей товарки. Некоторые из пассажиров пытались подойти к ним и чем-то угостить, но строгие окрики охранников вынуждали их отойти.

Монотонный плеск воды убаюкивал, но тревожные мысли не давали забыться сном. Украинка тихонько напевала что-то. Перед мысленным взором Мили вставало другое путешествие на белом пароходе, когда она вместе со своими братьями и сестрами плыла по реке Оулуйоки до того места, где начинались пороги. Самым интересным в этом плаваньи было то, что с собой у них была большая корзина со всякими вкусными вещами, пончиками с вареньем, венскими булочками, а в пароходном буфете купили лимонад и мороженое. Какое это было радостное путешествие! В тот солнечный летний день белый пароход шел против течения Оулуйки, а этот плывет сейчас против течения реки Печоры и против течения всей жизни Мили. Украинка сидела рядом с нею и ее красивые темные глаза внимательно вглядывались во все окружающее. Казалось, она ни за что не согласится заговорить по-русски, хотя она, наверное, знала этот язык. Позже, когда женщины остались вдвоем, она заговорила с Мили на чистом русском языке. и Мили узнала, что эта красивая гордая женщина была Оксана Якир, сестра красного командира Якира, биография которого закончилась в 1937-ом году. Андро знал Якира еще и по Харькову и всегда говорил, что он очень прямолинейный человек. Как видно, Оксана походила в этом на своего брата.

Мили смотрела на берега, которые медленно проплывали мимо. Вдруг Оксана вскочила на ноги, сделала несколько шагов вперед и громко заговорила на русском языке:

- Народ коми, проснись! Посмотри вокруг! Вон там сторожевая вышка, а там вторая, а вон третья! Вся ваша усеяна лагерями! Как вы позволили превратить ее в тюрьму для невинных людей? Где ваша любовь к Родине? Где гордость за нее?

Все это случилось так неожиданно, что охранники застыли

от удивления. Наконец, один из них подскочил к Оксане и зажал ей рот рукой, но она вырвалась и со всей яростной силой своего ослабевшего тела ударила его по физиономии. Тут очнулся и второй, схватил бунтовщицу за руки, откуда-то у них появилась веревка, и мигом эти двое сильных мужчин связали ей руки за спиной и толкнули на скамью.

- Сразу видно, что она по заслугам получила, никакая она не сумасшедшая, даже сумасшедший бы понял, что так буянить нельзя, - сказал один из охранников. Теперь Мили поняла, что московский врач признал Оксану нормальной, хотя до этого она была уверена, что он подписался под медицинским заключением врачей, признавших ее душевнобольной, подлежащей лечению. Если бы мысль могла уничтожать человека на расстоянии, Мили бы превратила москвича в кучу пепла и развеяла бы его по ветру.

На лицах пассажиров читались растерянность и недоумение. Как видно, ни им, ни охранникам не приходило в голову, что Оксана сказала чистую правду.

Путешествие продолжалось двое суток и наконец, закончилось у пристани города Усть-Уса, самого большого на Печоре и самого старого. В этом месте река Уса соединялась с Печорой. Заключение под охраной спустили с парохода. Многие пассажиры следили за ними с состраданием. Горожанам такая процессия была не в диковинку, наверное, тысячи и тысячи заключенных прошли уже этим путем, но все же многие оглядывались, так как этих женщин вели под усиленной охраной. Дошли до какой-то маленькой будки, где охранники сменились, прежние вернулись на пароход, а новые повели Оксану с Мили по улицам города. Они должны были пересесть на другой пароход, до прихода которого оставалось еще несколько дней. По всей вероятности, в Усть-Усе не было тюрьмы, и женщин поместили в старой, маленькой, захудалой избушке, в которой многие предыдущие постояльцы оставили следы своего пребывания. Когда дверь избушки открыли, оттуда в нос ударила такая страшная вонь, что никто не смог войти внутрь. Новые охранники были молодые парни и, наверное, еще не привыкшие ко всякой всячине, их чуть не вырвало от такой вони. Один из них пошел в лес и вернулся с еловыми ветками, которые он связал вместе – вышел веник. Оксана нашла у избушки железный лист и



с веником в одной руке и железкой в другой вошла в эту вонючую лачугу. Собрав веником все нечистоты на лист, она вынесла их за избу. Тот же парень нашел где-то ведро и принес воды, и Оксана, не долго думая, взялась за дело и еловыми ветками вычистила пол в избушке. Она не пожалела ни воды, ни своих сил, и скоро избушку нельзя было узнать. Мили так же как и парни с удивлением смотрела на Оксану – непонятно было, откуда у такой слабой с виду женщины столько силы воли – ведь она сама, так же как и Мили и их провожатые, знала, что это ее последняя дорога. Мили хотелось плакать, глядя на Оксану, которая не оборонила ни одной слезинки, а только пела и работала. Со стороны можно было подумать, что жизнь бьет в ней ключом.

- Откуда у тебя столько сил? – спросила Мили, хотя и не ждала ответа от приговоренной к смерти Оксаны. Глядя на это не поддающееся объяснению мужество, она устыдилась своей собственной слабости, она-то ведь знала, что ее ведут не на смерть.

И снова они продолжали путь по реке Уса. Куда? Может быть, все же в Воркуту? Маленький потрепанный пароходик казался не очень надежным. В этой старой калоше, казалось, не было места, защищенного от ветра и холода. Парням все было нипочем, они сладко спали, женщины же не могли уснуть. Плеск воды сопровождал пению Оксаны, которая тихонько напевала, как будто бы только для себя. Какие мысли были у нее в голове в это время?

## 15. КОЧМАС

Путешествие, казавшееся бесконечным, кончилось вдруг, неожиданно. Пароход пришвартовался к пристани. парень с портфелем под мышкой вытащил бумагу и стал по складам читать фамилию Мили. Казалось, он никогда не сумеет это сделать, и Мили пришлось ему помочь. На пристани стояли двое охранников, которым поручили Мили вместе с ее бумагами. « Это, конечно, не Воркута, - подумала она, - но что же это?» Нигде не было видно никаких надписей.

- Ну мы поплыли дальше, - сказал охранник, спустивший Мили на берег. – Если не будет встречного ветра, через несколько дней будем в Воркуте. С Оксаной вы уже не встретитесь. – Он весело помахал рукой на прощанье и вернулся на пароход. Перед расставанием Оксана и Мили молча посмотрели в глаза друг другу. В памяти Мили Оксана навсегда осталась воплощением удивительной внутренней силы, человеком, к которому не подходили слова «бедная, несчастная».

Охранники довели заключенную до какой-то бревенчатой ограды и, хотя Мили успела замерзнуть на пароходике, ей стало еще холоднее и она задрожала, когда охранник втолкнул ее в деревянные ворота, и за ее спиной защелкнулся замок.

Низкие деревянные бараки, как на боку лежащие небоскребы, образовали странный населенный пункт на огромной площади без единого кустика. Под ногами был мох, местами песок. Бесчисленные пни говорили о том, это место не всегда было жалким и бездушным. Сторожевых башен был четыре, как и положено. Мили долго вели через всю эту территорию. Навстречу попалась всего несколько человек в темно-серой одежде и с серыми лицами – трудно было угадать, мужчина это или женщина. Наконец, они остановились перед другим бревенчатым забором, который был немного ниже предыдущего. За ним находился внутриллагерный изолятор для особо важных преступников, и Мили была теперь зачислена в эту категорию – ведь она была финкой. Снова звук защелкнувшегося замка – этот звук словно пронзил ее мозг, дав понять, что перед ней открывается еще более ужасная действительность. Прошли несколько метров, остановились у двери, у которой стоял охранник

с ружьем. Первое впечатление от всего этого было невыносимо гнетущим, о таком она еще никогда и не слышала, и все это будет длиться годами! Она стояла со своими ничтожными пожитками в руках перед лицом новых испытаний. От тех вещей, которые положил ей в чемодан доброжелательный человек, пришедший ее арестовать, ничего не осталось. Было видно, и слышно тоже, что у охранников, стерегущих женщин в этом лагере, не осталось ни жалости в душе, ни сострадания, которые встречались еще иногда у прежних вахтеров.

В углу почти совершенно темной прихожей Мили заметила бочку и на стене – это замечательное изобретение, почти что автомат, под названием «умывальник». Вонь, исходящая от бочки, оповещала о том, для чего она была предназначена. Дверь открылась, Мили подтолкнули сзади, и грубый голос сказал со смешком: «Принимайте гостью». В этой, тоже полутемной комнате трудно было что-нибудь различить. Мили увидела сплошные двухэтажные нары, малюсенькое окно, с трудом пропускавшее свет в эту унылую комнату. Перед окном стоял стол со скамьями по обе стороны от него. Вся эта обстановка производила ужасающее впечатление, Мили показалось, что она находится в какой-то темной подземной норе.

На нарах кто-то сидел, кто-то лежал, некоторые стояли на страшно грязном полу. Как видно, все были без дела, но никому не приходило в голову следить за чистотой, а может быть, это было просто невозможно. Одна из женщин спросила Мили на ломаном русском языке:

- Ты немка?

- Нет, не немка, - ответила Мили

- А кто же ты?

- Я финка, - сказала она и с удивлением почувствовала, как непривычно это прозвучало, как давно не произносила она этого слова.

- Здесь у нас финок нету, ты не туда попала, иди дальше, вон там дверь.

Мили сделала так, как ей было сказано, и попала в комнату, которая была больше и светлее первой. Обстановка не отличалась от той, но было намного чище.

За столом сидела пожилая седоволосая женщина и рядом с ней другая, помоложе. Обе были одеты в свою «вольную» одежду, так же как и некоторые женщины, находящиеся в комнате. Мили переводила взгляд с одной женщины на другую. Что-то удивительно знакомое было в светлых волосах, голубых глазах и в носах, которые никак нельзя было назвать классическими. Одна из женщин, сидящих за столом, та, что была помоложе, спросила на чистом русском языке:

- Мадам из Финляндии?

Язык у Мили прилип к гортани, она ничего не могла ответить и, наконец, заикаясь выдавила из себя:

- Нет, я из Грузии, из Тбилиси.

- Тогда вы не туда попали, мы все финки.

Как утопающий, хватаящийся за уплывающий от него плот, Мили почти закричала, уже не заикаясь, на чистом финском языке, на котором она не говорила столько лет:

- Финки! Я ведь тоже финка! Финка я!

Эти слова внесли оживление, все окружили Мили, вопросы посыпались на нее со всех сторон: «Скажите, неужели в Финляндии опять война? Известно ли вам, что стало с нашими мужьями? Когда вы приехали из Финляндии? Кто там сейчас президент? Куда увезли наших детей? Правда ли, что их увезли в Финляндию?» - Что могла Мили ответить на все эти вопросы, она ведь думала, что очутилась за десятью замками гораздо раньше всех этих женщин?

Теперь она узнала, что это место называется Кочмас и является одним из множества лагерей Воркутлага, этих известных «садов Берия», которые простирались на тысячу километров во все стороны от Воркуты. На большой, строго охраняемой территории лагеря содержалось в бараках не менее трех тысяч заключенных, в основном, политических, мужчин и женщин. Уголовников, особенно женщин, здесь было мало.

В двух изолированных бараках находились особо строго охраняемые- очевидно, особенно «опасные» политические заключенные. Большинство этих женщин составляли немки, были также француженки, венгерки, румынки, чешки, польки и одна китаянка, жена русского, работавшего в Китае до войны. Всех финок поместили в отдельную комнату. Их было около шестидесяти. Одна из женщин предложила Мили место рядом с собой. Ее звали Эва.

Это была плотная, крепко сложенная женщина лет на десять моложе Мили. Ее жизненный путь начался, как и у Мили, в Оулу, пути эти были разными, но вот сошлись здесь, в Кочмасае. История почти всех этих финок была одинаковой. В двадцатых-тридцатых годах политическая ситуация в Финляндии была очень напряженной – влияние фашизма проникло в страну, так же как в Румынию, Венгрию и некоторые другие европейские государства. Мили почувствовала это на себе, когда гостила с дочкой в Финляндии в 1927-ом году. Вначале ей даже было отказано в финской визе и, только благодаря помощи своего двоюродного брата, влиятельного человека в правительственных кругах, она получила возможность посетить Родину, но Родина холодно приняла ее, мало кто хотел иметь с ней контакт, только близкие родственники были рады ее приезду. Поездка эта стала для нее неприятным воспоминанием так же как и темные декабрьские дни, проведенные ею в Финляндии. Она была рада вернуться к себе в Харьков и забыть это неприятное путешествие.

В тридцатых годах коммунистическая партия Финляндии находилась в подполье, принадлежность к ней каралась законом, одного подозрения было достаточно для того, чтобы человека уволили с работы. Некоторые попали даже в тюрьму, одним словом – многим жизнь стала невозможна. О Советском Союзе говорили шепотом, как о стране, где господствует свобода, равенство и братство, где всем хватает работы и где даже кухарка может стать членом правительства и управлять государством. Люди потоком переходили в Россию через восточную границу Финляндии. Часть прибывала через Эстонию, часть – через Карелию. Мужчины – мужья и отцы, вместе с женами, детьми и скудным скарбом направляли свои стопы в обетованную землю. Тайные переходы через границу были опасны, требовали большого напряжения сил. Многие финны, уже долгое время жившие в Америке, коммунисты по своим убеждениям, вынуждены были покинуть эту страну и перебраться в Советский Союз. Большинство финнов – переселенцев было направлено на Урал, где разворачивалось строительство крупных заводов. Работы хватало всем. Финны были умелыми и добросовестными рабочими. Все нужное для обустройства новой жизни они получали бесплатно: квартиры, необходимую обстановку, предметы мебели

домашнего обихода. Заработная плата удовлетворяла всех. Финны были довольны – их жизнь наладилась даже лучше, чем они того ожидали. Для малышей были устроены детские сады, а школьники ходили в школу, где преподавание велось на финском языке. Семьи росли, создавались новые, жизнь входила в обычное русло, а самое главное – у них наладилась переписка с родными, и они получали не только письма, но и газеты, журналы, даже посылки. Имели они и большой собственный клуб, где устраивали вечера, концерты, отмечали семейные праздники, Рождество, встречали Новый год.

Такая спокойная и, в общем, счастливая жизнь продолжалась несколько лет. И вдруг что-то случилось, что-то непонятное стало проникать в эту жизнь. Исчез неизвестно куда один из финнов. Старались угадать причину его исчезновения, откуда-то выползло слово «шпион». Слово было подхвачено, и человека заклеями сначала тайно, а затем и гласно. Хуже всего было то, что не только самого «негодяя», но и всю его семью очернили и даже детям не позволяли играть с его детьми. Случай этот не остался единственным, за ним последовали другие. Однажды, осенним вечером всех мужчин созвали после работы на собрание в клуб. Явка была обязательной, под расписку, даже больные обязаны были явиться. Когда проверили всех по списку и убедились, что все присутствуют, здание было оцеплено вооруженной охраной и двери заперты снаружи. Под утро их всех под усиленной охраной направили к железной дороге, где уже стоял поезд с красно-бурыми товарными вагонами, и паровоз раздувал пары. Вагоны быстро заполнились, их наглухо заперли, и состав отбыл в неизвестном направлении. Оставшиеся дома члены их семей этого не видели, так как выходить из домов они не могли – той же ночью все они были заперты в собственных квартирах. Некоторые пытались выбраться через окна, но и окна надежно охранялись. Женщины и дети были в смятении, плакали, звали своих.

Через пару дней явились работники НКВД и, не отвечая женщинам на вопросы о том, куда делись их мужья, приказали им упаковать свою одежду, оставив детскую в доме. Крики, плач, истерики огласили эти еще недавно счастливые дома, превратив их в дома умалишенных. Комиссары и охранники растерялись – они, очевидно, полагали, что так удачно начатая операция завершится

так же быстро и успешно. Они пытались утихомирить этих ничего не понимающих женщин, оказавшихся на краю пропасти, где обрывалась их жизнь. Никакие «уговоры» не помогали, конечно, и вопли матерей перемешались с криком детей, цеплявшихся за материнские юбки, от которых их приходилось отрывать силой. Обезумевших от ужаса женщин уверяли, что детей направят к ним, как только придут подходящие вагоны, привезут их вещи и что с мужьями они тоже «там» увидятся. Все это, конечно, была заведомая ложь – ни детей, ни мужей своих они больше не видели. Физические мучения в холодных товарных вагонах были ничто по сравнению с душевными муками всех этих финок.

Когда Мили встретила с ними в строго изолированном отделении лагеря Кочмас, шел уже шестой год их заключения. Боль в их душе была тупой, ноющей, незатихающей, никто из них ничего не знал ни о мужьях, ни о детях. Многие из оставленных детей были настолько малы, что не знали ни своего имени, ни фамилии и даже не умели говорить – они, если и остались в живых, были потеряны навсегда.

Каким бесконечно живучим оказывается человеческое терпение, когда в душе остается хотя бы тончайший луч надежды, поддерживающий жизнь, не смотря на непомерную душевную тяжесть! Лишь немногие из этих женщин, не выдержав навалившегося на них несчастья, повесились и сошли с ума.

То, что узнала Мили из рассказов финок в Кочмасае, не было для нее новостью – она слышала о подобных случаях и в других лагерях.

Кто же эти две женщины, так мирно беседовавшие за столом этой темной комнаты? Официальное представление не состоялось. О них рассказали Мили другие. Старшие из них звали Анна Кукконен, она была из Карелии и попала в эти места «по ошибке». Она теряла присутствие духа, так как была уверена, что вскоре вернется в Ленинград к сыну, который закончил Военную Академию и занимал высокое положение в Красной Армии. Стоит сыну сказать слово – и все замки откроются перед мадам Кукконен. Сын позаботится о том, чтобы ошибка была исправлена.

- Вы, наверно, недавно прибыли сюда? – спросила ее Мили.

- Идет уже третий год, но я понимаю – Советский Союз такая

огромная страна, может быть, где-то еще случилась такая же ошибка, которую надо исправлять. Но я жду и уверена, что в скором времени я отсюда уеду.

Как хорошо, когда человек может смотреть сквозь пальцы на такие «ничтожные» ошибки. Мили не разубеждала ее, она знала цену этим ошибкам и имела свое мнение о них.

С первого взгляда было заметно как отличалась вторая женщина, та, что была помоложе, от всех остальных. Ее «вольная» одежда выглядела даже нарядной, светлые волосы были модно причесаны, руки ее, как видно, не знали грубой работы, она говорила красивым литературным финским языком. Она назвала себя – Айно, но фамилию не сказала. Казалось, Айно находилась на особом положении даже здесь, в этой жалкой обстановке. Большой кожаный чемодан стоял под ее ногами и тоже не вписывался в меблировку: ему, по-видимому, привычнее было бы находиться в отеле «люкс» какой-нибудь столицы Европы или Америки.

Все эти финки обращались друг к другу, конечно, по имени и на «ты», но к госпоже Айно – только на «вы». Тихо, по секрету, Мили сказали, что эта мадам – жена Отто-Вилли Куусинена, такого большого человека в Карелии. «Понимаете, какая это важная дама, она разговаривает на всех языках, даже на японском, она даже работала в Японии до того, как ее арестовали, а чемодан этот полон дорогих вещей, ночная рубашка – и та похожа на бальное платье. Она часто получает посылки, но они приходят не от Куусинена, получает даже кофе и пьет его ежедневно с Анной Кукконен. Вот завтра увидишь – она сварит кофе, этот запах так раздражает и нос, и желудок!»

Мили рассказали, как однажды, когда Айно варила кофе, немка из соседней комнаты набросилась на нее, как дикий зверь; правда, ничего страшного не случилось, у нападающей остался только клочок светлых волос в руке, который она продолжала сжимать даже когда пришли охранники и увели ее в карцер, чтобы остудить ее пыл. Говорят, что она остыла там даже слишком – оттуда ее увели в больницу со страшным кашлем. В бараке она больше не появлялась – может быть, она поправилась и ее перевели в другое место, подальше от запаха кофе, который ее так раздражал. А может, с ней случилось и что-то другое – кто знает?



С Эвой и другими финками было легко разговаривать, они с удовольствием рассказывали о своем детстве, родителях, родных местах. В этих рассказах редко слышалось слово «ребенок», только ночные вздохи и тихий плач говорили о страданиях матерей и жен.

Страшные слухи ходили по лагерю. Большая часть европейской территории Советского Союза была оккупирована немцами. Ужас, который приносит с собой война, разрушал проблески надежды на чудо, которое могло бы спасти этих женщин от гибели.

В этом изоляционном лагере, как и в других северных лагерях, заключенные испытали на себе все невзгоды суровой зимы – постоянную тьму и жестокий холод. В бараках промерзли до костей, отопление было недостаточным, а стены и пол барака – дырявыми. Кое-как пережили эту зиму. Для некоторых, однако, она оказалась последней. Весна несмело набирала силу, дни стали длиннее, ночи посветлели, вернее, посерели, этот ночной свет беспокоил и прогонял сон. Приходу весны не радовались, все стали менее разговорчивыми, Айно уже не получала богатых посылок и реже стала варить кофе, Анна Кукконен потеряла свой оптимизм и своей раздражительностью действовала всем на нервы, с утра до ночи ругая тех нерасторопных чиновников, по чьей милости она вынуждена была здесь сидеть.

Река взламывала свой ледяной покров, снег таял и превращался во множество весело бегущих ручейков. Однажды утром вода сквозь щели в дверях проникла в обе комнаты барака. Скоро весь пол был залит водой, которая все прибывала и прибывала. Шикарный чемодан Айно, так же как и пожитки других женщин, был поднят на верхние нары, куда забралась и сами женщины. Вода уже доходила до щиколоток, в ней плавали прогнившие доски пола. Поплыла и бочка, стоявшая в углу прихожей. Что теперь делать, если появится нужда в ней?

Вошел начальник в высоких резиновых сапогах, за ним – охранники с лопатами. Женщинам приказали выйти во двор и капать канавы, направляя воду вниз по склону. Жалко выглядела эта рабочая гвардия, а может, лопаты были слишком тяжелыми или почва слишком тверда? Прошло немало дней, пока, наконец, вся вода не ушла из барака, но холода и сырости хватило до самого лета. Все женщины, словно сговорившись, начали кашлять, у

многих разболелось горло, распухли суставы, боль не давала уснуть. Лекарств, конечно, не давали и никому не оказали никакой, даже самой примитивной медицинской помощи. Простуженные женщины мечтали о горячей воде, но воды давали очень мало, да и та была чуть тепленькой. Простыни и белье возвращались из стирки серыми, чуть ли не грязнее прежнего. Мыла не было ни для стирки, ни для бани. Хлебный паек день ото дня урезывали. Шла война, женщины не роптали – понимали.

В лагере уже стало известно, что Финляндия присоединилась к Гитлеру в войне против Советского Союза. По этой причине финки, так же как и немки, находились на положении военнопленных. Финок не покидал страх, что с продвижением немцев в глубь страны, их собственное положение будет все ухудшаться и ухудшаться. Когда, в один счастливый день 1944-го года стало известно, что Финляндия и Советский Союз заключили договор о перемирии, все – не только финны – вздохнули свободнее.

Задолго до этого, еще в конце 1942-го года, госпожа Айно была переведена из Кочмаса неизвестно куда. Некоторые решили, что сам Куусинен затребовал ее обратно в Москву, но они ошиблись – ее увезли в еще более отдаленный лагерь. Ходили даже слухи, что она отморозила себе ноги на лесоразработках, но и это не соответствовало действительности. О дальнейшей ее судьбе Мили узнала лишь много лет спустя. Она осталась жива и, пройдя через множество испытаний, получила свободу и смогла уехать в Швейцарию, где она написала книгу о своей жизни.

Анна Кукконен, всеми уважаемая тетя Анна, тяжело заболела и ее увезли в специальный инвалидный лагерь и оттуда куда-то в тайгу, на вечный покой. Так исчезли из лагеря эти две женщины, которые первыми встретили Мили на этом страшном месте, заговорив с ней на ее родном языке.

Находясь в Кочмасае уже долгое время, Мили не получила ни одного письма от дочери. Она понимала, что во время войны работа почты нарушалась и что Нина могла не знать ее нового адреса и все же она тревожилась, хотя никому не говорила о своей тревоге – ведь ее окружали женщины, оставившие детей, даже не умеющих говорить. Кто сообщил бы этим несчастным матерям о том, где находятся их дети; живы ли они, вообще. Не легче было положение

и тех женщин, чьи семьи остались на территории, где прошла война или в окруженном врагами Ленинграде. Там положение было еще хуже, чем в лагере: и хлеба там не было, и отопления никакого, так же как и еды, а здесь в лагере каждый день получали порцию теплой баланды и иногда даже горячую воду, к тому же, над лагерем не рвались бомбы, не было ужасающих сигналов воздушной тревоги.

Однажды женщинам выдали по кусочку мыла величиной с кусочек сахара. Это была необычная милость и особая роскошь. Этого кусочка хватило на то, чтобы вымыть голову и в той же воде простирнуть свое белье.

Из этого барака – лагеря в лагере – до сих пор никого не брали на работу. Такое полное безделье, длящееся годами, было совершенно невыносимым, страшным наказанием для людей. День сменялся ночью и ночь – днем, шло время, люди теряли душевные силы, становились безразличными ко всему. Не знали ни какой сегодня день, ни какое число или месяц. Длинная, темная, холодная, со свирепо завывающими ветрами зима каждый раз казалась бесконечной, весна и осень – безнадежными, а короткое лето – невыносимым со своими комарами и какой-то мелкой, микроскопической мошкой, забивающейся за тесемки тюремной одежды, крепко завязанной на запястьях, у горла и на щиколотках заключенных. От укусов этих тварей тело покрывалось нарывами, оставившими ужасные сине-красные следы на исхудавших телах.

В 1943-ем году на Волге была, наконец, остановлена армия Гитлера, и это начало его конца отразилось и на лагерной жизни. Внутризонный лагерный изолятор ликвидировали и заключенных перевели в другие бараки. Это случилось неожиданно, но что было тому причиной – то ли победоносное наступление советских войск, то ли ежегодные наводнения в этой чертовой трущобе – никто не мог догадаться, но всем стало как-то легче. Женщин распределили по разным баракам, и к большой радости Мили и других тбилисских женщин, она попала в один барак со своими старыми знакомыми. Первая, кто заключил ее в свои объятия, была Маленькая Маня, и слезы их слились в общем потоке. Анико Цхакая, Маруся Матитаишвили, Тамара Багратиони, Додо Бибинейшвили, Элико и другие друзья по несчастью, плача от радости, ласкали, обнимали, целовали ее. Все считали ее «списанной по акту» и были поражены,

увидев ее воскресшей из мертвых. Это «воскресение» окружило Мили особым ореолом, и все отнеслись к ней с особой заботой. После того темного и страшного барака комната, куда попала Мили, показалась ей номером в хорошей гостинице. Через чисто вымытые стекла в комнату проникал яркий дневной свет, нары были двухэтажные, как и всюду, но не сплошные, а поставленные рядами так, что между ними оставался проход и в каждом проходе стояла тумбочка со шкафчиком, пол блестел чистотой, стол был выскоблен до белизны, с двух сторон его стояли скамьи.

Работы теперь хватало всем – кто работал на кухне, кто в прачечной. Финки которые были, в основном, из деревень и умели ухаживать за коровами, стали доярками на ферме, и эта специальность ценилась высоко, так как мало кто из других женщин умел доить коров, которых в этом лагере было множество, наверное, сотни. По ту сторону бревенчатого забора находились коровники, так же была маслобойня и сыроварня. Рано утром доярок вели туда под охраной. Через некоторое время их можно было отличить от других женщин по внешнему виду: щеки их округлились и из желто- серого стали бело-розовыми. На новой «квартире» Мили уступили место рядом с Маней. Большинство женщин этого барака были знакомы Мили по тбилисской тюрьме, но были здесь и другие – узбечки, азербайджанки и русские со всех концов своей необъятной Родины. Но более всего поразила Мили узнав, что единственная немка в этом бараке была сестрой Карла Либкнехта. Она была членом компартии Германии и была переведена в Москву из гитлеровского концлагеря благодаря настойчивым требованиям Коминтерна. В Москве она жила со своим малолетним сыном и работала в системе Коминтерна до тех пор, пока не была арестована по ложному обвинению и отправлена подальше в лагеря. О своем сыне она не имела никаких сведений.

Все финки попали вместе в один барак и плакали от радости, избавившись от ужаса изолятора. По словам других заключенных, даже внешний вид изолятора вызывал дрожь. Все знали, что за этими стенами живут иностранки и жизнь их еще тяжелее, чем у остальных, но никто не мог себе даже представить, что и Мили находится среди этих женщин. Мили рассказывали, что случилось с остальными кавказскими женщинами после того, как она была

оставлена в Нарьян-Маре. Все оплакивали Мили, все были уверены, что она умерла. Они пределали долгий путь по Печоре и , наконец, прибыли в Кочмас. Помогая друг другу, они с трудом перешли с баржи на берег. Их довели до барака и приказали на другой же день выйти на работу. Отдохнуть им не дали и не спросили, есть ли у них силы работать или нет, есть ли среди них больные или нет. На новом месте, однако, как-то начали поправляться. Никто не отказывался от работы, хотя работа была трудной. Тяжелее всего было драть торф на болоте – эта работа требовала много физических сил, а их ни у кого не было, и поэтому норму не выполняли. Дорога до торфяного болота была дальней, обувь – «шанхайки», которую женщины тащили на своих ослабевших ногах была бы слишком тяжелой для любого человека, не только для них, внешний вид ее был ужасен, зато воду она пропускала отлично, размер ее был стандартным – наверное, сорок второй или сорок третий. Такую обувь надо было специально изобрести для того, чтобы сделать жизнь тех, кто ее носил, еще тяжелее. Чулок у женщин давно уже не было, да и ни к чему они были бы при «шанхайках». Давали какие-то тряпки под названием « портянки», но и те были драными и их, вдобавок, не хватало. Все, что сохранилось у кого-нибудь от вольной жизни – шелковое белье с кружевами, юбка или блузка – все теперь шло на портянки, все пригодилось, ничего не было жаль, надо было беречь ноги, надо было работать, чтобы получить пищу, чтобы выжить, а о прошлой жизни уже не жалели.

В августе надо было успеть собрать овощи с полей. В начале сентября мог ударить мороз, и тогда выполнять эту работу было бы намного труднее. Мерзлую капусту резали большими кусками для засолки. Картошка в мешках, а капуста прямо в трюмах – отправлялись по реке в Воркуту для многочисленных ее лагерей. Тяжелой была эта работа по резке больших твердых кочанов. Были и бригадиры из заключенных женщин, которые наблюдали за работой и за тем, чтобы ни один листик капусты не был отправлен в рот какой-нибудь из изголодавшихся работниц. Это были, чаще всего жены крупных партийных начальников, и каждая из них была уверена в том, что только ее муж является честным патриотом и гражданином, а все остальные находятся здесь по заслугам. Эти женщины проявляли себя как «активные и энергичные», являясь,

конечно, попросту доносчицами, старавшимися заслужить себе освобождения до срока. Напрасно были их старания – вместе с другими они прошли весь путь до самого конца, а некоторые были даже переведены в другие лагеря, так как их «деятельность» не являлась больше секретом для заключенных. С такими женщинами вели себя, конечно, очень осторожно. Еще в тбилисской тюрьме, когда кто-нибудь из женщин замечал, что в дверной глазок подсматривает охранник, то все шепотом предупреждали друг друга: «баглинджо» - клоп. Так и здесь, в лагере, при приближении бригадирши от одной женщины к другой летало тихое предупреждение : «баглинджо». С железной печки быстро убирались и припрятаывались положенные туда разогреваться серединки мерзлых кочанов и , не дай Бог, если бригадирша замечала это! Кусок капусты летел в общую кучу и провинившаяся могла быть уверена, что о ее преступлении будет доложено начальству. Удивительно, что даже тяжкие жизненные испытания не могли научить некоторых уму-разуму! Какие чувства руководили этими женщинами, предававшими своих друзей по несчастью? И разве может быть более тяжелый грех в тех нечеловеческих условиях?

Зима началась в конце сентября. Мороз, пурга, темнота действовали удручающе. И у Мили, как и у других, начало появляться безразличие ко всему – чувство, с которым она старалась бороться в течение всей своей лагерной жизни. И вдруг, совершенно неожиданно для нее, она была назначена ночной дежурной сестрой лагерной больницы. Днем ей разрешалось спать в маленькой комнатке при больнице, хотя она и продолжала считаться на положении изоляции. Эта больница была довольно хорошо оборудована, в ней работали три врача. Одна женщина-врач была армянкой, другая – еврейкой, а третий врач- грек, Пантелеймон Згуриди был родом из Одессы. Невзирая на тяготы долгих лет лагерной жизни, он не утратил известного одесского юмора. В лагерь он попал из-за рассказанного анекдота, и в это можно было поверить – ведь он был не единственным, кто сидел за это; к тому же чувствовалось, что анекдоты у него в крови – он даже здесь их рассказывал, хотя слушатели затыкали уши. У доктора Пантелеймона все же была хоть какая-то «вина», а женщины ее и вовсе не имели.

Время, к счастью, не стоит на месте, и каждого поддерживала

мысль, что близится 1945-ый год, год окончания срока. Наверное, думали люди, все самое страшное позади, и эта мысль подогрела надежду, давала силы терпеть и ждать.

Мужчины жили в той же зоне, в других бараках, и любой вид общения между ними и женщинами строго запрещался. Все же все искали своих среди другой половины лагерного населения, но, к сожалению, никто не находил никаких родственников или знакомых.

На территории лагеря находился детский дом, его можно было бы назвать больницей для детей. В нем содержались очень маленькие дети – от грудного возраста и до школьного. Этому было свое объяснение, хотя Мили оно казалось очень странным. Постольку Советский Союз – страна огромная, в разных концах его по-разному толковалась статья 58-ая и, если женщину с грудным ребенком на руках или с цепляющимся за ее юбку малышом забирал человек, не потерявший еще чувства сострадания к ближнему, он, даже рискуя собственным положением, позволял ей взять ребенка с собой. А когда арестовывали беременных женщин, то им приходилось рожать уже в тюрьме или в лагере. Кочмас был единственным местом в системе Гулага, куда привозили беременных женщин и матерей с малышами, но были здесь и дети постарше, которые ничего не знали о своих родителях, просто не помнили их. В этот детский дом или больницу Мили послали на работу. Работы хватало. Дети почти все время болели, были слабыми, бледными, большеглазыми, с большими животами, рахитичными. Солнца они почти не видели. Питание у них было «удовлетворительным»: они получили обезжиренное молоко с молокозавода и картошку, забракованную для отправки в Воркуту. После очистки от кожуры и гнили от этой картошки мало что оставалось. Кашу варили из ржаной и овсяной муки, каждый ребенок получал в кашу десять граммов растительного масла. Маслозавод и сыроварня были рядом, но даже детям эта роскошь не доставалась. Сахару получали так мало, что его с трудом хватало для кормления грудников, а беременные женщины все прибывали и прибывали – среди них были венгерки, румынки, чешки, даже афганки. На десерт после обеда детям давали кусочек черного хлеба, посыпанного солью. Как-то привезли в лагерь сахар и дали в детский дом, теперь вместо соли хлеб посыпали сахаром – детям это, конечно, пришлось по вкусу и они просили: «Посоли сахаром».

Из овощей была только капуста, да и то зимой, -мороженная. Дети никогда не видели яблок, не говоря уже о других фруктах. Конечно, шла война, и в это время многие дети недоедали и голодали, но эти маленькие заключенные голодали и в мирное время.

Для грудных не хватало пеленок, в чистых комнатах было холодно, ветер дул сквозь щели в окнах и дверях. Зимой было просто страшно. Дети плакали от холода, пеленки негде было сушить. Мужчины, которые не в состоянии были работать на тяжелых работах, сколачивали маленькие гробики и этим зарабатывали свой ежедневный паек. Работа эта не проверялась на качество и гробы делались кое-как. Приходило ли в голову кому-нибудь из этих «доходяг», что такой же гробик, возможно, ожидает где-то его собственного ребенка? Из писем, которые женщины получали в лагере, Мили знала, что большинство из оставленных детей попало в детские дома, но были и такие счастливицы, кого успели забрать себе бабушки или близкие родственники. Красно-бурые скотские вагоны наполнялись маленькими человечками, которых Родина отправляла во все концы своего обширного пространства. Куда их везли, где хоронили маленьких покойников? - Все это осталось неписанными страницами истории великой страны. Братьев и сестер разлучали, маленьким давали другие имена. Те, кто доезжали до мест назначения, могли любоваться лозунгами на стенах своего нового дома. На большом плакате – улыбающийся, с добрым лицом дядя, окруженный детьми, с сияющим ребенком на руках, а внизу подпись: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Даже самые маленькие, которые еще не умели читать, запоминали эти слова наизусть. Это стало первой заповедью нового Катехизиса

За всю свою лагерную жизнь Мили не знала ничего тяжелее работы в детдоме. Каждая детская смерть гнетущей тяжестью откладывалась в ее памяти. Холод оказывал свое губительное действие на ослабленный детский организм, лекарств почти не было, детские болезни и воспаление легких оказывались в тех условиях смертельными, приходилось смотреть на все это, терзаясь собственным бессилием. В больнице были дети всех национальностей, был и один мальчик-афганец. Афганская семья по ошибке перешла границу Советского Союза, их сразу схватили, обвинили в шпионаже и сослали на север, в Кочмас. По мнению всех



заключенных, эти люди никак не могли заниматься шпионажем, для этого они были слишком просты и совершенно неграмотны. Женщина была беременной и, когда ей пришло время рожать, всячески сопротивлялась отправке в больницу. Она родила сына, которого сразу же взяли в детский дом, то есть детскую больницу, он был ужасно худой и плакал, почти не переставая.

Миля рассказали, что незадолго до прибытия сюда кавказских женщин большинство детей было отправлено в другой лагерь на барже по реке Уса. По пути баржа, на которой находились только заключенные – дети и сопровождающие их взрослые, затонула и все погибли. Спасать их было некому – на старом парходике, тянувшем баржу, помимо команды, находились только вооруженные охранники, пассажиров он не брал. Когда тбилисских женщин привезли в Кочмас, лагерь походил, скорее, на сумасшедший дом и повальные истерики продолжались еще долго. Матери, потерявшие детей, говорили новоприбывшим: «Вы счастливые, вы еще можете разыскать своих детей, а наши уже загублены.»

В ожидании 1945-го года, на который так уповали все кавказские женщины, каждый прожитый день казался длиннее предыдущего. По радио, установленному в бараке, слушали о быстром продвижении Красной Армии на запад. После долгого перерыва многие стали получать известия из тех мест, которые были освобождены от гитлеровцев. Чаще всего эти известия не приносили ничего, кроме страданий.

Миля получила письма от Нины и Фаины. Нина писала, что она прошла курсы медсестер и работала в одном из тбилисских госпиталей операционной сестрой. Работать приходилось и днем и ночью, когда бывало электричество. Фаина писала, что Нину любят и ценят на работе и что обе они живут надеждой на уже близкую встречу.

Это время было временем ожидания для всех кто ждал близких с фронта, а кто из лагерей, и все боялись одного: а вдруг война еще не скоро кончится?

## 16. ГОД 1945-ЫЙ – ГОД РАДОСТИ И РАЗОЧАРОВАНИЯ.

Настал 1945-ый год. Напряжение, нетерпение и необъяснимый страх все нарастали. Годы, проведенные в безнадежности, в душевных и физических страданиях казались бесконечно длинными, вечными; месяцы, оставшиеся до окончания срока, мерещились еще более долгими, невыносимыми.

В начале года у Мили снова началось воспаление легких и помимо этого – воспаление среднего уха. Она снова попала в больницу в качестве пациентки. Ее мучил сильный жар, каждый приступ кашля раздираал грудь и отдавался невыносимой болью в ушах и голове, из ушей текли гной и кровь, а из легких – ржавая мокрота. Маленькая Маня приходила проведать ее после работы, она что-то говорила и говорила, но Мили ничего не слышала – это было ужасно! Тогда Маня писала на бумаге: «Ты должна выдержать, ты же выдержала самое страшное!» Мили старалась сохранить в себе огонек надежды, хотя бы самый слабый, такой, как огонек старой керосиновой лампы, поддерживавший ее в темные зимние ночи. Врачи в больнице делали все, что могли, но что они могли без лекарств? Сильная воля и крепкая финская натура вновь победили, хотя выздоровление шло очень медленно. Врач – армянка уже давно бы выписала Мили, тем более, что сам начальник не раз спрашивал про нее – какой смысл держать постоянно в больнице человека, если состояние здоровья не позволяет ему работать? В таких случаях надо просто составлять акт и эвакуировать больного в инвалидный лагерь. У инвалидного лагеря была дурная слава и старший врач Згуриди категорически возражал против списания Мили по акту, мотивируя это тем, что она была умелой и знающей сестрой, хорошо исполняющей свои обязанности – нельзя же так разбрасываться нужными людьми! Врач – еврейка полностью поддерживала эту мысль и тоже не ставила своей подписи под актом, обернувшимся бы для Мили смертным приговором. Врача- армянку уговаривала Маленькая Маня, которая сама была армянкой, умоляла поддержать свидетельство других врачей в том, что Мили не является хронической больной и скоро

будет в состоянии работать, но та категорически отказалась. Все же свидетельства двух врачей оказалось достаточно и Мили оставили в больнице.

Испортилось радио, что очень огорчило всех, из него несся только треск и никаких сведений. Но и без радио стало известно, что Красная Армия продвинулась до границ Германии. Все думали, что как только она вступит на немецкую территорию, война окончится, но она не окончилась, а шла уже на территории Германии, которой самой пришлось испытать теперь, что значит терять свои города и села, видеть свои дома с разбитыми слепыми окнами, отступать, бросая все на дороге войны.

Зима этого года была бесконечной, по календарю уже начался май, а снег все шел и шел. С нетерпением ждали хоть какого-то намека на весну.

В один из майских дней произошло что-то совершенно необычное – в шесть утра не раздался резкий, неприятный звук колокола, поднимающего людей на работу. Неужели кто-то из охранников пренебрег своими обязанностями? Из окна было видно, как охранники бегали из барака в барак, и вскоре дверь настежь распахнулась, в комнату влетел охранник и громко закричал:

- Одевайся! Выходи все до единого на площадь! Приказ начальника!

Никаких объявлений не последовало, охранник исчез из барака так же внезапно как и появился и бегом направился к следующему барaku. В окне было видно, как из всех барачков медленно и робко выходили люди. В комнате стояла мертвая тишина, на лицах женщин был написан страх. Кто-то вдруг закричал истерическим голосом: « Женщины! Не выходите никуда, нас всех расстреляют!» Истерика распространилась мгновенно. Крики и вопли мало походили на человеческие. Кто-то закричал, что Германия победила и теперь придет конец всем политическим. Вдруг сильный повелительный голос заставил всех замолчать. Это была Анико Цхакая:

- Успокойтесь! Замолчите все! Вы что, с ума сошли? Война, конечно же, закончена, нас всех освободят! Неужели под конец нужно потерять человеческий облик?!

Настала тишина. Все оделись и вышли, как было приказано.

Как много этих одетых в серо-черные отрепья людей собралось

на площади! Это был первый случай, когда все заключенные лагеря были собраны вместе. Никому и в голову не приходило, что их всех так много и все на одно лицо – серо-желтое, с потухшим взглядом – какая невыразимо трагическая толпа! Мили, как и другие, была удивлена таким количеством заключенных, а ведь Кочмас не был единственным, таких лагерей были сотни в разных местах, которые еще и на карте обозначены не были!

Снег сыпал крупным хлопьями и собирался горками на шапках, на плечах темной одежды. Все молчали. Лица без выражений не были зеркалами души, каждый ожидал решения своей судьбы. Наконец появился начальник, одетый в парадную форму. Он поднялся на возвышение, кашлянул торжественно два раза, медленным движением заложил правую руку за борт шинели и застыл молча.

У Мили под желудком было чувство, какое бывает при морской болезни. Вот сейчас он вытащит свою руку, выстрелит и этим даст знак охранникам, множество которых окружало заключенных, начать стрелять – но ведь люди-то не будут стоять на месте, какой кошмарный след здесь останется на этой площади! Рука начальника медленно выползла из-за борта шинели в ней был не пистолет, а какая-то бумага. Он еще раз кашлянул и начал громко читать:

- 9-го мая 1945-го года фашистская Германия подписала акт о полной и безоговорочной капитуляции. Война окончена, на Рейхстаге развивается красное знамя...

Больше можно было не продолжать. Маски, столько лет покрывавшие человеческие лица, слетели как по мановению волшебной палочки, глаза заблестели и чистые слезы счастья потекли по серым ввалившимся щекам, все обнимали друг друга, поздравляли, сразу заговорили о свободе, как будто она естественно следовала за окончанием войны. Этот день праздновали, на работу шли только те, кто работал на кухне, в больнице и в детском доме, в бараках пели и никто этого не запрещал. Как только позволила погода, начались как обычно весенние работы. Казалось, что к работе приступили совсем другие люди, никого не приходилось понукать, надежда вдохнула новые силы в эти измученные тела.

Финки, которым освобождение было обещано сразу после окончания войны и которые больше других были озлоблены тем,

что с ними случилось, отказались от всякой работы. Мили пошла к ним в барак и старалась вразумить их – ведь следствием отказа от работы может явиться добавочный срок или что-нибудь похуже. Но тут произошло то, чего Мили никак не ожидала: все женщины с поднятыми кулаками двинулись к ней, убежать не было возможности – дверь была далеко, да Мили в глубине души и не верила, что они набросятся на нее. И действительно ее никто не тронул, только выпроводили из барака с пожеланием убраться к черту. Она ушла даже не рассердившись на них, только на сердце было тяжело. Она чувствовала их состояние – работа у них была трудная, они должны были рубить и пилить дрова для кухни и бараков и плести из ивовых прутьев корзины, которых требовалось множество при посадке и уборке картофеля.

Через несколько дней стало известно, что нескольких женщин разных национальностей заперли в карцер, среди них были и две финки. Причина – отказ от работы. Вскоре в барак, где жила Мили, пришла Эва. От имени всех финок она попросила у Мили прощения за то, что они вели себя с ней так непозволительно грубо. Она старалась объяснить Мили их душевное состояние – ведь они не могли понять, как можно нагромождать одну несправедливость на другую и как человек может все это молча терпеть. Мили, конечно, понимала все, так как за эти восемь лет она многое видела и многому научилась и сама не раз чувствовала на себе эту несправедливость. Все эти финки, немки, венгерки и другие еще не дошли до осознания полезности всех этих воспитательных мер, существующих для перековки людей в социалистическом мире. Эва просила Мили пойти вместе с финками и венгерками к начальнику переводчиком и спросить его, как это можно держать людей любой национальности в карцере – этом доме четырех ветров, где ноги примерзают к полу, если ими все время не двигать, где ночью нужно спать на соломе, покрытой инеем, где чуть теплый «чай» сейчас же превращается в лед. Одна только польза была от этого мороза – параша замерзала до самого дня и не воняла. Война – то ведь кончилась, почему держат здесь всех этих женщин – может быть, потому, чтобы не было хлопот с их отправкой? Легче ведь отправить в тайгу на вечный покой! Делегация пришла к начальнику со своими бедами. Мили написала заявление, которое подписали десятки женщин, и устно объяснила,

что именно они хотят. Ровным безразличным тоном начальник ответил, что он ничего не в силах сделать, так как все распоряжения идут сверху, когда освободят – ему неизвестно, надо ждать.

Сперва Мили, помня о своей миссии, говорила очень спокойно, но такой безразличный тон начальника вывел ее из равновесия. И без того натянутые нервы не выдержали. Эва уже несколько раз дернула ее за подол телогрейки, но голос Мили все крепнул и повышался:

- Неужели из Кремля идет приказ замораживать людей?! Неужели надо оттуда ждать распоряжения, чтобы выпустить их из карцера?! Вы не имеете права держать граждан чужой страны в особо жестких условиях! Не имеете права задерживать людей после окончания срока! Неужели мы все должны оставаться здесь до самой смерти?!

Мили не узнавала собственного голоса, он поднялся до самой высокой ноты. Глаза начальника округлились и уставились на нее серой двустволкой и он разразился речью, закончившейся словами:

- Убирайтесь, чертовы бабы! А ты, - его палец указал на Мили, - ты пойдешь растапливать «ад»! – С чем пришли, с тем и ушли, только настроение стало еще более подавленным. Мили знала приблизительно, куда ее послали, знала, что на лагерном языке называлось «адам».

На следующее утро ее подняли в четыре часа утра. Остальные могли еще спать, но тревога за подругу отбила у них сон, так как такие ранние подъемы ничего хорошего не предвещали. Маня окончательно растерялась, и ее словесный поток, как всегда в таких неожиданных случаях, был бесконечным. У Мили же, наоборот, перехватило горло, она не могла произнести ни слова, не было даже слюны, чтобы сглотнуть и освободиться от перехватившей дыхание спазмы. Бесполезно было бы спрашивать, почему такой ранний подъем и куда ведут. Снаружи было холодно, морозное небо было усеяно яркими звездами, снег скрипел под ногами, а мысли совсем застыли. Остановились у какой-то странного вида лачуги, из-под снега торчала только крыша с каким-то устройством, которое можно было при желании принять за трубу или за ее дальнего родственника. Протопанная между сугробами тропинка круто спускалась вниз, низкая дверь, поскрипывая, кое-как висела на петлях. Не было даже замка на этой двери, да и ни к чему он был.

- Шагай туда, - услышала Мили команду и на спине почувствовала дуло ружья, подкрепляющее ее. Она очутилась в крошечной тьме. Здесь было так же холодно, как и снаружи. Наверное, подумала она, с подобных мест и пошло название «адский» холод. Правда, ад, который она помнила по картинкам семейной Библии, был иным; в том аду было жарко, огонь пылал под котлами с кипящей водой. Человек с ружьем достал из кармана спички и засветил маленькую котилку.

- Вот тебе плита, и вот тебе котел, носи снег котлом, вон там за сугробом есть хворост, притащи и разожги печь, будешь кипятить воду. Скоро сюда придет один босяк и принесет ивовые ветки. В этом кипятке ты должна их размораживать, пока они не станут гибкими. Вон видишь ту корзину, здесь их плетут, ты тут не одна будешь, придет инвалидная бригада на работу, а ты начальником над ними поставлена, твоя обязанность следить за тем, чтобы огонь все время горел, вода кипела и прутья гибкими были. Твоя норма – три корзины в день, а другие должны делать пять. А первая сюда придет Наташа.

Услышав это, Мили не на шутку встревожилась. Наташа Богомолова, уголовница, о которой Мили читала в газете задолго до своего ареста, дочь интеллигентных родителей, педагогов, убила свою одноклассницу «из интереса», просто чтобы узнать, что испытывает человек, совершая убийство – это были ее собственные слова. Она получила большой срок, но уже в лагере нагромождала преступление на преступление, так что для того, чтобы отсидеть весь ее срок, ей не хватило бы всей ее жизни. В каком-то лагере она убила начальника, но если бы это было единственным ее преступлением!. В лагерном детдоме содержался ее ребенок, которого она имела от прежнего начальника Кочмаса. Этот начальник вынужден был оставить свое место и уехать. Наташа приходила навещать ребенка, как правило, по ночам, она не входила, а врывается в комнату и бросалась к своей девочке, проверяя не мокрая ли она. И если та оказывалась мокрой, что могло, конечно, случиться с любым ребенком, несмотря на то, что и Мили и другие очень внимательно смотрели за детьми, раздражался страшный скандал. Наташа кричала и хватала первое, что попадалось под руку – стакан, тарелку, и швыряла об пол. Дети, конечно, просыпались, плакали, кричали,

Наташа же вылетала из комнаты, с силой хлопая дверью, а иногда, уходя, в злобе била локтем о стекло, которое разбивалось, и в холодной и без того комнате становилось еще холоднее. Не сразу удавалось заткнуть чем-нибудь эту дыру. Однажды отец ребенка вернулся в лагерь, чтобы забрать девочку, но Наташа подняла такой шум и так бесновалась, что он вынужден был отступить. И вот эта Наташа пришла утром первой в земляную хибару и завела с Мили «светский» разговор: «Хочешь, я тебя стукну сейчас по голове этим поленом? Мне это ничего не стоит, срока я не боюсь, я до конца жизни лагерная.» Видно, настроение у нее было тогда более или менее мирное и Мили осталась жива, хотя это явно ненормальная женщина была способна на все.

Вскоре пришла и инвалидная бригада на «легкую» работу, какой считалось плетение корзин. Здесь работало человек десять; и политических и уголовников. В первый же день Мили научилась плести корзины, но две первые были забракованы. Вечером приходил вахтер и проверял корзины на прочность: наступал ногой на дно и со всей своей «вольной» мужской силой дергал ее за ручки кверху. Если корзина выдерживала такое, она была годна, а если разваливалась, то летела в угол, а хлебный паек ее автору уменьшался. И постольку обе Милиных корзины очутились в углу, она получила за свою дневную работу лишь крошечный кусочек хлеба. Один из членов инвалидной бригады, который имел кличку «шикарный», таскал теперь прутья, наполнял котел снегом и сплетал для Мили два дна для корзин – это была самая трудная работа. Этот «шикарный» - человек с обезображенным лицом, одетый в такие невероятные лохмотья, какие Мили до сих пор ни у кого в лагере не приходилось видеть, пожалел ее, увидев, что руки ее разодраны ивовыми прутьями до крови, но несмотря на эту помощь, она не выполняла норму и руки ее болели все сильнее и сильнее. Хлебный паек все уменьшался, но подруги по бараку отделяли ей по кусочку из своего хлебного пайка, так что хлеба кое-как хватало,

Руки ее были теперь в таком состоянии, что не только работать, но и спать она не могла, они горели как в огне, были ужасно грязными, но мытье их причиняло нестерпимую боль. Начальнику пришлось освободить ее от работы, хотя он и сказал, что по таким пустякам освобождение не полагается и нечего нежничать. Полагающийся



ей паек растительного масла Мили использовала теперь наружно, смазывая руки, и употребляемое таким образом, оно приносило гораздо больше пользы. Не скоро затянулись кровавые раны, и руки ее еще долго оставались в жалком виде были опухшими и красными, словно ошпаренными.

После войны заключенных все прибавлялось, персонал больницы уже не справлялся с возросшим числом больных. Доктор Пантелеймон просил увеличить и число медсестер в больнице, и тут Мили повезло – ее освободили от отопления «ада» и снова послали работать в больницу.

С нетерпением ждали первого парохода, но он опаздывал, так как река не хотела расставаться со своим ледяным покровом. Когда, наконец, пришли первые письма, их вынимали дрожащими руками из уже вскрытых конвертов – это были письма, написанные еще во время войны или сразу же после нее, и принесли они больше горя, чем радости.

Осень в тех местах более тороплива, чем весна. По утрам после пробуждения первой мыслью было: «А что, если река замерзнет до того, как придет освобождение?» Единственным препятствием на пути к свободе считали это суровое явление природы. Кому могло прийти в голову, что теперь, когда война так победоносно закончилась, может случиться что-то такое, неожиданное, что безжалостно разрушит светлые надежды и терпеливое ожидание? В сентябре и октябре у большинства кавказских женщин заканчивался восьмилетний срок заключения. Каждая по своему умению и возможностям подготавливалась к освобождению. И Мили начала готовиться к длинной дороге. Кто сохранил хоть что-нибудь из своей старой одежды, всячески старался привести это в порядок, многим же, как Мили, оставалось только думать: «Ведь голыми же не отправят в дорогу!»

10-го сентября Мили вызвали к начальнику и, как всегда, в голове забила тревожная мысль – а что же теперь, в чем опять провинилась? Товарищи по несчастью смотрели на нее с сочувствием.

- Садитесь тут, - начальник указал на стул у письменного стола напротив себя. Мили ничего не поняла – почему обращение на «вы»,

почему такая вежливость, ведь прошло совсем немного времени с тех пор, как начальник послал ее из своего кабинета на «легкую» работу по плетению корзин. Она продолжала стоять у дверей, боясь двинуться с места, как бы ее не послали куда-нибудь еще подальше.

- Садитесь же, садитесь, важные известия для вас. Вот здесь у меня папка с вашим делом, начиная с 1937-го года. Эту папку послезавтра отправляем на Воркуту, и вы ...

Больше она ничего не слышала, так как мир потемнел перед ее глазами и она медленно сползала по стенке на пол.

Холодная вода, которую брызгали ей в лицо, вывела ее из небытия, кто-то помог ей встать на ноги, но она не могла понять, что с ней случилось. Начальник бережно довел ее до стула, усадил и предложил стакан воды.

- Успокойтесь, успокойтесь, хорошие известия для вас – вы освобождены.

Первой мыслью Мили было: « Почему человек так жесток?» - Она встала и направилась к дверям.

- Куда вы, я ведь еще не все сказал, что с вами?

Она должна была сесть, ноги дрожали, колени подламывались.

- Слушайте теперь внимательно, - сказал начальник, - здесь документ о вашем освобождении, прочтите и подпишите. – Мили взяла бумагу, но слова затанцевали перед ее глазами.

- Я не могу, - сказала она наконец.

Кажется, человек понял ее состояние и стал читать сам, медленно и отчетливо. Наконец, Мили начала что-то понимать и взяла бумагу в руки. Значит, это правда?

- А что же остальные все, которые из Грузии?

- На других пока не пришло, это единственный документ. С сегодняшнего дня вы считаетесь свободной. Послезавтра придет пароход и вы поедете в Воркуту. Эти документы будут посланы туда же и там же вы получите деньги на дорогу и окончательное удостоверение о вашем освобождении, больше ничего вам не требуется. Отсюда идите прямо в коптерку, получите одежду и обувь, я уже дал распоряжение. До своего отъезда еще зайдите ко мне. Желаю вам всего хорошего, другие тоже, наверное, скоро получат освобождение.

- А почему же я первая?

Начальник объяснил, что это потому, что она финка: это народ храбрый, хорошо себя показал, прогнал немцев со своей земли. Однако Мили не поверила такому объяснению, так как все финки были еще в заключении.

- Нет еще распоряжения на всех, кому-то надо быть первым.

Мили вернулась в больницу, где ее ждала прерванная работа. На душе была абсолютная пустота, не было ни радости, ни печали. Новость распространилась, как лесной пожар, все хотели услышать, что сказал начальник, что было написано в документе. Грузинки удивлялись, почему женщину другой национальности освободили раньше всех, ведь все они сидят сверх срока, почему же начали с финки? Что могла Мили ответить на эти вопросы? Ее ответы были односложны и ей хотелось только спрятаться куда-нибудь, чтобы ничего не слышать.

Значит, послезавтра надо уехать; тбилисские женщины лихорадочно писали письма, давали адреса. Но почему же освободили ее одну? Этот вопрос волновал всех. Мили было страшно, она не верила в свободу, ей не хотелось расставаться с этой барачной комнатой, где все стали ей такими близкими. Все печалились и радовались, но никто не завидовал ей. Финки пришли к ней, принесли с собой письма, адреса близких в Финляндии, написали ей имена и дни рождения своих детей и все просили узнать о них хоть что-нибудь. Мили обещала сделать все, что сможет. Неужели таким должно быть ощущение счастья, когда после долгих лет заключения тебе, наконец, объявляют, что ты свободен?

Весь этот вечер Мили сидела с финками. Они удивлялись, почему она такая молчаливая, но и сами они разговаривали мало. Мысли их стремились к родным местам, к близким.

- Ты счастливая, - говорили они, - ты поедешь домой, к своей дочке, а мы – мы куда? У нас нету ни дома, ни места, куда мы могли бы вернуться, когда нас освободят. В Финляндию нас, конечно не пустят, мы должны будем остаться в чужой стране, с чужим языком, кто нас примет? И где наши мужья? Где дети? Спаслись ли они от гибельной войны?

Погода, которая в начале сентября была сносной, вдруг изменилась. То светило безликое холодное солнце, то начинал идти дождь вперемежку с мокрым снегом. Ночью выпал большой снег и

мороз сковал берега реки.

Ми́ли отпра́вилась в «коптерку» - лагерную лавочку – за полагающейся ей одеждой. Коптер, заключенный – уголовник, человек с неприятным злым выражением лица, начал разговор:

- Значит, на свободу, а куда? А, в Грузию? – Он сказал хвастливо, что свои отпуска он всегда проводил в Грузии, рассказывал о красивых грузинках и о том, как он весело проводил с ними время. Но и сейчас, по его словам, ему не худо жилось. У него в коптерке хороший запас водки, которым и начальник пользуется и его угощает. Еще он сказал, что на днях получил одежду немецких женщин и что он по своему усмотрению может ею распорядиться. Ми́ли молча слушала, что говорил этот человек, и вдруг почувствовала себя так, словно ей за шиворот вылили помой. Она схватила свою одежду и бегом кинулась в барак. К счастью, в бараке никого не было и постепенно ее возмущение и отвращение улеглись.

Пароходы здесь не имели твердого расписания, все зависело от погоды и времени года. Ми́ли пришла на пристань с самого утра, чтобы не опоздать. Скучные пожитки были уложены в старый потрепанный чемодан.

Там были вышивки, сделанные Ми́ли еще в мордовском лагере, и среди них – птица Феникс, следовавшая за Ми́ли из одного лагеря в другой и, наконец, вышедшая с нею на свободу, рисунки к вышивкам - цветы и узоры, носки из матрасной шерсти, вязальный крючок из кости, выпиленный там же, в Мордовии, и кое-что еще – все эти дорогие ее сердцу вещи, путешествовавшие с нею все эти горькие годы. Минуты расставания с друзьями по несчастью были тяжелыми, сердце сжималось от тоски, невозможно было удержаться от слез. Несколько близких друзей, среди них и Эва, проводили Ми́ли до ворот лагеря. Вахтер открыл ворота, проверил пропуск, осмотрел содержимое чемодана. Все письма и адреса были у Ми́ли за пазухой, к счастью, обыск дальше чемодана не распространился. Шагнув за ворота, она обернулась к провожающим, но их уже толкали в спину и кричали: «Иди, давай!»

Ледяной ветер дул из всех сил, но новая чистая телогрейка и теплая ушанка из меха какого-то кота грели вполне хорошо, особенно приятно было ушам, которые после болезни были слишком чувствительны к холоду. Залом ожидания на пристани служила

маленькая хибарка, из трубы которой весело завивался дымок. Свободный человек даже не постучался в дверь, просто открыл ее и вошел. На скамье дремал заключенный, конечно, уголовник, сторож этой будки. Политических на такую ответственную должность не брали.

Мили поставила свой чемоданчик на пол и села на него. Приятное тепло, шипенье и потрескивание поленьев в печке, а также ночь, проведенная без сна, сделали свое дело. Мили, вновь получившая свои права в необъятном социалистическом государстве, заснула и проснулась оттого, что сторож обратился к ней с вопросом:

- Куда путь держишь? Может быть, на волю?

- На волю, - услышала Мили свой голос, лишенный всякого выражения.

- Значит, в обход через Воркуту? Эта Воркута такое место – сам черт не знает, что там может случиться.

Некоторое время сидели молча. Наконец, Мили начала соображать, что она находится на пути к дому и что дом этот в Грузии, а не в Финляндии, и что кавказские женщины, оставшиеся в лагере, ей ближе, чем финки, которые там были.

Пароход загудел, она вздрогнула, вскочила и схватила свой чемодан. Сторож взял его у нее из рук, поставил обратно на пол и сказал, что можно еще посидеть, подождать.

- Пусть гудит, сколько хочет, при такой погоде одним гудением к берегу не пристанешь. Вон река у пристани покрыта уже льдом.

Старый пароход пыхтел и кряхтел, но вынужден был остановиться метрах в пяти от причала. Он гудел и коротко, и протяжно, пытался взломать лед, но сил у него не хватало. Команда делала все, что могла, но напрасно. На берегу собралось много народа, охранников из лагеря и других. С парохода на лед бросали большие брезентовые мешки, перевязанные веревками, и с берега их вытягивали длинными шестами с веревками на конце. Начальник лагеря стоял на берегу и переговаривался с капитаном через рупор, потом пароход загудел длинно и печально, повернулся носом к середине реки, с него кто-то помахал рукой – и вот «свобода» запыхтела сильнее прежнего и, борясь с ветром и течением, исчезла в сером тумане за горизонтом, а Мили так и осталась стоять на пристани у дверей хибарки.

## 17. В ВОРКУТУ.

Начальник во всем своем зимнем обмундировании вошел в хибарку. Мили стояла у окна и смотрела на темные воды реки, в ледяной глубине которых утонула едва появившаяся надежда на новую жизнь. Начальник попытался выразить ей свое сочувствие и объяснить то, что и так было совершенно ясно. После краткого молчания он продолжал:

- Теперь надо ждать санной дороги, только тогда можно будет уехать. Вы получите квартиру на свободной территории, а вашу работу в больнице будете продолжать и будете получать хорошее жалование. Вам, наверное, известно, что вольнонаемные получают здесь трехкратный оклад. – Он продолжал рассказывать о всяких преимуществах житья в этих местах, как будто Мили была здесь случайным посетителем. Все нужное ей она сможет покупать в магазине для вольных, так как ей уже не полагаются казенные харчи. Он велел охраннику отнести ее чемодан к нему в кабинет, где она получит все бумаги, необходимые для вольного житья. Он любезно предложил Мили проводить ее после этого на новую квартиру, где он выдаст ей ключи. Можно было подумать, что он все это заранее предвидел. Он даже пригласил Мили приходить в гости в его семью. Мили слушала его и не могла понять, кому он все это говорил – ведь так недавно он кричал не своим голосом на «чертову бабу», а теперь ключи дает от квартиры! Восемь лет она не держала ключей в руках, только слышала их отвратительный скрежет.

Охранник взял чемодан, вежливый господин-товарищ открыл дверь и предложил даме выйти первой. Молча поднялась она по крутому подъему и остановилась перед бывшим начальником. Тут она услышала свой собственный изменившийся голос, его твердые нотки:

- Я не хочу никакой квартиры, я хочу обратно в барак к моим друзьям и больше я никуда не пойду.

Начальник остолбенел. Открыв рот, он смотрел на Мили, не зная, что сказать и, наконец, выдал из себя:

- Как же это так? Ведь вы теперь свободный человек и никаких друзей у вас не может быть там, в бараке. Вам даже запрещается туда входить. Я ничего не могу для вас сделать, это приказ. Вы должны

покинуть лагерную территорию и не иметь никакого общения с заключенными.

Вчерашний заключенный, сегодняшний свободный человек возмутился:

- Разве я изменилась в чем-либо за эти дни? Если вы обязаны так точно соблюдать все приказы, я сейчас же могу сделать что-нибудь такое, за что меня опять туда отправят! – вырвались у нее весьма необдуманные слова.

Начальник словно даже испугался:

- Нет, нет, ни в коем случае, пойдемте в контору поговорим, не будем же мы драться тут у всех на виду.

Вместе вошли в кабинет. Мили уже успокоилась. Спокойно и вежливо она просила разрешения пожить до зимы на прежнем месте. Начальник был очень удивлен, однако согласился. Охранник с чемоданом пошел впереди, а Мили сзади – вот что изменилось, и на удивление всех женщин она снова заняла свое место на нарах. Весть о случившемся дошла до барака раньше, чем Мили. Встретили ее, не выражая ей ни радости, ни сожаления и никаких вопросов не задавали.

Жизнь Мили потекла по старому руслу и даже ощущение свободы не выводило из равновесия. Коллеги по больнице были те же близкие люди, с которыми в общей судьбе делили печали и редкие микроскопические радости.

Прошел сентябрь и никому не принес освобождения. Напряжение, которое испытывали в его ожидании, понемногу спало, тбилисские женщины стали винить в этой задержке, прежде всего, начальника лагеря, потом начальство в Москве, этого дьявола Берия, который, очевидно, все время жужжал что-то в уши Сталина, и, наконец, самого Сталина. Наверное, говорили между собой женщины, Берия сказал Сталину, что сейчас опасно выпускать женщин на свободу, так как они начнут обивать все пороги и требовать сведений о своих мужьях, искать своих детей, требовать, чтоб их вернули. На свои вопросы, с которыми они мысленно обращались к Сталину, они не получали от него никакого ответа, а на все советы Берия Сталин, наверное, отвечал так: « Логично, как всегда логично, мой друг Лаврентий, пусть они сидят там, где сидят, не будут тут вонять...»

Недовольство, нервозность, нежелание работать

распространились по баракам , как вирусное заболевание. Многие совершенно отказывались от работы, врачи иногда давали им справки, но скоро этих нежелающих выходить на работу стало так много, что врачи получили угрожающее предупреждение. С неизвестностью надо было как-то покончить. Избрали комитет, который должен был потребовать у начальника объяснений по поводу незаконной задержки людей в лагере. Выслушав эти требования, начальник достал из ящика стола бумагу со многими печатями, где на целой странице излагалось то, что вкратце означало следующее: все, кто были арестованы в 37-38-ом годах и были приговорены по статье 58-ой к восьми годам, не будут освобождены в назначенное время. Верховный суд объявит особо об окончании срока заключения.

Члены комитета, среди них была и Мили, возвращались в бараки молча, с сердцами тяжелыми, как мельничные жернова. Как найти в себе мужество объявить товарищам по несчастью, ожидающим благоприятного ответа, что освобождение отодвигается куда-то в неизвестное будущее? Женщины чувствовали себя мухами, попавшими в сеть паука. Никто не плакал, не было истерических припадков, было только жуткое молчание, кошмарная темнота впереди, на которую они были обречены – кто знает на сколько времени? Быть может, навсегда. Снаружи голодным волком завывала пурга, ветер набрасывался на окно. У кого достанет сил дожидаться завтрашнего утра? Будущее окончилось последним числом октября.

Сердитые окрики вахтеров поднимали женщин на работу, хотя всякое желание работать уже было убито.

- Давай, давай, поднимайся! В карцер захотели? На работу!

Мужчины были более сговорчивы, хотя и среди них были такие, чей срок уже окончился. Рано утром, после того, как похлебка была съедена и пересчитаны живые и мертвые, понурую толпу выгоняли из холодных бараков и отправляли в снежный морозный лес рубить деревья. Здоровым людям эта работа не показалась бы слишком тяжелой, так как деревья были худосочные, тонкие, но для заключенных, еще более худосочных, чем эти деревья, она была непосильной.

Женщины шли на свою обычную работу. Прачки пытались забастовать, но свои же товарищи уговорили их не делать этого, так как выиграли бы от этого только вши, а сами они попали бы в



карцер. Ни у кого уже не осталось сил спрашивать – когда? Впереди темная с пургою зима, река замерзла до мая и о свободе никто уже не говорил.

В том же бараке, в соседней комнате жили немки, так называемые колонисты с Волги. Многие поколения их населяли тамошние деревни, своими готическими постройками напоминая Германию. В начале коллективизации первые ласточки из этих колонистов были высланы подальше от своих насиженных мест. При большой «чистке» 36-37-го года другая их партия была отправлена неизвестно куда, а в начале войны всех оставшихся разослали по разным лагерям. Судьба этих людей была, пожалуй, самой тяжелой. В лагере они находились в особо жестких условиях.

Из комнаты немок доносилось иногда тихое мелодичное пение. Голос принадлежал Шарлотте, певице, окончившей Ленинградскую консерваторию, имевшей большой успех во многих городах Советского Союза. В клубе за зоной иногда устраивали концерты для вольнонаемных – в артистах недостатка не было, к тому же этим артистам не надо было платить за выступления. Сам начальник со своей семьей и приезжими гостями, все вольнонаемные, охранники и прочие заполняли клубный зал до отказа. На всех этих концертах Лотта была «гвоздем программы».

Миля была на ночном дежурстве, когда резкий, настойчивый стук в дверь напугал ее и она бегом бросилась открывать. Четверо женщин несли кого-то завернутого в одеяло, лица его не было видно. В приемной комнате они положили свою ношу на скамейку. Мили отвернула одеяло и увидела мертвенно-бледное лицо Лотты, без всяких признаков жизни. Побежали за врачами, которые тут же появились в больнице. Пульс Лотты едва прощупывался, дыхания не было заметно. Врачи делали все, что было возможно, но напрасно: Лотта скончалась.

Что же произошло? Возвращаясь с концерта, Лотта увидела миску с творогом в прихожей на полу. Еда была приготовлена для крыс, которых здесь было великое множество, и все были многократно об этом предупреждены, к тому же миска не впервые стояла в прихожей. Может быть, Лотта об этом забыла и, вернувшись с концерта голодной, не в состоянии была преодолеть соблазн, а может быть зная, что последует быстрая смерть, она сделала это

сознательно. Такой трагический конец ее жизни был потрясением для всех человеческих душ, уставших, безразличных к своей судьбе. Дух протеста – молчаливый, невысказанный, стал витать среди заключенных. Охранников прибавили и им было приказано дважды за ночь обходить бараки, осматривать все нары. Это стало добавочным наказанием для всех: охранники входили по двое, стуча тяжелыми сапогами, нарушая ночной покой. Очень многие не могли уснуть после этих проверок, и единственное утешение – приносящий забвение сон – было потеряно.

Миля получила свою первую зарплату, много денег, и чувствовала себя богачкой. В ларечке можно было купить чай, табак, сахар, хлеб. Для всех в комнате, где она жила, был устроен пир – чаепитие с сахаром, кури сколько хочешь, только хлеба было мало, так как карточная система еще не была отменена, но паек у Миля был в два раза больше, чем у заключенных.

Жизнь стала совершенно роскошной для нее, когда она сумела купить две пары грубых чулок и три метра ситца. Все женщины захотели увидеть ее покупки, любовались ситцем в голубых цветочках, нюхали туалетное мыло, щупали зубную щетку и коробку с пудрой, которая, скорее, походила на толченый мел – все эти вещи были предметом всеобщего удивления и восхищения.

В середине ноября случилось то, чего все так долго ждали – пришло освобождение для всех кавказских женщин. Тогда же были освобождены и многие другие женщины из разных городов Советского Союза. У всех были теперь мысли об отправке на Воркуту, где они должны были получить свидетельство об освобождении, билеты на дорогу и врачебное свидетельство.

Начальнику прибавилось работы по составлению бумаг, и многие из освобожденных женщин, хорошо владевшие русским языком, помогали ему в этом. Никому не нужно было больше ходить на тяжелые работы, это было большим облегчением, и настроение у всех улучшилось.

Говорят, что погода готовится на Северном полюсе, и надо сказать, повара там были не из нежного десятка. Ранняя зима, заморозившая лед на реке, стала еще более жестокой. К тому времени, когда пришло освобождение, термометр показывал -30. Начальник получил приказ из Воркуты никого не отправлять

и ждать более мягкой погоды. В ожидании отъезда женщины переделывали наряды, полученные из коптерки, приспособивая их к своим размерам, менялись валенками, пытаясь подобрать более подходящие для себя, так как при выдаче этой великолепной обуви размер ноги во внимание не принимался.

Из Воркуты сообщили, что предвидится резкая перемена погоды от мороза к оттепели, это сообщение подтвердилось, но настала более сильная оттепель, чем предполагали. День отправки был уже назначен, но в ночь перед нею пошел сильный дождь. Лед покрылся водой. Такая погода была чрезвычайно редкой на реке Уса – обычно с приходом зимы в сентябре холода так и держались до самой весны.

Сани, загруженные пожитками заключенных, отправились в путь по льду реки, за санями тянулась длинная процессия женщин в черных бушлатах и штанах, шагавших вперед - к свободе. До железнодорожной станции, откуда шли поезда на Воркуту, было километров сто, а может, и двести. Не успели пройти и несколько километров, как валенки промокли насквозь. Чем дальше шли, тем глубже становилась вода под ногами, казалось, что льда нет совсем, а есть одна сплошная вода. Охранники, сопровождавшие эту печальную толпу, уверяли, что это не опасно, хотя и не приятно. Из-за оттепели ледяной покров опустился на дно реки, вытолкнув воду на поверхность.

Шлепая по ледяной воде, с трудом передвигая ноги, многие совсем обессиливали и падали в эту ледяную стужу. Удивительно – никто не жаловался на холод, наоборот, пот катился градом и паром поднимался из-под бушлата. Слышен был плач, завывания, как будто по реке шли больные собаки.

То одной, то другой разрешали садиться в сани, но, так как сидя, женщины моментально замерзали, они соскакивали с саней в это ледяное месиво и продолжали свой тяжкий путь. Мили останавливалась много раз, как и другие, чтобы вылить воду из валенок, которые весили теперь по несколько килограммов.

В этом ледяном ужасе человеческое терпение и выносливость подвергались еще одному испытанию. Здравому уму могло показаться невероятным, что люди могли вынести такое.

Впереди Мили, плача, шла Ольга Ильюшина, жена брата

авиаконструктора Ильюшина. Она несколько раз останавливалась, отказываясь идти дальше, собираясь сесть в эту ледяную воду, говоря, что хочет умереть, что у нее больше нет сил идти. Мили упорно принуждала ее идти, сама пошла вперед и потащила за собой плачущую и упирающуюся женщину. Охранники, тоже в валенках, перебежали от одной к другой изнуренной, отказывающейся продолжать путь женщине, просили, умоляли, ругались, тащили за собой.

Наконец путь по реке окончился и по крутому заснеженному подъему они поднялись в лес. Мягкий пушистый снег, о котором сложено столько красивых стихов, написано столько картин, оказался еще большей пыткой, чем ледяная вода в реке. Дороги не было, шли прямо по заснеженному полю, охранник впереди, за ним цепочкой тянулись женщины. Снег налипал на мокрые валенки, и с каждым шагом их подошва становилась все толще и толще, а сами они – все тяжелее и тяжелее. Время от времени приходилось останавливаться и, стоя как цапля на одной ноге, сбивать с них снег о ствол дерева. Мили проклинала создателей этого вида обуви, ей казалось, что ужаснее валенок нет ничего на свете. Если они хороши при сухой морозной погоде, то избави Бог оказаться в них при оттепели! Лесная дорога закончилась. Кто-то увидел мелькнувший меж деревьев огонек и с радостью сообщил об этом остальным. Весть полетела из уст в уста, вселяя надежду и подбадривая. Маленькое село всего в несколько изб, затерявшихся в тайге, служило местом привала тем, кому случалось проходить этой лесной дорогой. И вот освобожденные женщины, проделавшие каторжный путь длиною в тридцать километров, стали сейчас постояльцами этого села. Охранники разместили их по избам – где по десять, а где и по двадцать, Жителям деревни, несомненно, надоели эти постоянные «набеги», нарушающие их покой. Неохотно пускали они к себе «арестантов», но охранники требовали этого весьма настойчиво, и хозяева понимали, что об отказе не могло быть и речи. Огромная печь распространяла райское тепло, на нее положили сушить валенки, а рядом с нею – бушлаты и штаны. За деньги, которые Мили заработала в лагере, получили у хозяйки кое-какую еду и кипяток. Замерзший хлеб разогрели на печи. Доставая из-за пазухи деньги, завернутые в тряпочку, Мили с удивлением

обнаружила, что грудь обсыпана песком. Поразительно, как он мог туда попасть, ведь по дороге были только снег и вода. Мили ощупала свое тело, щепотками снимая с него белый песок и высыпая его на ладонь. Песок – но почему белый? Она показала его другим.

- Это же соль, попробуй, - сказала одна из женщин.

- Соль? Но я же не сыпала себе соль на грудь и шею!

Теперь и другие начали ощупывать себя и снимать с кожи белый песок, который действительно оказался солью. Причиной такого «урожая» соли явилось, очевидно, чрезмерное душевное и физическое напряжение. Но теперь полтора суток можно было отдыхать и высушить промокшую одежду. Хозяйка варила картошку, давала горячее молоко, хлеб у каждого был свой, и все немножко подкрепились и отдохнули. Надо было продолжать путь. Самый тяжелый отрезок был уже пройден. Впереди были наезженные дороги. Мороз, правда, покрепчал, но деревни, в которых останавливались на отдых и где сердобольные жители поили чаем и кормили картошкой, встречались все чаще.

Наконец, прибыли на железнодорожную станцию и заполнили «зал ожидания». Сидели прямо на полу, он был холодным как лед, а маленькая печка-буржуйка не могла обогреть этот курятник. Никто не знал, когда должен придти поезд – может, сегодня, может – завтра, а может, и послезавтра. Не переставая кипела вода в маленьком котелке – это была единственная доступная женщинам роскошь. Никто не ворчал на тесноту – так было теплее, вот только ноги уставали в скрюченном положении. Терпели все, как были приучены терпеть в течение долгих лет. Во всяком случае, сейчас ехали домой, ехали к свободе, к жизни, а не от нее и не было ощущения, что тебя медленно убивают неизвестно за что, как при загрузке в скотские вагоны на тбилисском полустанке – горько лишь было вспоминать тех, кто остался навек в далеких и хмурых местах, так же как и тех, для которых лагерные двери были еще крепко-накрепко заперты. Позже Мили удалось узнать, что очень мало кто из ее соотечественниц вернулся в Финляндию. Вернулась Эва, но своих она так же как и другие, уже больше не видела.

Наконец, на третьи сутки, в тусклом свете заполярного полудня поднялась в пассажирский поезд, но, конечно, не в первый и не во второй его класс. Стены вагонов, также как и в товарных поездах,

в которых женщинам приходилось ездить, были покрыты инеем, сквозь стекла ничего нельзя было разглядеть, так как их покрывал толстый слой льда. От дыхания сотен женщин к потолку поднимался пар как из котла, старые вагоны трещали и раскачивались так, что казалось, они вот-вот перевернутся. В этом ледяном ящике ехали целые сутки, не получив ни капли воды – ни холодной, ни горячей. Питались хлебом, который заморозился и превратился в крупу. Все терпели, не жаловались, не ворчали, хотя голод и, особенно, жажду было так трудно переносить! Все надеялись, что это последнее испытание, и скоро всему этому придет конец.

В Воркуте, городе угля, в воздухе стоял запах сгоревшего, несгоревшего и горящего угля. В дороге почти все простудились, кашляли, у всех, особенно у старых, разболелись суставы, у многих была ангина. У Мили опять появился удушающий кашель и повысилась температура.

С вокзала всех свободных женщин погрузили на грузовики и повезли куда-то по бесконечной снежной равнине. Страшный пронизывающий ветер рванулся им навстречу и они почувствовали, что еще немного – и они превратятся в ледяные надгробья самим себе.

В конце концов доехали, кое-как поывываливались из грузовиков и увидели снова знакомый ландшафт – крепкие запертые ворота, охранников с винтовками, сторожевые вышки по четырем углам высокой бревенчатой стены, обнесенной колючей проволокой. Все было как прежде, только казалось, вроде бы, более усовершенствованным и называлось «пересыльный лагерь». Женщины недоумевали и беспокоились, а охранники молчали как немые. Ворота открылись и всех повели в барак – большую комнату, где горел яркий электрический свет, было чисто и, как особый подарок Небес, было тепло. Женщины получили свои вещи и разместились на чистых нарах, на которых лежали соломенные матрасы и солдатские одеяла. Отель «люкс»!

В барак вошел врач и спросил, кто на что жалуется. Все молчали, боялись попасть в больницу.

- Отлично, - сказал врач, - если все здоровы, отдыхайте, завтра будет врачебный осмотр.

Принесли еду – горячую похлебку. Хлеб был свежим и казался

невероятно вкусным, а чаю можно было пить, сколько хочешь. В этот день ни одна женщина не произнесла слово «свобода», все испытывали божественное наслаждение от тепла, светлой комнаты, все были сыты и даже смогли вымыть лицо и руки теплой водой, которую они не видели в течение двух недель.

Программа следующего дня началась с бани. Всем выдали чистые полотенца и чистое белье, даже мыла хватило на все купание. Не торопились уходить из бани, плескались, лили воду, которая впервые за эти годы не была нормирована, а у Мили еще остался кусок душистого мыла, купленный в Кочмасы и этот кусок переходил из рук в руки, и все напоследок вымыли лицо этим сокровищем. В раздевалке тоже было тепло, и какое наслаждение было чувствовать себя чистой! Настроение у всех было хорошее, смеялись и даже шутили.

В барак вошел врач в сопровождении мужчины в форме и объявил, что всем необходимо пройти медицинскую комиссию и что будут вызывать по алфавиту, и, хотя все женщины уже свободны, это мероприятие является обязательной формальностью.

- Вас тут много, - сказал человек в форме, - и на это понадобится три дня, а может, и больше. Когда медосмотр будет окончен, откроют ворота и всех вас выпустят в город.

Потом он сказал, что целью осмотра является выяснение состояния здоровья женщин с тем, чтобы тех, кого признают здоровыми для работы в этом климате – на «мелочи», конечно, не обращали внимания – оставить в Воркуте по вольному найму по специальности, негодных же спишут по акту и они могут отправляться на все четыре стороны, кроме столичных и больших промышленных городов, так называемых – «режимных». Оставленных по вольному найму обеспечат квартирой и всем необходимым. В Воркуте есть театр, кино, ресторан, кафе, все могут свободно и интересно жить и даже выйти замуж и остаться на постоянное жительство, а семейным, вообще, обещали все блага – детские сады, школы – «что же вам еще надо?» Те же, кто по состоянию здоровья уезжают, получат бесплатный билет – и в добрый путь!

Врач прочел фамилии первых по алфавиту женщин и вместе с человеком в форме вышел из барака. Женщины стояли, будто их ударили обухом по голове. С удивлением смотрели они друг

на друга, ничего не понимая. Вдруг одна из женщин громко, в отчаянии, крикнула: «Какая же это свобода?» - Другая добавила: «Когда же мы станем людьми?» - «Молчите все! Неужели все эти годы не научили вас молчать?» - громко и властно закричала третья.

Врачебная комиссия осматривала Мили. Ее выслушивали, выстукивали, читали прежние истории болезни и удивлялись, как это можно было набрать такой букет, а сейчас снова была у нее вспышка в легких с высокой температурой. Мили признала неподходящей для проживания в этом климате, все врачи единодушно подписали акт о ее негодности. Бывает, что и плохое оборачивается хорошим – так мало было женщин с таким завидно плохим состоянием здоровья, неподходящим к воркутинскому климату. Снова Мили заложила за пазуху множество писем и адресов, так как предыдущие были уже выброшены.

На четвертый день начали вызывать женщин в кабинет начальника, но на сей раз не в алфавитном порядке: по десять женщин за один заход. В канцелярии каждая женщина получала документ, открывающий ворота пересыльного лагеря, а тем, кому разрешено было уехать, давали сразу и железнодорожный билет. Мили все ждала и ждала свою очередь, наконец, она заметила, что все уже прошли и она осталась одна без желанного документа. С ощущением тревоги и непонятного страха она вошла в кабинет и увидела, что на столе лежала одна-единственная папка – ее дело. Она ничего не успела спросить, когда начальник сказал:

- Вы не освобождены, так как вы финка, вас из пересыльного лагеря переведут в другой лагерный пункт на Воркуте.

Даже арест в Тбилиси не принес ей столько боли, сколько эти ровным тоном произнесенные слова.

- Но как же это? Меня освободили в Кочмасы, я работала там вольнонаемной, а теперь моя национальность является новым преступлением, требующим нового ареста? – она никак не хотела поверить, что все рухнуло. Ответа не последовало, и она вернулась в барак.

В тот же день барак опустел, все друзья по многолетнему несчастью ушли. Этот момент оказался для нее самым страшным, страшнее, чем все, что она пережила за эти долгие годы.

Несколько дней и бессонных ночей прошли в этом необъятном,



безнадежном одиночестве. Наконец, Мили под охраной повезли в новый лагерь. И врачи, и начальник забыли, что всего несколько дней назад ее признали негодной для жизни в этих местах.

## 18. ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА.

Воркута – это родина привидений, кошмарных призраков, это место, которого Мили, как и другие заключенные Кочмаса, боялась больше всего. Новый лагерь, куда она попала, был для политических и уголовников, и Мили сразу направили в барак для уголовниц. Она вошла туда со своим старым чемоданом и, алчные взгляды, которые обитательницы устремили на это сокровище, заставили Мили сесть на него. Одна из женщин, проходя мимо «новенькой» бросила небрежно: « Сиди, сиди, как встанешь – ничего не останется.» Через несколько часов такого сидения в барак вошел вахтер и начал проверять всех по списку. « А ты что здесь делаешь? Ты не здесь должна быть,» - сказал он Мили и к огромному ее облегчению, ее перевели в другой барак, так что более подробное знакомство ее с женщинами-уголовницами не состоялось, хотя за это короткое время она успела осознать, что она боится их не меньше, чем привидений.

Приближалось Рождество. Мороз был -40. Дул ветер с Ледовитого океана, острый как бритва. Выходя из барака, надо было закрывать лицо, чтобы избежать моментального обморожения. Те несчастные заключенные, которые должны были работать на строительстве городских зданий, пользовались маской, сшитой из тряпок с отверстиями для глаз. На строительстве были заняты и мужчины, и женщины, с постройкой этих деревянных домов для жилья вольнонаемных и прочих торопились, но не скоро еще из маленького населенного пункта – центра шахт и лагерей – Воркута превратилась в большой индустриальный город.

На новом месте Мили встретились если не с настоящими военнопленными, то с женщинами, о которых говорили, что они весело проводили время с нацистскими офицерами. Где бы такая женщина ни встретилась в лагере, ее можно было узнать по четырехугольному белому лоскуту, вшитому в ее собственную одежду, даже в шубу. Лагерной одежды они не носили. Такие же лоскуты были вшиты в юбки спереди и сзади, а если женщина была в брюках, лоскут красовался на одном колене. Эти лоскуты было невозможно удалить, так как ткань под ними была вырезана.

В этом новом окружении были всякого рода женщины, пестрая смесь национальностей, как на строительстве Вавилонской башни. Были женщины интеллигентные, образованные, были дочери природы из далеких мест Азии. Была одна русская, которая родилась в Гонконге, певица из кабаре. Были китайки и японки, белокурые синеглазые эстонки. Была одна мама- эстонка со своими двумя подростками-дочерьми. Мама плакала целыми днями, иногда и ночами. Девочки где-то работали днем, а вечером они или пели, или дрались. Свою новую трудовую подневольную жизнь Мили начала в большой больнице, в которой находились сотни больных, в основном, юноши с еще не установившемся голосом. Мили работала в мужском отделении, в этой языковой мешанине. Чаще других европейских языков слышались эстонский и польский. Она не писала домой о случившемся, так как еще из Кочмаса послала радостную весть о своем освобождении, хотя и не указала время приезда, просила только терпеливо ждать. Чувство одиночества, однообразие жизни и, главное, неуверенность в будущем делали свое дело, медленно убивая в ней желание жить. Работа не была тяжелой, хотя казалось, что она забирает последние оставшиеся силы. Мили согласилась на ночные дежурства: ночью было тихо и не нужно было много разговаривать. За все годы заключения никогда ее положение не казалось ей таким безнадежным, как здесь на Воркуте.

В мае пурга продолжала бушевать, собрав, очевидно, все остатки своей зимней свирепости. Снег начал таять только в начале июня и только в тех местах, куда добирались солнечные лучи. Солнце светило уже круглосуточно, утомляя не меньше, чем сплошная зимняя тьма. Однажды, когда Мили только что приняла ночную смену, ее вызвали к начальнику лагеря.

- Приду, когда работу закончу, - сказала она и продолжала выполнять свои обязанности. Посыльный вернулся и сказал, что начальник требует ее немедленно и что другая медсестра сменил ее в больнице. Вихрем закружились в голове новые вопросы: « Что это может быть? Новое обвинение? Новый приговор?» Но Мили была готова ко всему самому худшему и решила, что примет все, не дрогнув. И она почувствовала, как напряглись все ее нервы от одной этой мысли. За столом сидел тот же начальник, который

полгода назад нанес ей этот страшный удар. Он приветствовал Мили улыбкой, как старого хорошего друга.

- Вот здесь действительная свобода. Мне самому было неприятно, когда шесть месяцев назад я должен был причинить вам такую боль. – Он добавил, что Мили может не возвращаться на работу и утром ей разрешалось покинуть лагерь и отправиться в город. Он дал ей несколько адресов, где она могла устроиться, объяснил, что нужно еще сделать до выхода из лагеря, вручил ей все необходимые документы, протянул руку и пожелал счастливого пути.

Назавтра надо было отправляться, но как? Город от лагеря далеко, чемодан, хоть и не тяжелый, нести не было сил. Проходя мимо столовой, она увидела человека, который привозил из города хлеб, тут же стояла запряженная лошадь с огромным хлебным ящиком на санях. У Мили мелькнула мысль: вот на этом поеду. Сказала вознице и тот согласился : « Ровно в шесть утра будь здесь.»

В шесть часов Мили была на месте. Чемодан сунули в хлебный ящик, сама Мили пошла к воротам с бумагами, их проверили и ворота лагеря, наконец, открылись перед ней. Подъехали сани, возница скомандовал:

- Быстро лезь на ящик и держись покрепче, а то свалишься. Лошадь у меня резвая, а дорога скользкая, днем подтаивает, к утру подмораживает, если упадешь, некому будет тебя подбирать, так что держись.

- А за что мне держаться? – спросила Мили, влезая на покатую крышку ящика.

- Да за мой воротник, больше не за что, - послышался голос козел.

Мили взглянула на кучера и ухватилась за воротник тулупа, который доходил до края крышки. Удивительно, как она сумела удержаться на этом ящике все десять километров пути при быстрой езде по ледяной дороге. В это время людей отправляли на работу, и все с удивлением смотрели на этого странного ездока. Трудно сказать, были ли эти встречные заключенными или нет, так как здесь даже вольные, не имея ничего другого, были вынуждены носить лагерную одежду. Наверное, Мили выглядела очень забавно, так как вслед ей раздавался смех.

Отправиться сразу же в Грузию ей не разрешили и даже не

объяснили – почему, и не сказали на сколько времени ее задерживают на Воркуте. Надо было найти работу. В городе была одна больница для вольнонаемных, но все рабочие места были заняты. Устроилась она в пошивочной мастерской, где из оленьих шкур шили варежки, шапки и другие вещи. Мили была довольна, так как в мастерской было тепло и чисто, хотя она чихала от сильного запаха и пыли оленьих шкур.

К своему удивлению и радости она встретилась в городе с Маленькой Маней, которая как и другие кавказские женщины, находилась еще в Воркуте и работала в какой-то конторе. Они поселились вместе.

В Воркуте вольнонаемные жили неплохо даже во время войны. Деревянные дома были теплые, солидные, топлива здесь не экономили, оклады были большие, а жены всего начальствующего состава были одеты в великолепные меха.

Мили недолго проработала в мастерской. Однажды чиновник из знакомого управления возник перед нею с бумагой в руке.. Какая еще новая неожиданность ожидает ее? Чиновник предложил Мили выбрать: либо она остается на Воркуте и будет работать в больнице с большим окладом, двухмесячным отпуском, получит хорошую квартиру и много других благ, либо вернется в Грузию, но ни в коем случае в Тбилиси. К тому же, она должна помнить, что ей будет чрезвычайно трудно найти там работу и вдобавок она будет иметь много других неприятностей. « Подумайте и завтра дайте ответ». – Мили усмехнулась, вспомнив шутку, очень популярную у здешних вольнонаемных: « Какой твой любимый город? – Воркута. – А какая твоя любимая песня? – «Прощай, любимый город!» - Придя домой, она намеревалась рассказать обо всем своей подруге, но та начала первой, и Мили узнала, что Маня должна выехать уже послезавтра, даже билет был у нее на руках. Она сказала, что в этих условиях может случиться самое непредвиденное, и она боится как бы что-то не помешало ей уехать. Все это она говорила, как бы извиняясь, что оставляет Мили одну на Воркуте.

Мили ответила ей, что она бесконечно рада тому, что Маня может наконец уехать домой, к тому же она встретится с Ниной и сообщит ей, что мама скоро вернется. Тут же Мили решила, что она вернется домой в Тбилиси, не взирая на запрет.

В дверь постучали. Вошла Ольга, знакомая с первого же вечера по тбилисской тюрьме. Она была страстной курильщицей и Мили, которая часто болела и прекращала курение, отдавала ей свой табак. Этот табак и был единственной связью, соединявшей двух женщин. Мане и Мили так хотелось остаться вдвоем – надо было о многом поговорить, но Ольга не собиралась уходить, наоборот, она положила коробку с табаком на стол и предложила Мили и Мане закурить, хотя отлично знала, что Маня никогда не курила. Редкий случай – она не любила угощать табаком и никогда этого не делала. Выкурили по сигаретке и Ольга начала рассказывать о том, что ей предложили выбрать: Воркуту со всеми благами или неопределенное будущее в Грузии. Назавтра нужно было дать ответ и Ольга не знала как поступить. В Тбилиси ее ждала старая мать, других родных у нее не было. Мили сказала о своем выборе и вместе с Маней они стали уговаривать Ольгу уехать. Начали думать, как обойти запрет въезда в Тбилиси и Ольга придумала: кто здесь будет знать названия местностей в Грузии? На вопрос, куда они собираются ехать, надо ответить: «В Навтлуги». Эта станция тогда еще не входила в черту города.

Провожая Маню, Мили увидела, что та не единственная с кем надо прощаться – этим же поездом уезжали другие грузинки, армянки, азербайджанки. Трудно было узнать эти лица, недавно еще серые, с потухшим взглядом. Сейчас глаза блестели, кожа приобрела живой вид, может быть, и без помощи косметики. Даже волосы женщины попытались причесать в соответствии с модой, увиденной у вольнонаемных. Хуже было с одеждой: преобладали телогрейки. Но без них невозможно было обойтись, так как здесь и в июне было холодно.

Мили и Ольга начали готовиться к отъезду. Свидетельство об освобождении было у них на руках. На кусочке грязно-серой бумаги было написано множество всяких ограничений и запретов, под которыми бывшие заключенные поставили свои подписи. За неимением фотографий личность удостоверялась отпечатком большого пальца. Женщины были предупреждены, что без этого документа начать новую жизнь невозможно и что его надо хранить всю жизнь. Последнее предупреждение Мили хорошо запомнила.

Солидные печати и подписи не позволяли усомниться в

подлинности всего написанного. Когда билеты были уже получены, Мили и Ольга начали приводить в порядок свою одежду. Из чудом сохранившейся ночной рубашки Ольга сшила себе блузку, а Мили сшила отличное платье из ситца, купленного в Кочмасае. За несколько рублей она даже купила себе туфли, но так как выбора ни в размере, ни в фасоне не было, они оказались на номер меньше и жали ей немилосердно.

Мимо окон поезда проплывала невеселая природа тундры. Ехали долго, спальных мест в вагоне не было, и худое тело ныло от жестких скамеек., табачный дым серым туманом наполнял вагон. Трудно было дышать, окна не открывались, колеса стучали оглушительно громко, остановки на станциях были бесконечно долгими, можно было выйти за кипятком, но страшно было потерять свое место. На станциях поезд стоял иногда целый день или ночь, пропуская вагоны с углем. Было неудобно, голова раскалывалась от боли, но поезд все же вез Мили к дому.

В Котласе была пересадка, и целые сутки они стояли в очереди за билетами. Хлеб, полученный в Воркуте, был уже на исходе, а достать что-либо съестное было невозможно. На вокзале стояла бочка с водой, куда лезли все – кто с кружкой, кто с ведром сомнительной чистоты. Наконец получили билеты и пересели в другой поезд. Здесь было чище, теплее, и природа, проплывающая за окном, была уже не такой тоскливой.

Московский вокзал жужжал, как улей; казалось, что вся страна куда-то переезжает. Слышалась ругань, детский плач, зал был переполнен, приходилось перешагивать через спящих. У билетных касс не было никакого порядка, но , наконец, Мили узнала, что билеты на Тбилиси можно получить в кассе, которая находилась на другой стороне вокзальной площади. Карманники шныряли в толпе, то и дело слышалось: «Караул! Последние деньги вытащили!» Мили спрятала деньги за пазуху вместе со своими и Ольгиными документами. Очередь была длинной, стоять, наверное, пришлось бы сутки, но когда Мили вытасила свои документы, так называемые литеры на поезд, стоящий рядом военный сказал:

- Гражданка, вам без очереди полагается, идите прямо в кассу. – Оказалось, что ее документы такие же, какие давали демобилизованным из армии, предоставляющие право получения

билета без очереди. Пробиваясь сквозь толпу, предъявляя свой документ, Мили казалась себе тореадором, размахивающим красным плащом перед мордой быка. Наконец она получила билеты и даже спальные места. И вдобавок к этому, совершенно для нее неожиданно, ей выдали хлебные карточки на них обеих. Она послала телеграмму Нине и Ольгиной матери, желая только одного – чтобы телеграмма дошла вовремя.

Путь домой продолжился, ехать было уже более удобно. Проезжали города и села, изуродованные войной, названия их можно было прочесть только на доске, прикрепленной к столбу – все это действовало так угнетающе, что не хотелось ни говорить, ни думать, и даже многолетняя мечта попасть домой отодвинулась на задний план. Подъехали к Харькову. Мили заплакала. «Что с тобой?» - спросила Ольга, но Мили не ответила.

Красивое здание вокзала, построенное еще до революции, было разрушено, огромные оконные проемы зияли пустотой и жутко было на них смотреть. Мили вспомнила Серафиму Петровну и подумала: «Хорошо, что она умерла до всей этой разрухи».

Чем ближе подъезжали к Кавказу, тем богаче становилась природа и даже разрушения, которых здесь было меньше, скрывались за пышной зеленью. Черное море! Золотые лучи солнца, игравшие с его поверхностью, казалось, наполняли теплом и сердце. Проезжая по этим красивым знакомым местам, Мили почувствовала насколько близка ей стала эта страна - Грузия, в которой она, чужеземка, прожила такое короткое и в начале такое счастливое время. Она взглянула на Ольгу. Ее черные, обычно холодные глаза светились счастьем и выражение ее лица было непривычно добрым. Подъезжая к Тбилиси, Мили чувствовала, что сердце ее бьется все быстрее и быстрее, и при мысли, что она сейчас увидит свою дочь, она готова была все забыть и простить.

Колеса, как бы устав, катились медленнее и вот показался старый знакомый вокзал. На перроне было много встречающих. Мили искала взглядом Нину и Фаину, но их не было видно. Это не встревожило ее, ведь состав был очень длинный, невозможно было сразу найти друг друга. Вдруг Ольга вскрикнула – она увидела своих, схватила чемоданчик и бросилась к выходу, расталкивая других. Мили тоже вышла со своим чемоданом.



Ольга уже плакала в объятиях своей мамы, ее друзья ждали своей очереди, чтобы обнять. Мили стояла в стороне, надеясь увидеть среди встречающих дорогое лицо. Люди уже покидали перрон, но Ольга еще стояла в кругу своих друзей. Нины не было видно, не было и Фаины, которую Мили помнила по фотографии. Из глубины памяти всплыли слова, сказанные ей цыганкой в парке. Все исполнилось: уехала далеко, хоть и не хотела, и вот теперь, вернувшись, стояла одна, объятая страхом, тщетно отыскивая глазами свою дочь. «... а приедешь - испугаешься.»

Ольга с матерью и друзьями дошла уже до выхода с перрона, когда кто-то из ее подруг заметил Мили, стоявшую одиноко с испуганным лицом. Женщина поспешила к Мили и спросила, почему она не уходит? Сквозь слезы, с трудом, Мили ответила, что с ее дочерью, должно быть, случилось что-то ужасное – ведь телеграммы были посланы одновременно, а дочь не встречает ее. Подошли другие друзья Ольги, взяли чемодан Мили, повели ее с собой, все время утешая и говоря, что дочка обязательно найдется.

Дом Ольги находился недалеко от дома Мили. Мили была совершенно обессилена и не могла пойти к себе домой, вернее, она просто боялась, что ее ждет какое-то новое несчастье. Ольге была устроена торжественная встреча. Все было красиво, празднично, уютно, и Мили тоже могла бы радоваться этому, если бы сердце ее не было объято страхом.

Одна из подруг Ольги предложила сходить домой к Нине, но Мили попросила ее пойти к Фаине, которая тоже жила неподалеку – если что случилось с дочерью, то Фаина будет знать.

Много вкусного было приготовлено Ольгиной матерью, но Мили ничего не могла есть, хоть ее и уговаривали от всей души, во рту у нее пересохло, и она только пила воду.

Раздался звонок в дверь, Мили позвали в другую комнату. Там стояла высокая, стройная, светловолосая, красивая молодая женщина. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга и потом в слезах обнялись.

Почти девятилетняя разлука, мучения, страх, ужас – все это было позади. Мать и дочь попрощались с другими счастливыми и отправились к себе домой, где их уже ожидала дорогая, добрая Фаина.

Почему же дочь не встретила Милю на вокзале? Дело было в том, что в справочном бюро вокзала ей сказали, что поезд опаздывает, и в этом не было ничего удивительного, так как такие опоздания случались весьма часто. Нина с Фаиной ушли с вокзала, а поезд на сей раз пришел все же по расписанию.

## 19. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБЩЕСТВО.

В конце июня 1946-го года началась новая жизнь на старом месте. Комната была прежняя и та же старая магнолия росла за окном. Дверь, которая раньше вела в столовую, была закрыта и за ней жила та же семья. Бывший книжный шкаф, который служил теперь для различных надобностей, перегораживал четырнадцатиметровую комнату на две части – кухню и все остальное, а дверь скрывало старое покрывало Мили. На «кухне» стоял ящик и на нем – керосинка и ведро с чистой водой. а внутри него – тазик для умывания и другое ведро, в которое сливали грязную воду. За водой надо было по-прежнему спускаться с третьего этажа во двор, и там же был туалет. В шкафу хранился один стакан, одна кружка, одна ложка, вилка и ножик. В гардеробе не нуждались, вешать туда было нечего. Несмотря на скромность обстановки и многие неудобства, Мили и Нина были счастливы.

Военные госпитали были уже ликвидированы, и Нина работала теперь секретарем Военно-врачебной комиссии. Должность была хорошая. Продукты выдавались еще по карточкам, и так как Мили нигде не работала, жили на то, что получали по одной карточке Нины. Все же не голодали и фигура оставалась стройной.

Фаина рассталась со своим мужем и вышла замуж за директора того самого учреждения, куда Нина была взята на работу в один из самых трудных моментов своей жизни. Они жили обеспеченно, и Фаина часто приглашала Мили и Нину на обед или на какое-нибудь торжество, когда собиралось ее новое общество. Наряды дам были, по-видимому, последней моды, хотя Мили и не была в этом уверена, так как за последние девять лет она ничего кроме телогреек не видела. Ее единственный наряд, который ей так нравился – платье, сшитое на Воркуте из купленного в лагере ситца, казалось ей теперь платьицем Золушки. У Нины тоже было одно- единственное платье – черное, с длинными рукавами, подчеркивающее ее стройную фигуру. Оно было куплено на барахолке и являлось удачной покупкой, если не считать того, что сшито оно было из хорошей шерсти и в тридцатиградусную жару в нем можно было свариться заживо.

Необходимо было устроиться на работу – но где? И как? О больнице нечего было и мечтать, для этого нужно было иметь удостоверение о специальном образовании. Мили знала, что она чувствовала бы себя на своем месте в любой больнице, так как за годы работы в лагерях она приобрела много практических и теоретических знаний и работала бы не хуже многих медсестер, но с надеждой на медицинскую службу надо было распротиться. Жизнь надо было начинать с получения паспорта, без которого она являлась неполноценной гражданкой. Дрожа от страха, Мили вошла в городское отделение милиции. Переходя от окошка к окошку, она наконец дошла до нужного. Женщина в милицейской форме с тупым выражением лица слушала Мили, но явно ничего не понимала и, наконец, потребовала у нее паспорт. Снова пришлось объяснять, что паспорта у нее нет, что именно за этим она и пришла сюда.

- Иди к начальнику, - был ответ.

У кабинета начальника ожидала длинная очередь, и времени у Мили было достаточно, чтобы разглядеть стоящих в ней. Худые лица, знакомое выражение – Мили поняла, по какому делу пришли сюда эти люди.

- В чем дело? – маленький неказистый человек за письменным столом как-то не подходил к солидной обстановке своего кабинета.

Мили успела произнести всего несколько слов, когда тот прервал ее недовольным грубым голосом:

- С какого лагеря? Документ!

Слава Богу, она все время держала в руке эту драгоценную бумагу со множеством подписей и отпечатком большого пальца, иначе, если бы бумага не была наготове, она вряд ли бы поняла, что он от нее хочет.

- Где вы намерены жить? У кого?

- У дочери, - сказала Мили и назвала адрес.

- Проживание на центральных улицах вам запрещено. Найдите себе жилье где-нибудь за городом. Даю вам срок сорок восемь часов.

Значит, так выглядит свобода? Мили шла по улицам, погруженная в свои горькие мысли, и вдруг заметила, что она оказалась у дома старшей сестры Андро. Мили уже навестила ее один раз после приезда и заметила, что прием был довольно прохладным. Про

вещи, оставленные у нее, золовка ничего тогда не сказала, а Мили сама постеснялась спросить. Может быть, она просто забыла про них, надо ей напомнить. Мили встретили так же холодно, как и в первый раз. Она напомнила золовке, что оставила ей на хранение золотые и антикварные вещи, серебряные ложки и кофейник, и лучшие вещи своего гардероба. Золовка сказала, что из всего этого остался только кофейник и одна серебряная ложка, а все остальное украдено было у них в летнее время, когда они были в отъезде.

Украдено! Все то, чем Мили надеялась хоть немного поправить свое положение и купить самое необходимое – было украдено! Даже одежда, и той не осталось!

Младшая золовка сказала ей позже, что виновником этой пропажи был собственный сын Маро – красивый, с детства избалованный, он стал игроком, и не считался ни с чем, когда ему нужны были деньги. Мили взяла свой кофейник и ложку и ушла, не говоря ни слова. Продавать эти вещи она не стала, оставила их на память о прежней жизни. Узнав правду, она пожалела Маро, которая так страдала из-за своего непутевого сына, горе ее вылилось в болезнь, она отказалась от еды и умерла от истощения. Мать Андро потеряла уже двух взрослых сыновей – старший, Георгий, был убит еще в 1918-ом году, и дочь.

От родных Андро Мили узнала и о Симонико, который окончил институт в Тбилиси, стал педагогом и уехал работать в деревню. При встрече, которая произошла несколько позже, Мили с трудом узнала его – оставленный ею подросток превратился в высокого красивого молодого человека, вот только смешлив был по-прежнему. И опять Мили подумала: « Какое счастье, что у ребенка были родная мать и родной отец, и ему не пришлось скитаться по детдомам, как тысячам и тысячам других детей!»

На столе в комнате Нины стояла фотография мужчины в военной форме. Мили, конечно, сразу заметила ее, но не спросила – кто это, решила, что дочь сама ей все расскажет, ведь портрет постороннего на свой стол не поставишь. Как-то Нина спросила ее, что она думает о человеке на фотографии.

- Что я могу сказать? Черты лица грузина, выражение говорит о человеке решительном, с характером, кто же он?

- Мой жених, - последовал краткий ответ, - он врач-хирург,

завтра я вас познакомлю.

На следующий день Шалва пришел вместе с Ниной. Он был высоким, стройным, военная форма подходила ему. Поведение его было спокойным и дружелюбным, он вызывал симпатию с первой же встречи, и Мили не удивилась, что Нина выбрала его. Позже, когда они познакомились ближе, Мили стала уважать его за широкую образованность – просто удивительно, сколько знаний могло поместиться в одной голове!

Она приготовила скромный обед, но все ели с аппетитом. Шалва принес с собой бутылку вина и три стаканчика. Выпили за приезд Мили и за все хорошее и провели очень приятный вечер при свете керосиновой лампы – электричество работало нерегулярно.

Говорили и о неприятных вещах, так как Мили не могла скрыть своего огорчения по поводу того, что сказал ей начальник милиции.

- Не надо так огорчаться, - сказал Шалва, - что-нибудь придумаем. Надо заняться обменом квартиры, это будет нетрудно сделать, многие захотят переехать в центр города.

Мили немного успокоилась. Дома она не ночевала, ходила то к золовке Тамаре, то к Эле Вачнадзе, своей подруге по Темняковским лагерям, которая жила одна в маленькой комнате на Анагской улице и была весьма нелюбима своей соседкой по коммунальной квартире, всячески третировавшей ее. Через двое суток после того, как Мили предупредили в милиции, представители власти пришли ночью к Нине домой, и на вопрос «где мать?» она ответила, что мать ее уехала в деревню.

Обмен квартиры состоялся, и теперь Мили казалось, что все уже в порядке и она скоро получит паспорт. На этом обмене они, конечно, не выиграли: комнатка была крохотная, без всяких удобств, за тонкой стеной был установлен водопроводный кран общей кухни на пять семей. В этой кухне жильцы почти никогда не готовили, там только стирали и кипятили белье. Сырость просачивалась через стенку прямо к Мили в комнату, один угол которой никогда не просыхал. Окна в комнате не было, свет проникал через узкую застекленную дверь. Готовить приходилось тут же на керосинке, но воду уже не нужно было таскать на третий этаж со двора.

Кот Мурзик, которого тоже привезли с собой, с удовольствием спускался во двор и лазил там по деревьям.

Ну что же, новая квартира есть, теперь можно начинать хлопоты о паспорте. Мили уже не боялась, она смело пошла в знакомое учреждение – ведь она выполнила приказ и перешла из режимного района. Держа в руке удостоверение о перемене адреса, она уверенно вошла в кабинет начальника.

- Удивительно, что вы ничего не понимаете! Ведь вас же еще в Воркуте предупредили, что все столичные и промышленные города для вас закрыты! Собирайте вещи и уезжайте отсюда! – Мили растерялась, смысл этих слов не доходил до нее. Она пыталась задавать вопросы – почему это и куда же ей теперь, но слова ее так путались, что важный товарищ ничего не понял, сказал, что у него нет времени, и попросил освободить кабинет.

Мили шла по улицам, и в голове ее была путаница, в которой трудно было разобраться. Она вспомнила о Маленькой Мане, может быть, ее судьба такая же горькая, и Мили направилась к ней. Маня жила в большой уютной квартире сестры, где у нее была своя комната. Мили встретили теплыми объятиями, подруга была одета по моде, к лицу причесана, с маникюром, глаза блестели от радости, и трудно было узнать в ней прежнюю «лагерную» Маню. Сестра ее была такой же разговорчивой, как и она сама, Мили даже не могла выбрать момент, чтобы рассказать о своей печали. В разговоре выяснилось, что Маня получила разрешение жить у сестры и теперь может устроиться на работу. Мили ушла, так и не рассказав о своих делах. В горле было такое ощущение, будто туда насыпали перца. «Ведь другие же устроились, почему именно мне так не везет?» - думала она. Вот и Маня вернулась в свой дом, где она прожила всю свою жизнь. Весь этот дом со многими квартирами принадлежал когда-то ее родителям. После их смерти наследникам остался целый этаж. За время заключения она ничего не потеряла из своего имущества. Мили поняла, что у них, как у старожилов Тбилиси, были обширные знакомства и кто-то влиятельный сумел помочь Маленькой Мане. Для многих же, вернувшихся из лагерей, свобода обернулась новыми мытарствами, борьбой за существование, за элементарные человеческие права.

Нина вышла замуж и с этим произошла благоприятная перемена в жизни Мили. Шалва получил назначение на работу или скорее был выслан за женитьбу на дочери «врага народов» в один из курортных

городов Грузии, известным своими родоновыми источниками, и начал работать в Военно-морском санатории, в котором отдыхали и лечились высшие военные чины и их избалованные жены. Красивая природа Цхалтубо и спокойная жизнь, как будто, помогли Мили забыть пережитые мучения. Но ночные кошмары упорно преследовали ее, и она часто просыпалась от собственного крика, видя во сне, что она стоит на пороге «ада» и должна начать его оттапливать.

Вскоре ей посчастливилось найти пару уроков английского языка и, хотя эти доходы не соответствовали даже самым скромным жизненным потребностям, это было большим шагом вперед в ее жизни. У Нины родился первенец – Дмитрий, и Мили была счастлива получить титул бабушки. Через некоторое время кончилась ее жизнь летучей мыши – ей выдали паспорт, хотя и временный и с ограничением передвижения. Иногда ей удавалось съездить в Тбилиси, но она боялась появляться в своей комнате и ночевала то у Фаины, то у других друзей. И в этот период, и в течение долгих последующих лет она и ее свекровь посылали запросы в Москву, Военную прокуратуру и даже Сталину с просьбой сообщить им, где находится Андро, но ответы были настолько туманными, что в них ничего нельзя было понять. Видно было, что отвечавшие и не собирались вдаваться в объяснения.

Относительно спокойная жизнь для всех продолжалась недолго. До Мили стали доходить неприятные слухи и, к сожалению, все они подтвердились. Из Тбилиси выселили неизвестно куда много евреев, главным образом, врачей; говорили и о том, что всех вернувшихся из заключения политических вышлют на целинные земли, в места, где не имелось никакого жилья; говорили, что по ночам с пригородных станций отправляли эшелоны товарных вагонов, заполненных новыми и старыми «врагами народа». В это время Мили была в Тбилиси, но не только к себе домой, даже на ту улицу не посмела пойти. Утром она случайно встретила в городе соседку и та сказала ей, что ночью приходили из милиции, спрашивали про нее и сказали, что когда она появится, соседи обязаны будут об этом сообщить. Соседка посоветовала Мили поскорее уехать из города. К счастью, у Мили были с собой деньги, она купила билет на поезд в Цхалтубо и уехала в тот же день. Шалва и Нина, узнав обо всем,



просили ее больше не ездить в Тбилиси. Такие необдуманные, рискованные поездки прекратились и по другой причине – у Димы появилась сестренка, в жизни Мили появилась новая радость, а с ней и новые заботы.

Через какое-то время счастье Мили, казавшееся ей уже прочным и постоянным, стало омрачаться новой тенью: кто-то из врачей, знакомых Шалвы, был арестован по ложному обвинению, на Шалву стали поступать анонимки о том, что у него в семье живет неблагонадежный политический элемент. Шалву неоднократно вызывали и предупреждали, что он как член партии и офицер Советской Армии должен понять, что это совершенно недопустимо в таком месте как Цхалтубо, куда приезжают высшие чины, с которыми он имеет общение. К счастью для Мили, она узнала обо всем этом только тогда, когда все уже «утряслось» в ее жизни, когда уже нечего было бояться.

В марте 1953-го года радио сообщило, что Сталин слегка заболел. Эта «легкая» болезнь кончилась смертью, настоящей причины которой никто в действительности не знал. Известие о смерти Сталина прогремело как взрыв, казалось, что земля разверзлась под ногами: этот обожествленный правитель, которого все боялись и которым все клялись, умер как простой смертный.

Народ в Советском Союзе привык уже бояться всяких новшеств, обещающих прогресс – все эти новшества требовали новых жертв и каждый думал: «Не я ли стану этой жертвой?» Народ проливал слезы – кто искренне, а кто лишь потому, что не смел не плакать. При мысли о том, что сейчас Берия, самый близкий к Сталину человек, может взять управление государством в свои руки, сердце у Мили, да и не только ее, сжималось от страха. На шахматной доске государства были расставлены фигуры для новой игры и победителем в ней вышел Хрущев, начавший свою деятельность очень решительно. Из архивов достали на свет Божий все документы, свидетельствующие о страшных преступлениях, совершенных над невинными людьми, и начались новые судебные разбирательства. Перед судом предстали теперь те юристы, которые, пользуясь садистскими методами, заставляли невинных людей признавать свою «виновность» в самых страшных преступлениях, приговаривая их к смерти или ссылке в места еще более ужасные, чем Воркутлаг. Такими местами были

Норильск, Абдерма, Колыма и Магадан у Охотского моря, ставшие теперь большими промышленными городами, где люди получают высокую зарплату за свой труд и, говорят, едут туда охотно. Судебное разбирательство этих страшных протоколов проходило вначале при открытых дверях, но так как очень часто случались обмороки, сердечные и истерический припадки жен, матерей и повзрослевших детей погибших, когда они узнавали о том, какой ужасной участи подверглись их близкие, то эти заседания стали проводить закрыто. Многие из знакомых Мили по лагерю ходили на эти заседания, но Мили не ходила никогда.

Два года после объявления о реабилитации ждала Мили вызова в Военный Трибунал города Тбилиси и наконец получила его. Она пришла в точно назначенное время и на это раз ей не пришлось стоять в очереди. Она предъявила свой ценный документ с отпечатком большого пальца и временный паспорт. За столом сидел человек в чине полковника, он вежливо предложил Мили сесть и зачитал ей документы, лежавшие перед ним на столе. В одном из них многими подписями и печатями удостоверялась на основании тщательного расследования невинность Андро, осужденного по всем параграфам статьи 58-ой и он объявлялся реабилитированным посмертно.

Второй столь же важный документ держала она в руках, чувствуя себя как во сне. В нем говорилось, что она, жена Андро, пострадала невинно, проведя восемь лет в лагерях, и теперь она тоже реабилитирована. Куда же делся почти лишний год, который она промучалась на Севере? – о нем ничего не было сказано. Этот документ говорил о том, что она теперь полноправная гражданка Советского Союза, может жить в любом его городе, на любой улице и может получить работу в соответствии со своими знаниями; к тому же, ей полагалась персональная пенсия, соответствующая тому положению, которое Андро занимал до ареста. Что касается квартиры – она должна подать заявление и ей обязательно предоставят, в порядке очереди, новую.

Помимо этих двух бумаг, ей вручили документ из Центрального Архива КПСС, настолько важный, что его следовало бы повесить на стену в золотой рамке. Им подтверждалось, что Андро отдал все свои силы служению принципам марксизма-ленинизма, был верным членом Коммунистической партии и теперь посмертно восстановлен

в ее рядах. С этими тремя бесценными бумагами Мили вышла на улицу. Что испытывала она в тот момент? Счастье? Радость? Нет, в душе была одна пустота. Эти документы весили столько, сколько весили многие года ее страданий, ложились на сердце тяжестью всех могил, поглотивших безвинные жертвы, в том числе ее дорогого Андро. Все же долго еще она жила в надежде, что свершится чудо, что Андро вернется. Напрасны были ее надежды. От одного из восьми осужденных на смерть вместе с Андро, Леонида Чантладзе, который был освобожден, но потом арестован вторично и умер в лагере, разбитый параличем, она узнала, что после отправки из Тбилиси все они находились в Полтавской тюрьме, но когда Гитлер напал на Чехословакию, заключенных эвакуировали на восток. По дороге из Полтавской тюрьмы Андро сняли с поезда, сказав, что отправляют обратно в Тбилиси. Все остальное, что Мили узнала о судьбе своего мужа, не имело определенного подтверждения, но до нее доходили упорные слухи, что Берия застрелил Андро в своем кабинете.

Мили получила вознаграждение за гибель своего мужа – персональную пенсию. Надо уметь быть благодарной, не так ли? Она была, конечно, не единственной, кто получил проценты за человеческую жизнь. Сколько людей с синенькими книжечками в руках ежемесячно стояли у окошек сберкасс и с удовольствием принимали эту скудную месячную поддержку? Эти книжечки персонального пенсионера стали настолько уважаемыми, что вызывали иногда тайную или явную зависть тех, кто их не получил. Одна знакомая по лагерю как-то сказала Мили: «Конечно, ты можешь наслаждаться всеми преимуществами, которые тебе дает эта книжка – ведь твой муж был членом партии, так ведь бывало и раньше у вашего брата.» При встречах женщины, прошедшие долгие годы вместе, никогда не говорили о гибели своих мужей, всем это было одинаково тяжело.

Птицу Феникс, которую Мили вышла еще в мордовском лагере и которая путешествовала с ней из одного места заключения в другое, она повесила на стене своей комнаты как знак победы. Она получила незначительную компенсацию за конфискованное имущество, но обижаться не приходилось – что значило это имущество по сравнению с тем, что было потеряно? Почти девять

лучших лет украдено из ее жизни, а юность Нины, которая должна была бы сохраниться самым светлым ее воспоминанием, осталась в памяти, как время постоянной нужды и страха. Воспоминания об этих кошмарных годах постепенно поблекли, но не угасли, но что осталось навсегда от этого пути против течения – это лишь опыт познания человеческой сущности. *Omnia mea mecum porto* – эта латинская пословица стала как бы девизом долгой и переменчивой жизни Мили.

**КОНЕЦ**



**АННА ЭСКУРИ В 5 ЛЕТ.**



**АННА ЭСКУРИ (В НИЖНЕМ РЯДУ СЛЕВА) В КРУГУ СЕМЬИ, 1914 Г.**



**С МУЖЕМ ДИМИТРИЕМ БАХТИНЫМ.**



**МАТЬ ДИМИТРИЯ СЕРАФИМА ПЕТРОВНА ИГУМНОВА.**





**С ДОЧКОЙ НИНОЙ, 1927 Г.**



**ХАРЬКОВ 1929 Г.**



**СО ВТОРЫМ МУЖЕМ АНДРО КВАЧАДЗЕ, 1933 Г.**



**МАРИЯ (МАНЯ) ДЖАДЖАНИДЗЕ.**



**ДОДО БИБИНЕИШВИЛИ.**



**ФАИНА И НИНА, 1940 Г.**



**ВЫШИВКА “ФЕНИКС”.**



**ТБИЛИСИ, 1949 Г.**





**МОГИЛА СОВЕТСКИХ СОЛДАТ ПОГИБШИХ В  
НОРВЕГИИ В 1941-1945 ГГ. (ВО ВРЕМЯ ВИЗИТА В  
ФИНЛЯндиЮ) В 1963 Г.**



**СЕЛО ЛИХАУРИ, В ГОСТЯХ У СИМОНИКО, 1974 Г.**



**АННА И НИНА В ГОСТЯХ В ФИНЛЯНДИИ, 1985 Г.**



Выдано продовольствие на 28 1/2 суток с 1 1944 г.  
 Выдано денежное пособие в сумме рублей (прописью)  
 Выдано денег на питание в рублей (прописью)  
 Выдан билет на проезд от ст. \_\_\_\_\_ железной дороги.  
 до ст. \_\_\_\_\_  
 стоимостью рублей или денгами на билет в сумме \_\_\_\_\_  
 Возвращено личных денег в сумме р. 20  
 подпись начальника ОУЭЗ или старшего торговца  
Начальник ф/д/в/с/т/и Климов  
 Подпись освобожденного  
 Отметки о выдаче продуктов в пути следования  
Иванов  
 Дата и инициалы лица, производившего выдачу \_\_\_\_\_  
 Расписка освобожденного Иванов 9014  
Иванов

ТО ЖЕ, ОБРАТНАЯ СТОРОНА.



**ВОЕННЫЙ  
ТРИБУНАЛ**

**ЗАКАВКАЗСКОГО  
ВОЕННОГО ОКРУГА**

7.04.1956 г.

№ 448

г. Тбилиси

СПРАВКА

Дело по обвинению гр. КВАЧАДZE Нины Ивановны пересмотрено военным трибуналом Закавказского военного округа 6 марта 1956 года.

Решение особого совещания при НКВД СССР от 7 января 1938 года в отношении КВАЧАДZE Нины Ивановны отменено и дело производством прекращено.



ТОЛКАЧЕВ)

*Толкачев*

**СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ НИНЫ КВАЧАДZE  
(АННА ЭСКУРИ).**



Военная Коллегия  
Верховного Суда  
Союза ССР

26. октября 1957 г.

№ 4Н-07063/57

Москва, ул. Воровского, д. 15.

СПРАВКА

Дело по обвинению КВАЧАДЗЕ Андрея Ефимовича, до ареста - 12 ноября 1936 года - работавшего управляющим трестом Тбиллегпромстроя, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 10 октября 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 1 июля 1937 г. и постановление от 21 января 1938 года в отношении КВАЧАДЗЕ А. Е. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

КВАЧАДЗЕ А. Е. реабилитирован посмертно.



ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА  
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР  
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

*А. Костромин*  
А. КОСТРОМИН

ВН

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ АНДРО КВАЧАДЗЕ.

У Р С Р

ВЫКОНАВЧИЙ КОМИТЕТ  
Харківської районної Ради  
депутатів трудящих

БЮРО ЗАЛІСКУ АКТИВ  
громадянського стану

*2. об'їзд*  
1965 р.

№ 877

м. Харків

Ув. гр-ка Кишидзе И.А.!

На Ваше запитання Харківське р/б ЗАГС повідомляє,  
що нами перевірені актові записи о реєстрації  
смерті по г. Кузній с 1923-1926 включительно. Записи  
на гр. Бахтина Дмитрія Алексеевича не знайдено. За  
ці роки архів маєтсь не полностью. За 1927г.,  
1928г. архівні книги о смерті відсутствуют совсем.

Зав. Харківським  
райбюро ЗАГС *М. П.* Власовская.

ОТВЕТ НА ЗАПРОС О ДИМИТРИИ БАХТИНЕ.